

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

48 2025
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (599) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский* (1827–1914), русский ученый-естествоиспытатель и путешественник, экономист, государственный и общественный деятель.

Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский родился в семье отставного капитана лейб-гвардии Измайловского полка, писателя-драматурга Петра Николаевича Семёнова, который, выйдя в отставку, женился на Александре Петровне Бланк, внучке известного московского архитектора Карла Бланка, и обосновался в поместье Рязанка. Молодого человека всегда тянуло к науке, и после окончания школы гвардейских подпрапорщиков он смог поступить на естественное отделение Петербургского университета.

Выдержав экзамен на степень кандидата, в 1849 году Семёнов был избран в члены Императорского Русского географического общества, и с этого времени принимал самое деятельное участие в работе общества как секретарь отделения физической географии, потом — как председатель того же отделения и, наконец, как вице-председатель общества (с 1873 года).

Первой экспедицией Петра Петровича стал переход из Петербурга в Москву через Новгород с изучением растительности. Она продолжилась затем в чернозёмной полосе России, в Воронежской губернии, в верхнем течении Дона. В результате он защитил диссертацию на звание магистра ботаники. Потом последовало путешествие по Европе и продолжение учёбы в Берлинском университете. Там Семёнов познакомился с выдающимся учёным XIX столетия Александром Гумбольдтом, с которым поделился своими планами исследования Центральной Азии. «Привези мне образец вулканической породы с Тянь-Шаня», — просил его Гумбольдт.

В 1853–1855 годах Семёнов работал в Германии, побывал в Швейцарии, Италии и Франции, где продолжал свои исследования в области географии и геологии. Однако его настоящая страсть влекла его к изучению Тянь-Шаня. Издав в 1856 году первый том перевода «Землеведения Азии» Карла Риттера с дополнениями, равными по объёму самому оригиналу, Семёнов предпринял по поручению Русского географического общества экспедицию для исследования горной системы Тянь-Шаня, являвшейся тогда местностью, недоступной для европейцев. В течение двух лет Семёнов посетил Алтай, Тарбагатай, Семиреченский и Заилийский Алатау, озеро Иссык-Куль, первым из европейских путешественников проник в Тянь-Шань и первым поднялся на высочайшую горную группу — Хан-Тенгри.

На Иссык-Куле Семёнов искал упомянутый на каталанской карте христианский монастырь, отождествляемый в настоящее время с археологическим комплексом в Ак-булуне. В это время им были собраны богатые коллекции по естественной истории и геологии страны. Ри-

сунки томского художника П. М. Кошарова, сделанные им во время экспедиции Семёнова, хранятся в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Императорским указом от 23 ноября (6 декабря) 1906 года за заслуги в открытии и первом исследовании горной страны Тянь-Шань к его фамилии «с нисходящим потомством» была присоединена приставка Тянь-Шанский.

В 1873 году Семёнов-Тянь-Шанский был избран вице-президентом Русского географического общества и беспрерывно занимал этот пост вплоть до своей смерти в 1914 году. Он опубликовал книгу, посвященную истории общества за первые 50 лет его существования, организовал и возглавил несколько экспедиций, которые, в числе прочего, сыграли важную роль в развитии статистического дела в России. Впоследствии, в 1897 году Семёнов-Тянь-Шанский провел первую всеобщую перепись населения России.

В 1888 году Семёнов совершил поездку по Закаспийской области и Туркестану, результатом которой стали обширные энтомологические коллекции, пополнившие его громаднейшее собрание насекомых, и статья «Туркестан и Закаспийский край в 1888 году». Кроме вышеупомянутых работ, Семёнов написал целый ряд статей и очерков по разным вопросам географии (например, введения ко всем томам «Живописной России», выходившей под его редакцией, и все статьи по географии в «Энциклопедическом словаре», выходившем в 1860-х годах). В 1893 году он участвовал в составлении сборника «Сибирь, Великая сибирская железная дорога», изданного министерством финансов для всемирной выставки в Чикаго, и в том же году написал статью «Колонизационная роль России».

Пётр Петрович был не только выдающимся ученым, но и обаятельным человеком. Все без исключения его биографы и авторы воспоминаний отмечают острый ум, бескорыстную преданность науке, отзывчивость, чуткость, гуманность, кипучую энергию и настойчивость.

Заслуги Петра Семёнова-Тянь-Шанского были признаны не только в России, но и за ее пределами. Более 60 академий наук по всему миру избрали его своим почетным членом, а открытия и исследования ученого получили многочисленные награды и премии.

Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский умер в Петербурге 26 февраля (11 марта) 1914 года от воспаления лёгких на 88-м году жизни. Похоронен на Смоленском православном кладбище.

В честь него было названо около ста новых видов растений и насекомых, а также 11 точек на карте, где побывал великий исследователь.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сазанцев А. О.

Проблемы квалификации государственной
измены 277

Саимова Р. Р., Чилимская В. И., Южиков А. А.

Психологическая травма потерпевшего как
элемент оценки тяжести преступления..... 279

Сайфутдинов А. М.

Служебная дисциплина сотрудников ГИБДД... 281

Серегина М. С.

О роли структурного соотношения
административных регламентов
с другими формами правовых актов,
регламентирующих деятельность органов
исполнительной власти в России..... 284

Скаредин Д. С.

Основные трудности ограничения
полномочий в осуществлении деятельности
участкового уполномоченного полиции 287

Смирнова В. В.

Виды административных наказаний
за ненадлежащую организацию дорожного
движения..... 289

Смирнова В. В.

Основания привлечения к административной
ответственности за ненадлежащую
организацию дорожного движения 291

Соломкин Н. А.

Свобода договора и формы ее проявления
в законодательстве отдельных европейских
стран 294

Старков Р. В.

Понятие и виды криминальных
инсценировок в современной следственной
практике 296

Старков Р. В.

Особенности выявления криминальных
инсценировок в ходе осмотра места
происшествия..... 298

Степанова Ж. В.

Научные методы, применяемые
при криминологическом анализе
организованной преступности 300

Столярова Т. С.

Права и гарантии обвиняемого
при задержании и заключении под стражу 305

Султанова Е. А.

Роль мировых судов в обеспечении
конституционных прав граждан
в Российской Федерации..... 307

Тараканов С. И.

Квалификация незаконного сбыта
наркотических средств, совершенного
с использованием информационно-
телекоммуникационных сетей: проблемы
теории и судебной практики..... 309

Теплякова П. Д.

Трансформация согласия на обработку
персональных данных в онлайн-среде:
вызовы и правовые механизмы 312

Трейзи А. А.

Ключевые основания для анализа косвенных
выборов 316

Тупкова Л. А.

Проблемы межведомственного
взаимодействия в системе профилактики
безнадзорности и правонарушений
несовершеннолетних..... 317

Ушкань А. И.

Процессуальные и тактические основы
назначения судебной экспертизы и оценки
ее результатов в гражданском процессе..... 321

Федорова В. А.

Государственное регулирование
предпринимательской деятельности и его
особенности..... 324

Филиппова В. В., Погребная Е. О.

Кредитные карты как вид кредитного
договора..... 326

Шабанова Т. В.

Правовая природа земельного участка
и система государственного регулирования
земельноимущественных отношений
в Российской Федерации..... 329

Шалаева О. Е.

Исторические аспекты развития института
административной ответственности
за экологические правонарушения..... 331

Шеина М. В.

Тактико-процессуальные аспекты
использования защитником технических
средств фиксации на досудебных стадиях
уголовного судопроизводства..... 335

Шишкина П. В.

Надзор за законностью применения мер
процессуального принуждения на стадии
проверки сообщения о преступлении 337

Шумен Б. Ш.

Особенности участия защитника в процессе
предъявления обвинения и в допросе
обвиняемого 339

Шумен Б. Ш.

Тактика осуществления защиты обвиняемого
с момента предъявления обвинения 340

Щучкина С. А.

Уголовная ответственность в системе
юридической ответственности нотариусов,
занимающихся частной практикой 342

ИСТОРИЯ

Рыжков А. Д.

«Непонятные, синкретические, странные»:
феномен, анализ и историческая роль малых
партий и общественных движений России
в 1990-е годы на примере Партии любителей
пива 346

Якубжанов Р. О., Тарасова В. В.

Жизненный путь ученого-медика, участника
Великой Отечественной войны..... 351

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы квалификации государственной измены

Сазанцев Артур Олегович, студент магистратуры
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

Статья посвящена рассмотрению сложных моментов квалификации государственной измены, предусмотренного статьей 275 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором проведен глубокий анализ проблем, возникающих при оценке предметов преступления, характеристиках участников, видах информации и формах выражения изменнических действий. Приведены выводы и предложения по устранению имеющихся правовых коллизий и совершенствованию подходов к применению статьи 275 УК РФ.

Ключевые слова: государственная измена, уголовная ответственность, квалификация преступлений.

Проблемы, возникающие при квалификации любого из составов преступлений Особенной части УК РФ, ставят под угрозу достижение целей уголовного судопроизводства, поскольку затрудняют работу сотрудников правоохранительных органов и судов, что сказывается на охране институтов, перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ. По данной причине целесообразно выявить проблемы, возникающие в ходе квалификации государственной измены.

Первая проблема, которая возникает перед сотрудником правоохранительных органов, квалифицирующим государственную измену, заключается в определении предмета данного преступления. Это связано с тем, что в предмете находится несколько видов информации разного характера. Предметом выступают такие виды информации, как общедоступная информация и информация ограниченного доступа (к числу последних относится государственная тайна) [1].

В положениях ст. 275 УК РФ упомянуты два вида проявления государственной измены, которые связаны с сообщением иностранному государству сведений, составляющих государственную тайну. Их необходимо различать по субъекту преступления: субъекту вверены ли были сведения, которые составляют государственную тайну. Первая форма совершенной государственной измены побуждает ответственность за передачу иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, которые составляют государственную тайну, вверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, которые прямо предусмотрены законодательством. Вторая форма, в свою очередь, устанавливает ответственность тогда, когда субъект не получил в установленном порядке доступ к сведениям, являющимся государственной тайной, однако им были реализованы действия по передаче, со-

биранию, похищению или хранению такой информации в целях ее передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям. В таком случае лицо, совершившее государственную измену, несет уголовную ответственность за нее, но в форме шпионажа.

Несколько другая ситуация с общедоступной информацией, которая также может быть предметом государственной измены. При этом запрета на разглашение таких сведений нет, так как по своему характеру они уже являются общедоступными, поэтому возникают определенные трудности в квалификации преступления, совершенного посредством передачи таких сведений. В таком случае разглашение данных сведений криминализируется только при соблюдении ряда условий:

1. Передача или сбор таких сведений выполняется по заданию иностранной разведки, иностранного государства, иностранной организации или их представителя;
2. Данное задание направлено против государственной безопасности России [2].

Представим важную проблему квалификации посягательства по ст. 275 УК РФ, выражающуюся в передаче иностранному государству информации, не соответствующей действительности. По общему правилу, упоминания о характере передаваемой информации в УК РФ и иных нормативных правовых актах не предусмотрено, поэтому можно считать такую информацию предметом преступления, если она способна нанести ущерб РФ. Однако, несмотря на отсутствие указания в диспозиции ст. 275 УК РФ на подобного контекста информацию, возникает вопрос, а будет ли целесообразным привлекать к уголовной ответственности лицо, которое передало ложные данные иностранному государству, ведь в подобных данных отсутствует какая-либо ценность в виду их недействительности? Данный во-

прос в нынешнее время не разрешен, однако нами предполагается, что условия признания предметом преступления общедоступной информации должны применяться по аналогии к отношениям, связанным с передачей ложных сведений. По упомянутой причине, возникает необходимость квалифицировать действия гражданина РФ как государственную измену, если переданные сведения наносят ущерб безопасности России, а также разглашаются по заданию структур иностранного государства.

Таким образом, в ходе исследования проблем квалификации государственной измены, нами были выявлены проблемы, возникающие при оценке предмета совершения преступления, что значительно затрудняет работу правоохранительных органов и суда, поскольку возникает необходимость разграничения составов между собой и учета всех обстоятельств для назначения наказания по ст. 275 УК РФ. В частности, проблема квалификации находит свое выражение в отсутствии четкой регламентации характера передаваемой информации иностранному государству. Данный вопрос проявляется в том, что существуют несколько видов информации: общедоступные сведения, сведения, составляющие государственную тайну (при этом они также подразделяются на вверенные лицу и полученные лицом неправомерно), ложная информация и информация, в которой лицо заблуждается. Из-за существующей градации возникает ряд сложностей в квалификации деяния. Однако нами выявлены пути решения возникшей проблемы. Так, для определения состава государственной измены в действиях лица, субъекту, проводящему квалификацию, следует выяснить наличие следующих условий:

1. Сбор, или передача осуществляется по заданию иностранной разведки (государства, организации или их представителя);
2. Данные действия влекут причинение ущерба безопасности РФ.

При установлении данных признаков любая информация, передаваемая иностранному государству, в зависимости от наличия иных необходимых признаков состава, должна подпадать под предмет ст. 275 УК РФ.

Также стоит отметить такой аспект, как «переход на сторону противника». Под переходом на сторону противника примечание ст. 275 УК РФ понимает участие лица в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники. На данный момент законодательно не закреплено то, при каких условиях упомянутый переход должен признаваться государственной

изменой, что связано, по нашему мнению, с новизной рассматриваемого явления. Исходя из изученных признаков, мы можем вывести то, что такой переход осуществляется только умышленно, чтобы образовывать состав. «Противник» понимается как силы (войска) иностранного государства, международной либо иностранной организации, действия которых направлены против РФ в вооруженном конфликте. Дискуссионным является вопрос формулировки «участия» виновного лица, а именно — в каких активных действиях или бездействии выражается переход и с какого момента подобное участие можно считать окончательным составом государственной измены.

Ввиду отсутствия толкования представленных выше аспектов нами считается объективным предложить пути разрешения существующих законодательных пробелов. А именно — дополнить формулировку примечания несколькими уточняющими положениями. Так, ч. 1 примечания ст. 275 УК РФ будет представлена следующим образом: «Под переходом на сторону противника в настоящей статье понимается активное умышленное участие лица в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники, которое выражается в выполнении заданий командования противника, а также предоставления им сведений или оказании иной помощи». Как видно из приведенного понятия, нами предложено описать характер действий виновного лица, а также уточнить, что такие действия выполняются умышленно. Это разрешит существующие пробелы, что, в свою очередь, позволит наиболее точно квалифицировать совершенные преступления.

Проблема, с которой может столкнуться правоприменитель при квалификации деяния, связана с соучастием, выражается которое в склонении или помощи иностранного гражданина в совершении государственной измены гражданином РФ. В данном случае иностранный гражданин не подлежит уголовной ответственности по ст. 275 УК РФ, его действия подпадают под состав шпионажа, в данном случае возникает вопрос и разграничении инкриминируемых деяний. На наш взгляд и на основе изучения вышеприведенных в исследовании научных трудов, в данном случае будет иметь место вменения гражданину РФ уголовной ответственности по ст. 275 УК РФ, а иностранному гражданину — ст. 276 УК РФ. Данный вывод основан на правилах квалификации, поскольку для соучастия по определенной статье УК РФ необходимо наличие всех признаков состава преступления у обоих соучастников.

Литература:

1. Гарипова А. Н. Изменение уголовно-правовых характеристик преступления «государственная измена» // Вестник науки. 2020. № 6 (27). С. 101–103.
2. Яковлев Н. А. Государственная измена и шпионаж: проблемы правоприменения // Моя профессиональная карьера. 2020. № 10. С. 135–139.

Психологическая травма потерпевшего как элемент оценки тяжести преступления

Саимова Рената Рафаэлевна, студент;

Чилимская Варвара Игоревна, студент;

Южиков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет

В статье рассматривается проблема недостаточного учёта психологической травмы при оценке тяжести преступлений в современном уголовном праве, в частности в законодательстве Российской Федерации. Автор анализирует действующий подход, при котором тяжесть вреда определяется преимущественно по соматическим критериям, в то время как психические последствия — такие как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), хроническая тревога, депрессия — остаются маргинализированными и учитываются лишь косвенно (например, какотягчающее обстоятельство или при компенсации морального вреда). В работе обосновываются аргументы «за» и «против» интеграции психологической травмы в формальную систему квалификации преступлений, выявляются правовые, диагностические и этические сложности, связанные с объективизацией психического вреда. Предлагается компромиссная модель «двойного вреда», сочетающая оценку физического и психологического ущерба, а также усиление роли реабилитации и восстановительного правосудия. Подчёркивается необходимость междисциплинарного взаимодействия юристов, психологов и медиков, а также внедрения травмо-информированного подхода в уголовный процесс. Статья ориентирована на исследователей в области уголовного права, виктимологии и судебной психологии, а также на практикующих юристов и законодателей.

Ключевые слова: психологическая травма, психический вред, тяжесть преступления, моральный вред, ПТСР, виктимология, уголовное право, особая жестокость, судебно-психиатрическая экспертиза, восстановительное правосудие.

В большинстве действующих уголовных кодексов, включая и Уголовный кодекс Российской Федерации, степень тяжести совершенного преступления определяется, главным образом, исходя из объективных и материальных признаков, а именно:

- Тяжкий ущерб здоровью: утрата органа или его функции, прерывание беременности.
- Средний вред здоровью: продолжительное расстройство здоровья.
- Легкий ущерб: кратковременное нарушение нормального состояния здоровья.

Психологическая травма, такая как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), тревожные состояния, депрессия или фобии, чаще всего рассматривается как второстепенный элемент, который принимается во внимание лишь:

- В виде отягчающего обстоятельства, например, «проявление особой жестокости». [14, с. 59]
- При установлении размера компенсации морального вреда в рамках гражданского судопроизводства. [3, п. 4–7]
- В определенных составах преступлений, где нанесение вреда психике является непосредственным объектом, например, угроза убийством или доведение до самоубийства.

Проблема заключается в том, что при совершении, к примеру, ограбления, изнасилования или нападения, физические повреждения со временем заживают, однако психологические последствия могут остаться на всю жизнь. Тем не менее, в соответствии с действующей концепцией, если жертве изнасилования не было нанесено серьезных физических травм, то подобное преступление

может получить менее тяжкую квалификацию, даже несмотря на то, что психологический ущерб может быть колоссальным и непоправимым. [5, с. 87–92]

Аргументы «ЗА» учет психологической травмы при определении меры наказания

1. Принцип соразмерности: мера пресечения должна быть адекватна фактическому вреду, нанесенному пострадавшему. В то время как реальный вред — это не только перелом руки, но и надломленное душевное состояние, лишаящее человека сна, трудоспособности, веры в окружающих. Игнорирование этого аспекта равносильно неполному отражению картины преступления. [7, с. 45–47]

2. Принцип гуманизации: Уголовное законодательство должно идти вперед вместе с развитием науки. Сегодня нейробиология и психология с высокой точностью могут диагностировать ПТСР и другие последствия пережитых травм. Отрицание этого факта означает приверженность устаревшим, исключительно телесным представлениям о вреде, причиненном преступлением. [12, с. 20]

3. Восстановление справедливости: Признание психологической травмы в качестве законного элемента вреда дает жертве чувство того, что ее страдания осознаны и признаны государством и законом. Это играет важную роль в восстановлении веры в справедливость и правовую систему. [6, с. 173–175]

4. Превентивный эффект: Если преступники станут осведомлены о том, что за причинение глубокой психологической травмы последует более жестокое наказание, это может оказать дополнительное сдерживающее воздействие. [10, с. 48]

Аргументы «ПРОТИВ» и ключевые недостатки

1. Сложность доказывания и объективность: Физический ущерб поддается измерению (рентген, судебно-ме-

дицинская экспертиза). Психологическая травма — более субъективна. Как отличить клинически диагностированное ПТСР от симуляции или преувеличения? Необходимы сложная, дорогостоящая психолого-психиатрическая экспертиза, результаты которой могут быть оспорены. [16, с. 37]

2. Риск субъективизма суда: Оценка тяжести травмы может зависеть от личного мнения эксперта и судьи. Это увеличивает риск непоследовательной судебной практики и «лотереи» правосудия. [11, с. 25]

3. Индивидуальные различия: Одно и то же преступление может вызвать тяжелую травму у одного человека и незначительные последствия у другого (из-за устойчивости психики, предыдущего опыта, поддержки окружения). Справедливо ли наказывать преступника сильнее за «неудачливость» его жертвы? Преступник отвечает за свои действия, но должен ли он отвечать за индивидуальные особенности психики жертвы? Это самый сложный этический-правовой вопрос. [18, с. 128–132]

4. Двойная виктимизация: Жертва будет вынуждена неоднократно проходить мучительные допросы и экспертизы, доказывая, что она «достаточно травмирована». Это может усугубить ее состояние. [9, с. 197]

5. Размывание четких границ: Уголовное право полагается на четкие составы и критерии. Введение такого переменчивого фактора, как психологическая травма, может сделать решение менее предсказуемым.

Чтобы интегрировать оценку эмоционального ущерба, не разрушая систему, можно предложить следующие шаги:

1. Четкая классификация расстройств: Законодательно закрепить конкретные, диагностируемые виды психических расстройств, признаваемых тяжелыми последствиями (например, хроническое ПТСР, тяжелая депрессия с суицидальными последствиями, вызванные преступлением). [12, с. 21–22]

2. Обязательная консультация: Ввести обязательную судебно-психолого-психиатрическую экспертизу для конкретных категорий дел (насиленные преступления, сексуальное насилие, преступления против несовершеннолетних). [16, с. 39]

3. Модель «двойного вреда»: Рассматривать тяжесть как совокупность:

- Физического вреда (по действующей шкале).
- Психологического ущерба (как отдельный квалифицирующий признак). [7, с. 103–108]
- Например, нанесение вреда здоровью средней тяжести, повлекшее хроническое ПТСР, может быть переквалифицировано в причинение тяжкого вреда здоровью. [17, с. 147]

4. Ужесточение наказания в рамках имеющихся составов: Самый реалистичный вариант — активнее использовать тяжелую психологическую травму какотягчающее обстоятельство (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ — «особая жестокость») и учитывать при назначении наказания и размера компенсации морального вреда.

– Важно понимать: признание психологической травмы как юридически значимого вреда — это не только

вопрос наказания виновного, но и вопрос восстановления жертвы. Уголовное право все чаще обращается к концепции восстановительного правосудия, где акцент смещается с кары на исцеление отношений и восстановление нарушенного благополучия. [6, с. 274–280]

В этом контексте диагностика и фиксация психологической травмы становятся основанием не только для квалификации преступления, но и для:

– Индивидуальной программы помощи — психотерапия, социальная адаптация, юридическая поддержка, [8, с. 210–215]

– Обязательного включения в приговор мер по компенсации морального вреда, рассчитанной с учетом степени и продолжительности психотравмы,

– Возможности применения альтернативных форм ответственности — через медиацию, при которой осужденный осознает масштаб причиненного вреда, в том числе психологического. [6, с. 281]

Опыт Канады и Новой Зеландии показывает, что при грамотной реализации такие подходы снижают уровень рецидивной виктимизации и способствуют более полному восстановлению жертвы. Необходимо, чтобы уголовно-процессуальный кодекс предусматривал механизм психологической поддержки на всех стадиях производства: от приема заявления до исполнения приговора.

Отказ от признания психологической травмы в XXI веке означает применение устаревшей правовой модели к живому человеческому страданию. Психологическая травма — такая же реальность, как и физическая, и чаще всего является главным и долговременным последствием преступления.

Однако внедрение новой парадигмы требует не только нормативных изменений, но и системной трансформации институтов:

– Создание междисциплинарных групп с участием судмедэкспертов, клинических психологов, психиатров и юристов для разработки единых критериев диагностики и оценки психотравмы.

– Обучение следователей, прокуроров и судей основам травмо-информированного подхода для минимизации вторичной травматизации при взаимодействии с жертвой.

– Государство должно гарантировать доступ к квалифицированной психологической поддержке как неотъемлемую часть правовой защиты.

Признание психологической травмы — это гуманизация и повышение точности уголовного права. Оно позволяет суду видеть не только акт насилия, но и его настоящие, долгосрочные последствия для человеческой жизни.

Право, безразличное к душевным ранам, рискует остаться формальным и оторванным, результативным для бумаг, но бессильным перед страданием живого человека.

Признавая психическую неприкосновенность ценности, равной физической целостности, общество заявляет: «Ты целостен — и в теле, и в душе. И закон защищает тебя целиком».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 30 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда». //vsrf.ru/lc/board/plenum/30539/ (Особенно важно в части оценки нравственных страданий).
4. «Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», утвержденные Постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522. (Яркий пример акцента на соматические критерии).
5. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. — М.: Норма, 2019. — (Содержит глубокий анализ психологических последствий сексуального насилия).
6. Волкова Е. Г., Харитонов Н. К. Виктимология: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2021. — (Рассматривает потерпевшего как центральную фигуру в генезисе преступления и его последствий).
7. Караваев М. В. Психический вред в уголовном праве: монография. — М.: Проспект, 2020. — (Одна из немногих специализированных работ, непосредственно посвященных проблеме).
8. Клепча Е. В. Моральный вред в уголовном судопроизводстве: теория и практика. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2018.
9. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. — СПб.: Питер, 2020.
10. Борисова Н. Е. Психологическая травма как следствие преступления: проблемы уголовно-правовой оценки // Законность. — 2022. — № 5. — С. 45–49.
11. Горшкова И. А. Проблемы установления психического вреда в уголовном процессе // Российский следователь. — 2021. — № 10. — С. 23–27.
12. Егоров В. С. Критерии тяжести психического вреда здоровью: необходимость законодательного закрепления // Медицинское право. — 2023. — № 1. — С. 18–23.
13. Клименко Т. М. Особенности доказывания морального вреда по делам о насильственных преступлениях // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 4. — С. 112–119.
14. Любавина М. А. «Особая жестокость» как проявление психологического насилия над потерпевшим // Уголовное право. — 2020. — № 3. — С. 56–63.
15. Сапрун А. А. Виктимологический аспект в квалификации преступлений: оценка последствий в виде психологической травмы // Вестник Воронежского института МВД России. — 2021. — № 2. — С. 78–84.
16. Федоров А. В. Психолого-психиатрическая экспертиза в уголовном процессе: оценка вреда психическому здоровью потерпевшего // Судебная экспертиза. — 2019. — № 4. — С. 34–40.
17. Иванов П. К. Уголовно-правовое значение психического вреда: дис.... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 189 с.
18. Семенова Л. Д. Психологическая травма потерпевшего и ее учет при назначении наказания: дис.... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2018. — 215 с.

Служебная дисциплина сотрудников ГИБДД

Сайфутдинов Артур Мунирович, студент
Челябинский государственный университет

Служебная деятельность в ГИБДД обладает уникальным правовым статусом: сотрудники здесь действуют не как формальные исполнители, а как субъекты, наделённые государственной властью для обеспечения безопасности на дорогах. Это предполагает особую, закреплённую законодательством степень публичной ответственности. Поведение и профессиональные решения инспекторов напрямую влияют на безопасность дорожного движения и воспринимаются обществом как показатель эффективности и честности всей системы публичной власти [1, с. 47].

Даже мелкое нарушение дисциплины в ГИБДД перестаёт быть частным случаем — оно становится сигналом для общества, демонстрирующим несовершенство или неискренность института. Это подрывает доверие к самой идее справедливого и объективного правоприменения, порождая у граждан убеждение в произволе и условности соблюдения закона [2, с. 208].

Нарушения служебной дисциплины в ГИБДД можно классифицировать по типам: от прямых коррупционных деяний до халатности, некомпетентности и игнориро-

вания обязанностей — все они взаимосвязаны и вместе формируют картину системного распада профессиональной культуры [3, с. 7]. Самым разрушительным видом девиации остаётся классическое взяточничество — когда сотрудник использует свои официальные полномочия не для защиты закона, а для извлечения личной выгоды, превращая право на наказание или освобождение от него в товар. Вместо инструмента обеспечения правопорядка, государственные полномочия становятся средством получения личной выгоды — закон либо применяется выборочно, либо намеренно игнорируется, превращаясь в услугу, доступную за вознаграждение.

Когда взяточничество становится системным, общество теряет веру в инспектора как защитника закона — он воспринимается уже не как представитель власти, а как участник неформального рынка, где справедливость продается [4, с. 22].

Не менее вредоносной, но часто скрытой формой девиации является сознательное или безразличное невыполнение служебных задач — игнорирование нарушений, отказ от оформления протоколов, уклонение от фиксации происшествий. Такое бездействие создаёт двойной эффект: одни водители начинают считать себя вне закона, другие — ощущают бессилие перед произволом, теряя веру в возможность защитить свои права через официальные каналы [5, с. 112]. В результате институт правоприменения подвергается девальвации, а сама идея справедливой, соразмерной и предсказуемой государственной реакции на правонарушение размывается в общественном сознании.

Особую тревогу вызывает злоупотребление властью — грубое обращение, применение силы без оснований, незаконное ограничение свободы. Эти действия выходят за рамки служебных обязанностей и становятся формой насилия, не обеспеченного правом [6, с. 305]. В подобных ситуациях инспектор деформирует своё служебное положение, подменяя предусмотренное законом правовое воздействие элементами психологического и физического принуждения. Это не только усиливает социальную напряжённость и формирует устойчивый негативный образ полиции как института, но и закрепляет у граждан представление о правоохранительных органах как о потенциальном источнике угрозы, а не о механизме защиты.

К этой же категории относятся и действия, направленные на подлог: создание ложных доказательств, внесение недостоверных данных в протоколы, фабрикация нарушений — всё это разрушает основы правовой системы, превращая документы в инструменты фикции [3, с. 9]. Подобные действия не только морально порочны — они подрывают саму юридическую основу государства, превращая инспектора из субъекта закона в его антипод, чьи документы теряют авторитет и становятся источником правовой неопределённости.

Формальные нарушения — опоздания, пьянство на дежурстве, игнорирование формы — символизируют окончательный крах профессиональной этики: внешний

статус сотрудника не соответствует его внутренней установке, что делает его не просто нарушителем, а антитезой идеала служебного долга [2, с. 215].

Выявление нарушений осуществляется через комплекс мер: внутренний контроль, анализ данных, видеофиксация и обратная связь от граждан — это многоуровневая система, сочетающая ведомственные и общественные инструменты [1, с. 156]. Внутренний контроль реализуется через деятельность подразделений собственной безопасности МВД, проведение плановых и внезапных инспекций, сопоставление отчётных показателей с объективными данными о дорожной ситуации на конкретной территории. В арсенал контрольных практик включаются инсценированные ситуации предложения взятки, позволяющие эмпирически оценить устойчивость инспектора к коррупционным воздействиям [4, с. 28], а также углублённый анализ массивов административных и уголовных материалов с целью выявления типичных признаков формального, механистического оформления, несоответствия фактическим обстоятельствам, либо целенаправленной подгонки данных под заранее заданную управленческую или статистическую установку. Существенное значение приобретают аудио- и видеозаписи с регистраторов патрульных автомобилей: они позволяют реконструировать реальное содержание и тональность взаимодействия инспектора с участниками дорожного движения и соотнести их с тем образом, который воспроизводится в официальных документах.

Внешний контроль усиливает ведомственный, включая активное участие граждан — через обращения, соцсети, публичные платформы — что делает систему наблюдения за работой ГИБДД более открытой и многоуровневой [2, с. 217]. Граждане могут сообщать о нарушениях разными способами: через онлайн-сервисы МВД, мобильные приложения, почту, звонки или через неправительственные организации — это обеспечивает доступность каналов обратной связи. Правозащитные и общественные организации собирают и анализируют информацию о случаях нарушений, создавая базы данных, запуская обсуждения и привлекая медиа — тем самым усиливая общественное давление на систему. Примером современного гражданского контроля служит платформа «Народный инспектор» — она даёт возможность каждому зафиксировать нарушение (включая действия или бездействие инспектора) и сразу передать материалы в соответствующие службы. Такой подход меняет роль гражданина: он перестаёт быть просто свидетелем, становясь активным участником системы контроля, что значительно усиливает её эффективность и охват.

Каждое обращение подлежит обязательной проверке, а при наличии признаков уголовно наказуемых деяний материалы направляются в прокуратуру или следственные органы [5, с. 189]. Существенное место в системе контроля занимает также инфраструктура видеонаблюдения в публичных пространствах и на стационарных постах ДПС: совокупность записей с уличных камер и специализиро-

ванных комплексов фото- и видеофиксации нарушений позволяет выявлять не только случаи незаконного вмешательства в процедуру оформления материалов, но и эпизоды демонстративного бездействия, когда инспектор игнорирует очевидное нарушение. В последние годы к этим инструментам добавляется мониторинг социальных сетей и медиапространства, где граждане публикуют видеозаписи и иные свидетельства злоупотреблений, выступающие важными триггерами для инициирования проверочных и процессуальных процедур.

За нарушения предусмотрена градация последствий — от внутренних взысканий до административных штрафов и уголовного преследования, что позволяет применять меру в зависимости от тяжести деяния [3, с. 10]. Руководители могут применять как мягкие меры (замечания, предупреждения), так и строгие — вплоть до увольнения, если нарушение серьёзно или повторяется. Лёгкие санкции применяются за единичные ошибки; выговоры — за существенные нарушения, которые угрожают качеству работы и требуют официального осуждения. Если сотрудник систематически нарушает правила или грубо исполняет обязанности, его могут понизить в должности или звании — это официально закрепляет потерю доверия со стороны руководства. Увольнение — это последняя мера, используемая только тогда, когда нарушение привело к серьёзным последствиям или явно было совершено с корыстной целью [7].

Когда одно действие нарушает и служебный регламент, и закон (например, КоАП), к нему применяются две формы ответственности — ведомственная и общегосударственная [1, с. 178]. Помимо служебного наказания, нарушителю назначаются штрафы, ограничения или даже запрет на занятие должностей в госслужбе — это усиливает юридическую ответственность. Двойная ответственность (ведомственная + административная) выводит проблему

за пределы внутреннего контроля, включая её в общую систему права и делая последствия для сотрудника более весомыми.

Самые серьёзные нарушения (взяточничество, подлог, превышение полномочий с насилием) переводят сотрудника из категории «нарушителя дисциплины» в категорию «обвиняемого» — теперь дело рассматривается в суде. Эти действия — взяточничество, подлог, превышение полномочий с насилием — являются уголовными преступлениями, за которые предусмотрены реальные сроки, крупные штрафы и пожизненный запрет на работу в госструктурах [4, с. 30]. Начало уголовного дела меняет всё: вместо внутреннего расследования — следствие, суд, публичный приговор, который не только наказывает, но и служит предостережением для других.

Сегодня государство делает ставку не на наказание, а на профилактику — внедряет технологии, обучение, стандарты поведения, чтобы снизить риск нарушений уже на этапе их зарождения [6, с. 512]. Электронные протоколы, автоматические камеры, онлайн-сервисы — всё это снижает возможность манипуляций, подделок и неформальных договорённостей, делая процесс прозрачным и контролируемым. Контроль усиливается за счёт аудита, анализа видео и данных от граждан, а также за счёт обучения — сотрудники проходят курсы по праву и этике, чтобы лучше понимать свои обязанности и границы.

Борьба с нарушениями в ГИБДД — это многогранная задача, которую можно решить только совместными усилиями: государство, полиция и граждане должны работать вместе. Только при условии прозрачности (через технологии), быстрого реагирования, сильного контроля и воспитания этики среди сотрудников можно добиться того, чтобы граждане видели в инспекторе не угрозу, а защитника — гаранта порядка и безопасности на дорогах [2, с. 218].

Литература:

1. Высоцкий, С. А. Административно-правовые средства обеспечения законности контрольно-надзорной деятельности ГИБДД: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.14 / С. А. Высоцкий; Санкт-Петербургский ун-т МВД России. — Санкт-Петербург, 2019. — 220 с.;
2. Саранкина, Ю. А. Служебная дисциплина в органах внутренних дел Российской Федерации: состояние, основные направления обеспечения и проблемные вопросы применения дисциплинарного законодательства / Ю. А. Саранкина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. — 2021. — № 4. — С. 205–218.;
3. Оганесян, С. А. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.14 / С. А. Оганесян; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов, 2020. — 12 с.;
4. Беляева, Е. Г. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Е. Г. Беляева; Юго-Зап. гос. ун-т. — Курск, 2023. — 34 с.;
5. Демидов, Ю. Н. Административная деятельность органов внутренних дел / Ю. Н. Демидов, М. В. Костенников, А. В. Куракин. — 2-е изд. — Домодедово: Всерос. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2016. — 285 с.;
6. Аврутин, Р. Ю. Административная деятельность полиции / Р. Ю. Аврутин, Н. Н. Паук, С. С. Лампадова. — 4-е изд. — Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2024. — 640 с.;
7. Павленко, К. А. Служебная дисциплина в системе правоохранительной службы Российской Федерации: Монография / К. А. Павленко; под ред. засл. деят науки РФ, д-ра юр. наук, проф. Старилова Ю. Н. — Воронеж: Издательство «Научная книга», 2012. — 174 с.

О роли структурного соотношения административных регламентов с другими формами правовых актов, регламентирующих деятельность органов исполнительной власти в России

Серегина Марина Сергеевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Статья посвящена вопросу определения роли структурного соотношения административных регламентов с другими формами правовых актов, регулирующих деятельность органов исполнительной власти на территории нашей страны. По результатам проведенного исследования автор формулирует собственный вывод, обобщающий собранный материал.

Ключевые слова: административный регламент, органы исполнительной власти, стандарт, закон, правовой акт.

On the role of structural relationship between administrative regulations and other forms of legal acts regulating activities of executive bodies in Russia

Seregina Marina Sergeevna, master's student
Chelyabinsk State University

The article addresses the issue of defining the role of structural relationship between administrative regulations and other forms of legal acts regulating the activities of executive authorities within our country. Based on the results of the conducted research, the author formulates his own conclusion summarizing the collected material.

Keywords: administrative regulation, executive authorities, standard, law, legal act.

Развитие системы государственного и муниципального управления неразрывно связано с формированием целостной системы административных регламентов. В связи с чем, актуальным становится определение отдельных аспектов, связанных со становлением практики их разработки. Актуальность анализа в этом направлении объясняется необходимостью уточнения ключевых процедур и возможностей развития дальнейших преобразований административно-управленческой деятельности и системы государственного и муниципального управления.

Применительно к российской практике становления административных регламентов, можно отметить, что они введены относительно недавно — только двадцать лет назад с принятием Постановления Правительства Российской Федерации (далее — РФ) от 19.01.2005 № 30 (ред. от 18.11.2024) «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти». Именно данный документ стал основой для развития процесса принятия и реализации административных регламентов в нашей стране ввиду формирования определений соответствующих дефиниций, возможностей для регламентации деятельности отдельных органов государственной власти и т. д.

Применительно к документу, можно выделить, что он определяет все ключевые вопросы, связанные с практическим применением административных регламентов в деятельности различных государственных органов власти.

В литературе по вопросам анализа и практического применения административных регламентов в деятельности государственных органов выделяется наличие

различных трактовок их сущности. По мнению Г. С. Беляевой, Т. М. Нинцовой, И. Н. Якимовой: административный регламент представляет собой правовой управленческий акт, характеризующийся определенными особенностями, а именно: подзаконный официальный документ, принимаемый и реализуемый органом исполнительной власти (имеющим соответствующие полномочия) в процессе исполнительно-распорядительной деятельности, а также оформленный в соответствии с установленными правилами и требованиями [3, с. 166–168]. Тогда как Ю. В. Швецов трактует административный регламент как особый свод правил, обязательных для исполнения в деятельности отдельных органов власти, а также четко иллюстрирующий особенности развития практики предоставления услуг органами исполнительной власти [6, с. 142–145]. Однако Н. В. Муленко считает, что административный регламент — официальный документ, регламентирующий предоставление государственными органами услуг гражданам и организациям [5, с. 48–51].

Наряду с указанными мнениями в соответствии с федеральным законодательством общепринятой трактовкой понятия «административный регламент» выступает нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги [1].

Такой подход обоснован спецификой выстраивания практики формирования и использования административных регламентов в деятельности российских исполни-

тельных органов власти, в связи с чем далее будет использован именно он.

Развитие института правоприменения административных регламентов в современной России тесно связано с выстраиванием общей системы регулирования процесса предоставления услуг в деятельности исполнительных органов власти. Это влечет за собой необходимость выделения особенностей административных регламентов относительно других нормативно-правовых документов в данной сфере.

Первой из отличительных особенностей административных регламентов относительно прочих документов в сфере регулирования деятельности исполнительных органов власти, становятся характерные признаки таких документов. К ним должны быть отнесены:

— административный регламент позволяет регламентировать административные процедуры с позиции, не связанной с юрисдикционным процессом;

— он включает в себя только процедурные нормы, в которых отражаются порядок, условия, сроки и последовательность действий органов исполнительной власти по реализации процедур, связанных с исполнением различных нормативно-правовых требований. При этом, в административном регламенте не закрепляются различные материальные нормы;

— административные регламенты имеют жесткие требования к своей структуре и содержанию, что отличает такие документы от различных инструкций по предоставлению государственных услуг, внутренние стандарты и т. д.;

— документ позволяет максимально регламентировать все административные действия, упорядочивает их, а также определяет направления совершенствования, в том числе и через ликвидацию избыточных административных процедур, документов, сопровождающих предоставление государственных услуг и т. д.;

— ввиду особенностей развития практики деятельности исполнительных органов власти, административные регламенты включают в себя низкое число отсылок на другие нормативно-правовые документы, тем самым становятся, фактически, документом, которые могут обеспечить возможности для реализации мероприятий в сфере развития деятельности исполнительных органов власти;

— главной задачей формирования административных регламентов становится решение задачи обеспечения открытости и прозрачности деятельности государственных органов исполнительной власти. В связи с чем, включает в себя совокупность информации о предоставляемых государственных услугах, специфике деятельности самих органов власти, а также прочие сведения, позволяющие обеспечить необходимый уровень защиты законных прав и интересов заявителей [2, с. 5–7].

Представленные выше признаки административных регламентов обеспечивают возможности для распределения функций и полномочий отдельных органов власти по вопросам предоставления государственных услуг, выстраивания модели обслуживания и предоставления государственных услуг и т. д.

Это становится основой для выстраивания модели наиболее эффективного распределения регулирующих функций и решения задач распределения регулирующего воздействия между административными регламентами, стандартами предоставления государственных и муниципальных услуг, а также различных внутренних инструкций и положений. Таким образом, возникает необходимость сравнения административных регламентов, стандартов предоставления государственных услуг и различных внутренних положений, приказов и инструкций.

Сравнительная характеристика административных регламентов и стандартов предоставления государственных услуг приведена в Таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика административных регламентов и стандартов предоставления государственных и муниципальных услуг

Административные регламенты	Стандарты предоставления государственных услуг
Нормативно-правовые акты государственных органов исполнительной власти или органов местного самоуправления	Документы отдельных органов исполнительной власти, регламентирующие качество обслуживания населения в рамках процесса предоставления государственных услуг
Устанавливают сроки и последовательность административных процедур, возможности обжалования действий и бездействия со стороны органов власти	Отражают обязательные требования к срокам предоставления государственных услуг, а также перечень и форм документов, которые должны быть представлены со стороны заявителя и органа власти
Служат основой для регламентации как деятельности связанной с предоставлением государственных услуг, так и прочих видов деятельности	Служат основой для деятельности органов власти, непосредственно предоставляющих государственные услуги

Также следует выделить, что административные регламенты достаточно сильно связаны с реализацией функций исполнительных органов власти в сфере организации обслуживания населения, что влечет за собой наличие прямой связи с различными внутренними регла-

ментами и инструкциям в исследуемой сфере в этой связи ниже в Таблице 2 приведена сравнительная характеристика административных регламентов и внутренних инструкций в сфере предоставления государственных услуг исполнительными органами власти.

Таблица 2. Сравнительная характеристика административных регламентов и внутренних инструкций в сфере предоставления государственных услуг исполнительными органами власти [4, с. 54–62]

Признак сравнения	Административные регламенты	Внутренние инструкции, положения и т. д.
Содержание нормативного материала	Основной массив юридических норм представленных в других нормативно-правовых документах	Регламентируется совокупность норм и практика предоставления услуг в деятельности конкретного органа власти
Юридическая конструкция	Четкая, структурно обусловленная и систематическое изложение норм права	Определяется требованиями и задачами регламентации деятельности отдельных органов власти
Цель	Не указывают конкретного результата, а только определяют процедуру достижения необходимого результата	Содержат определенное решение, которое является итогом удовлетворения требований заявителя
Регистрация	Обязательны для государственной регистрации в Министерстве Юстиции в РФ	Не обязательны к регистрации, но могут проходить регистрационные процедуры в соответствии с установленными правилами оценки

В целом, административные регламенты должны рассматриваться как более сложное, комплексное явление, охватывающее все основные аспекты предоставления государственных услуг со стороны органов государственной власти. При этом, внутренние регламенты и положения, чаще всего, действуют на уровне конкретного органа власти и регламентируют конкретные аспекты предоставления государственных услуг в их работе.

Исходя из представленных выше итогов сравнения, можно выделить, что административные регламенты являются более сложной категорией, а также охватывают значительный спектр вопросов, связанных с регламентацией деятельности исполнительных органов власти и межведомственным взаимодействием. Государственные стандарты в сфере предоставления государственных услуг ориентированы на отражение конкретных требований в сфере предоставления государственных услуг и менее обширны по содержанию регламентирующих норм.

Сравнение административных регламентов и различных инструкций и внутренних положений органов исполнительной власти, позволило выделить отличия, связанные с содержанием, целями и юридической конструкцией, а также прочими характеристиками. Таким образом, административные регламенты являются более обширным понятием, чем другие рассмотренные виды регламентирующих документов.

Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод о том, что административные регламенты представляют собой неотъемлемый элемент в развитии практики регулирования деятельности органов исполнительной власти. Их существование является объективным последствием реализации административной реформы в РФ, но существуют и возможности дальнейшего их развития ввиду изменения отдельных аспектов деятельности исполнительных властей в нашей стране.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 10.11.2025).
2. Абсалямова, Д. Э. Административный регламент как нормативный правовой акт: понятие и признаки / Д. Э. Абсалямова, Н. А. Серых, О. Л. Сулейманова // Интернаука. — 2023. — № 2–5(272). — С. 5–7.
3. Беляева, Г. С. Сущность административных регламентов как актов управления / Г. С. Беляева, Т. М. Нинчиева, И. Н. Якимова // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 5(185). — С. 166–168.
4. Лушникова, В. А. Административные регламенты: понятие, признаки, проблемы правовой регламентации / В. А. Лушникова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2024. — № 3(21). — С. 54–62.
5. Муленко, Н. В. Сущность административных регламентов в период проведения административной реформы в Российской Федерации / Н. В. Муленко // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2013. — № 1. — С. 48–51.
6. Шевцов, Ю. В. Административные регламенты: понятие, сущность и тенденции развития / Ю. В. Шевцов // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Тамбов, 19–21 мая 2022 года. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. — С. 142–145.

Основные трудности ограничения полномочий в осуществлении деятельности участкового уполномоченного полиции

Скаредин Денис Сергеевич, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы, связанные с обеспечением общественного порядка участковыми уполномоченными полиции на административном участке при реализации ими полномочий, установленных законодательством Российской Федерации, таких как: отток кадров, недостаток ресурсов для реализации должностных обязанностей, а также повышенная нагрузка. Все это может привести к недостаточному осуществлению контроля за соблюдением административных норм и правил.

Автором данной статьи анализируются нормативные источники, статистика, на основе чего формируется круг проблем и возможных вариантов их решения.

Ключевые слова: ограничение полномочий, участковый полиции, проблемы реализации полномочий, административный участок.

На плечи участковых уполномоченных полиции ложится достаточно большой объем задач по обеспечению правопорядка. Можно сказать, что они являются основным связующим звеном между гражданами и иными сотрудниками органов полиции с широким перечнем обязанностей, которые закрепляет за ними законодательство Российской Федерации.

Приказ МВД России от 29.03.2019 года № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», устанавливает, что участковый уполномоченный полиции — «это должностное уполномоченное лицо государственной исполнительной власти, осуществляемое в соответствии с действующим законодательством обеспечение общественного порядка, защиту прав и свобод человека и гражданина» [3].

Соответственно, основной задачей участковых уполномоченных полиции является защита прав граждан, проживающих в конкретном административном районе (участке). Таким образом, при реализации основной задачи они не только осуществляют деятельность по «защите личности, общества, государства от противоправных посягательств; по выявлению и раскрытию преступлений; предупреждению и пресечению как административных правонарушений, так и преступлений, но и участвуют в обеспечении правопорядка в общественных местах; розыске лиц; контроле за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере оружия» [5].

Спектр деятельности достаточно широкий. Здесь стоит отметить, что реализация вышеуказанных полномочий участковыми уполномоченными полиции в сфере административного законодательства сталкивается с рядом проблем, что говорит о необходимости дальнейшей оптимизации и усовершенствования.

Необходимо выявить основной круг проблем и сформулировать ряд предложений по их устранению.

Итак, к проблемным моментам, проявляющимся в процессе реализации участковыми уполномоченными

полиции их деятельности на обслуживаемом административном участке, относятся следующие.

Согласно приказу МВД России от 06.10.2014 г. № 859 «Об утверждении примерных нормативов численности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации» [2] на 2,8–3 тыс. постоянно проживающих человек приходится 1 участковый уполномоченный полиции. При этом каждый из них обязан проводить профилактические мероприятия по предотвращению административных правонарушений на своем участке и ежедневный профилактический обход для проработки таких категорий граждан, как: освободившиеся из мест лишения свободы, систематические нарушители закона, употребляющие алкогольную и наркотическую продукцию, неблагополучные семьи. Но, с практической точки зрения, это нереализуемо, поскольку один человек не в силах ежедневно обойти такое количество людей, проживающих на административном участке. И это, если быть точными, не единственная их задача. Отсюда выявляется проблема перезагруженности участковых уполномоченных полиции.

Из-за постоянной перезагруженности участковых уполномоченных возникает и следующая проблема, которая выражается в постоянной текучке кадров и неукомплектованности личного состава.

При том, что не укомплектованы кадры, существует и проблема нехватки ресурсов. Зачастую имеющиеся ресурсы распределены между участками неравномерно, что также осложняет выполнение основных задач участковых уполномоченных полиции.

Еще одной серьезной проблемой является недостаточная осведомленность участковых уполномоченных полиции о деталях административного законодательства, что требует серьезного вмешательства и коррекции. Несмотря на то, что ст. 9 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] в качестве одного из требований к кандидатуре участкового уполномоченного полиции предъявляет наличие высшего

образования, далеко не все кадры, состоящие на службе в системе им обладают. И это также является серьезной проблемой, поскольку участковые уполномоченные полиции в процессе своей работы вынуждены решать задачи и вопросы, сходные с компетенцией следователей и дознавателей.

Как верно отмечает К. Власов, «часто возникают проблемы с неполной или недостаточно точной документацией об административных нарушениях, что затрудняет процесс расследования и вынесение соответствующих решений» [4]. Это требует более ответственного подхода к составлению документации и обеспечению ее полноты и достоверности.

Также среди перечня основных проблем стоит отметить и ограниченность полномочий участковых уполномоченных. Все, что входит в их компетенции, по факту, это составление протокола о нарушении и передача его иным службам полиции. Зачастую, этого бывает недостаточно, особенно, если нарушение затрагивает общественную безопасность или порядок. Соответственно, задач у участковых уполномоченных полиции много, а полномочий на их реализацию крайне мало.

Кроме того, возникают проблемы с взаимодействием между участковыми уполномоченными полиции и другими органами исполнительной власти. Процесс данный слабо организован законодательством России и требует более тщательной проработки.

Значит, для того, чтобы сотрудник подразделения участковых уполномоченных полиции мог полноценно осуществлять свою деятельность при несении на службы и на обслуживаемом административном участке необходимо создать следующие условия:

— проработать вопрос более тщательной укомплектации штата;

— правильно и равномерно распределить штат участковых уполномоченных полиции по количеству проживающего населения на административном участке, а также распределить между административными участками ресурсы;

— также полезным было бы реализовать должность помощника участкового уполномоченного полиции, который бы мог оказывать основным сотрудникам серьезную помощь в работе и снизить нагрузку на них. В качестве помощника могут выступать граждане, достигшие 18 лет, являющиеся студентами юридического факультета или имеет незаконченное высшее юридическое образование, или имеет среднее специальное образование по данному направлению;

— повысить квалификационные требования при приеме участковых уполномоченных полиции;

— ввести в полномочия право на самостоятельную регистрацию заявлений и сообщений от граждан;

— предоставить право участковому уполномоченному полиции в случае обнаружения признаков состава преступления при проверке, самостоятельно выходить с ходатайством о возбуждении уголовного дела к прокурору по уголовным делам, совершенным в ситуации очевидности и не требующих проведения следственных действий в полном объеме.

Все перечисленные нами предложения, бесспорно, способны помочь в устранении широкого перечня проблем и снизить нагрузку на участковых уполномоченных полиции.

Литература:

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Российская газета. — 2011. — № 275.
2. Об утверждении примерных нормативов численности подразделений органов внутренних дел российской федерации: приказ МВД России от 06.10.2014 № 859 // Гарант.Ру. — Текст: электронный // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71726390/> (дата обращения: 28.11.2025).
3. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 // Официальный интернет-портал правовой информации. — Текст: электронный // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.11.2025).
4. Власов, К. А. Проблемы реализации участковыми уполномоченными полиции административного законодательства / К. А. Власов // *Matters of Russian and International Law*. — 2023. — № 13. — Т. 8А. — С. 157–165.
5. Мурузиди, А.В., Исмаилов, Д. А. Проблема участковых уполномоченных полиции в обеспечении общественного порядка / А. В. Мурузиди, Д. А. Исмаилов // *Национальное Достояние*. — 2020. — № 4(5). — С. 1–3.

Виды административных наказаний за ненадлежащую организацию дорожного движения

Смирнова Виктория Васильевна, студент

Научный руководитель: Ильин Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Ступинский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье раскрывается понятие организации дорожного движения, рассматриваются виды административных наказаний, применяемых за ненадлежащую организацию дорожного движения, анализируются правовые основания и особенности применения мер ответственности к субъектам, а также раскрываются недостатки назначения административных наказаний за ненадлежащую организацию дорожного движения.

Ключевые слова: административная ответственность, организация дорожного движения, ненадлежащая организация дорожного движения, предупреждение, штраф, административное приостановление деятельности.

Негативные последствия быстрой автомобилизации в Российской Федерации связаны прежде всего с недостаточно развитой улично-дорожной сетью и, как следствие, с ее перегрузкой. Эффективность организации дорожного движения зависит от многих факторов — правовых, организационных, технических. В то же время в Российской Федерации до недавнего времени отсутствовал нормативный правовой акт, определяющий общие задачи управления транспортом. В Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы неконтролируемый рост автомобилизации населения и углубляющийся разрыв между темпами автомобилизации и темпами развития улично-дорожной сети названы одними из основных рисков безопасности дорожного движения [1]. В связи с этим большое значение приобретает эффективное правовое регулирование вопросов организации дорожного движения, на которое направлен Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2].

Концепция проекта Закона «Об организации дорожного движения» была разработана Министерством транспорта Российской Федерации и официально опубликована еще в 2012 году [3]. Законопроект неоднократно подвергался корректировке и был принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении в декабре 2016 г. После многочисленных доработок, в частности исключения спорной нормы о платном въезде автомобилей в город, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации 21 декабря 2017 г. приняла в третьем, окончательном чтении новую редакцию законопроекта. Федеральный закон «Об организации дорожного движения» был подписан Президентом России В. В. Путиным 29 декабря 2017 г. и вступил в силу с 30 декабря 2018 г. Основная цель Закона «Об организации дорожного движения» — создание правовых условий для обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации.

Закон систематизировал и объединил общие нормы, регламентирующие вопросы организации дорожного дви-

жения и определяющие, прежде всего, принципы и требования, которые предъявляются к такой деятельности в Российской Федерации, а также полномочия.

Пункт 5 статьи 3 Закона № 443-ФЗ закрепляет следующее понятие организации дорожного движения: это «деятельность по упорядочению движения транспортных средств и (или) пешеходов на дорогах, направленная на снижение потерь времени (задержек) при движении транспортных средств и (или) пешеходов, при условии обеспечения безопасности дорожного движения».

Организация дорожного движения является важнейшим элементом обеспечения безопасности участников дорожного движения. Нарушения в данной сфере представляют повышенную общественную опасность, что обуславливает необходимость эффективного механизма административной ответственности.

Установление факта правонарушения в сфере организации дорожного движения является лишь первой ступенью в механизме административно-правового регулирования. Ключевым элементом, обеспечивающим реальность и эффективность правовых норм, выступает институт административной ответственности. Многогранность правонарушений в области организации дорожного движения обуславливает и наличие различных видов административных наказаний, которые выполняют функции превенции, репрессии и восстановления нарушенных прав.

Административная ответственность за ненадлежащую организацию дорожного движения реализуется через систему наказаний, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [4]. Виды наказаний расположены в строгой иерархии от менее строгих к более строгим, что закреплено в ст. 3.2 КоАП РФ. В контексте нарушений организации дорожного движения применяются не все, а наиболее характерные для данной сферы виды.

К ним относятся:

- предупреждение;
- административный штраф;
- административное приостановление деятельности.

Каждый из этих видов имеет свою специфику, основания и порядок применения.

Предупреждение является самым мягким видом административного наказания и представляет собой официальное письменное порицание физического или юридического лица (ст. 3.4 КоАП РФ). Оно имеет не только карательный, но и ярко выраженный превентивный характер, так как выносится за незначительные правонарушения и призвано предупредить совершение новых правонарушений.

Предупреждение может быть назначено только в случаях, прямо предусмотренных санкцией соответствующей статьи. Для ст. 12.34 КоАП РФ санкция в виде предупреждения не предусмотрена, что свидетельствует о повышенной общественной опасности данных правонарушений.

Однако предупреждение активно применяется по смежным составам, например, по ст. 19.5 КоАП РФ за невыполнение предписания органа контроля (ГИБДД, прокуратуры) об устранении недостатков организации дорожного движения, если нарушение устранено в срок, но с незначительным опозданием.

Как отмечает А. В. Кудашкин, «в сфере организации дорожного движения предупреждение зачастую носит формальный характер и не оказывает должного превентивного воздействия на субъектов, ответственных за содержание дорог, ввиду отсутствия реальных имущественных или организационных последствий» [5, с. 89]. Например, должностному лицу муниципалитета вынесено предупреждение за несвоевременное (с опозданием на 2 дня) выполнение предписания ГИБДД о замене поврежденного дорожного знака, при этом сам знак был заменен до рассмотрения дела.

Административный штраф является денежным взысканием и наиболее распространенным наказанием за нарушения в сфере организации дорожного движения (ст. 3.5 КоАП РФ). Его карательная и превентивная функции заключаются в нанесении виновному лицу материального ущерба.

Размеры штрафов за нарушения организации дорожного движения существенно различаются в зависимости от субъекта ответственности и тяжести последствий.

Так в соответствии со ст. 12.34 КоАП РФ:

- Для должностных лиц — штраф от 20 000 до 30 000 рублей;
- Для юридических лиц — штраф от 200 000 до 300 000 рублей.

Профессор В. И. Майоров указывает на ключевую проблему: «Размеры штрафов для юридических лиц, особенно по ст. 12.34 КоАП РФ, зачастую несоизмеримо мал по сравнению с бюджетом дорожных фондов и стоимостью контрактов на содержание дорог. Для крупного подрядчика штраф в 300 тысяч рублей может быть менее обременительным, чем затраты на качественное и своевременное выполнение работ по организации дорожного движения» [6, с.178].

Административное приостановление деятельности заключается во временном прекращении деятельности

юридического лица, его филиалов, производства, эксплуатации объектов и т. д. (ст. 3.12 КоАП РФ). Это самый строгий вид наказания в системе ответственности за нарушения организации дорожного движения.

Согласно санкции ст.12.34 КоАП РФ, приостановление деятельности может быть назначено только в случае, если правонарушение создало угрозу причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека. Это исключительная мера, применяемая судом.

А. С. Дугенец анализирует сложность доказывания: «Ключевой проблемой является установление самой угрозы. Суды зачастую требуют доказательств не просто потенциальной, а реальной и неминуемой опасности. Например, отсутствие ограждения на краю обрыва у дороги признается угрозой, а постоянно неисправный светофор на сложном перекрестке — не всегда, пока не произойдет ДТП с тяжкими последствиями» [7, с.33].

Несмотря на наличие системы наказаний, ее эффективность остается предметом дискуссий.

Существует ряд проблем касающихся назначения наказаний за ненадлежащую организацию дорожного движения. Так выделяют проблему неадекватности размера штрафа, как уже отмечалось, штрафы для юридических лиц часто носят символический характер и не стимулируют к реальному улучшению ситуации.

В научной литературе обсуждается возможность введения кратного штрафа, исчисляемого от стоимости контракта на содержание дорог или от суммы причиненного ущерба.

Также выявлена проблема персонификации ответственности: за нарушения часто отвечает обезличенное «юридическое лицо», в то время как конкретные виновные должностные лица несут ответственность реже. Более активное применение дисквалификации (ст. 3.11 КоАП РФ) к должностным лицам, неоднократно допустившим нарушения в сфере организации дорожного движения.

Проблема восстановительной функции заключается в том, что административные наказания не компенсируют вред, причиненный гражданам и их имуществу в результате ДТП из-за ненадлежащей организации дорожного движения. Пути решения проблемы предполагают сделать так, чтобы пострадавшие были вправе предъявлять самостоятельные иски о возмещении вреда к субъектам, ответственным за организацию дорожного движения, в гражданско-правовом порядке. Административное дело при этом может служить доказательством вины ответчика.

Таким образом, система административных наказаний за ненадлежащую организацию дорожного движения представлены тремя основными наказаниями: предупреждением, штрафом и приостановлением деятельности. Административный штраф является наиболее распространенным, но зачастую недостаточно эффективным из-за несоразмерности возможному ущербу. Административное приостановление деятельности, будучи мощным инструментом, применяется крайне редко ввиду сложности доказывания наличия угрозы тяжких послед-

ствий. Повышение эффективности всей системы требует не только ужесточения санкций, но и развития превентивного контроля, совершенствования методик доказы-

вания и усиления персональной ответственности должностных лиц, принимающих ключевые решения в сфере обеспечения организации дорожного движения.

Литература:

1. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 янв. 2018 г. № 1-р;
2. Федеральный закон от 29.12.2017 № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
3. Концепция проекта Федерального закона «Об организации дорожного движения и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газ.;
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ;
5. Кудашкин А. В. Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения: науч.-практ. пособие. — М.: Юстиция, 2019. — С. 89;
6. Майоров В. И. Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017. — С. 178;
7. Дугенец А. С. Актуальные проблемы административной ответственности за нарушения в области дорожного движения // Транспортное право. — 2021. — № 2. — С. 33.

Основания привлечения к административной ответственности за ненадлежащую организацию дорожного движения

Смирнова Виктория Васильевна, студент

Научный руководитель: Ильин Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Ступинский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В настоящей статье проводится комплексное исследование правовых оснований привлечения к административной ответственности за ненадлежащую организацию дорожного движения, что является важной составляющей системы обеспечения безопасности на дорогах. Проводится анализ состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), с особым вниманием к его структурным элементам — объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне. Особое место отводится рассмотрению проблем, возникающих в процессе правоприменения, в частности трудностям, связанным с доказательственной базой, в том числе с доказыванием вины ответственного лица и установлением причинно-следственной связи между конкретными действиями (либо бездействием) субъекта ответственности и наступившими негативными последствиями.

Ключевые слова: административная ответственность, организация дорожного движения, КоАП РФ, состав правонарушения, ненадлежащая организация, судебная практика, причинно-следственная связь, вина, субъекты ответственности, нормативное регулирование.

Обеспечение безопасности дорожного движения относится к числу приоритетных государственных задач, обусловленных как социальной значимостью сохранения жизни и здоровья граждан, так и экономическими потерями, связанными с дорожно-транспортными происшествиями. Снижение аварийности напрямую зависит от качества организации дорожного движения (далее — ОДД), которая призвана обеспечить эффективное и безопасное перемещение транспортных средств и пешеходов в общегородском и межрегиональном масштабе. Пункт 5 статьи 3 Федерального закона № 443-ФЗ от 29.12.2017 г. определяет понятие организации дорож-

ного движения как деятельность, направленную на упорядочение движения транспортных средств и пешеходов на дорогах с целью минимизации потерь времени и задержек при условии обеспечения безопасности движения [1]. Таким образом, ОДД служит не только инструментом повышения пропускной способности транспортной сети, но и ключевым фактором снижения риска возникновения ДТП и связанных с ними негативных последствий.

Нормативное регулирование в области организации дорожного движения представлено комплексом законодательных актов, включая федеральные законы, подзаконные акты, технические стандарты (ГОСТы), а также

методические рекомендации и инструкции. Тем не менее, несмотря на наличие правовой базы, случаи ненадлежащего исполнения обязанностей по организации дорожного движения остаются достаточно распространенными, что связано с рядом объективных и субъективных причин — от недофинансирования и технической несостоятельности инфраструктуры до отсутствия должного контроля и недостатка квалификации ответственных лиц.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит статью 12.34, устанавливающую ответственность за несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений, т. е. требований по организации дорожного движения, что является важным механизмом воздействия на виновных и стимулирования приведения организации дорожного движения в соответствие с нормативными требованиями [2].

Однако в процессе применения нормы статьи 12.34 КоАП РФ наблюдаются значительные трудности, обусловленные как самой конструкцией состава правонарушения, так и практическими аспектами доказывания.

Состав данного административного правонарушения характеризуется как материальный, что означает наступление административной ответственности возможно только при наличии конкретных последствий в виде причинения вреда жизни, здоровью или имуществу граждан. Другими словами, само по себе ненадлежащее исполнение обязанностей по организации дорожного движения без негативных последствий не влечет ответственности, что подчеркивает значимость именно причинно-следственной связи и факта наступления вреда.

Объектом данного правонарушения являются общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения. В частности, непосредственным объектом выступают отношения, охраняющие жизнь, здоровье и имущество участников дорожного движения в процессе организации дорожного движения, то есть они направлены на охрану интересов общества от опасных последствий ненадлежащей организации, которые могут привести к авариям, травмированию или гибели людей, а также к повреждениям материальных ценностей. Такой подход базируется на понимании безопасности дорожного движения как одним из приоритетных общественных благ.

Объективная сторона правонарушения включает три ключевых обязательных элемента:

- действие или бездействие — проявляется в ненадлежащем исполнении должностными лицами обязанностей по организации дорожного движения. Примерами могут служить несвоевременный ремонт светофорных объектов, нарушение требований к расположению и состоянию дорожных знаков и разметки, отсутствие ограждений и сигнализации в местах проведения дорожных работ и строительных мероприятий. Такие нарушения

могут создавать реальные угрозы безопасности участников дорожного движения;

- последствия — наступление вреда, который может выражаться в причинении легкого или средней тяжести вреда здоровью лица либо в имущественном ущербе. Важно подчеркнуть, что при наступлении более тяжелых последствий — причинении тяжкого вреда здоровью или смерти человека — юридическая квалификация переходит в уголовно-правовую плоскость;

- причинно-следственная связь — один из наиболее сложных с доказательной точки зрения элементов состава правонарушения. Необходимо доказать прямую и непосредственную связь между действием (или бездействием) должностного лица, ответственным за организацию дорожного движения, и наступившими последствиями. Это требует всестороннего и глубокого исследования всех обстоятельств дела, исключения альтернативных причин, таких как нарушение правил дорожного движения водителем, техническая неисправность транспортного средства, влияние внешних факторов. Как отмечает С. А. Тихомиров, судебная практика требует «тщательного и всестороннего исследования обстоятельств дела для установления прямой причинной связи» [3, с. 112], что подчеркивает необходимость профессионального и объективного подхода к рассмотрению подобных дел.

Субъектом административного правонарушения в рамках статьи 12.34 КоАП РФ является специальный субъект — должностное лицо, возложенное на которого соответствующие обязанности по организации дорожного движения. К таким лицам относятся руководители и специалисты дорожных служб, коммунальных организаций, эксплуатационных предприятий, а также чиновники органов местного самоуправления, наделенные официальными полномочиями и ответственностью за обеспечение безопасности дорожного движения на определенных территориях. Вопрос разграничения субъектной ответственности, особенно в условиях сложной системы распределения полномочий между различными уровнями государственной власти и специализированными организациями, часто становится предметом сложных судебных споров. Согласно Постановлению Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 46-АД19-10, ответственность следует возлагать именно на того должностного лица, в чьи полномочия и должностные обязанности входит выполнение конкретных действий по обеспечению безопасности дорожного движения [4].

Субъективная сторона характеризуется наличием вины, которая может проявляться в форме умысла или неосторожности. Значительная часть рассматриваемых правонарушений совершается по неосторожности, когда должностное лицо предвидело возможность наступления негативных последствий, однако, исходя из обстоятельств или недостаточной квалификации, без достаточного основания надеялось их избежать, либо вовсе не предвидело

наступления вредных последствий, хотя при наличии должной внимательности и профессионализма это предвидеть было возможно и необходимо. Такая форма вины отражает специфику административных проступков, отличающихся от уголовных по степени общественной опасности и характеру субъективного отношения.

Обзор судебной практики показывает наличие системных проблем, которые не только затрудняют привлечение к административной ответственности по статье 12.34 КоАП РФ, но и снижают эффективность законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения:

- во-первых, широкая и расплывчатая формулировка диспозиции статьи, в частности понятия «ненадлежащее исполнение обязанностей», создаёт значительный простор для усмотрения со стороны правоприменителей, что приводит к неоднородности решений и снижению предсказуемости правоприменения. Размытость критериев усложняет квалификацию конкретных действий или бездействий, что влечет за собой судебные споры и апелляции;

- во-вторых, значительные трудности вызывает доказывание причинно-следственной связи между противоправными действиями и наступившими последствиями. Обычно дорожно-транспортные происшествия включают в себя ошибки водителей, технические неисправности транспортных средств, неблагоприятные погодные условия, что существенно усложняет выделение доли вины именно ненадлежащей организации дорожного движения;

- в-третьих, проблема идентификации конкретного субъекта ответственности часто возникает на фоне сложной структуры распределения полномочий между различными ведомствами и службами. Неоднозначность в определении ответственного должностного лица или структурного подразделения порождает конфликтные ситуации и вызывает затруднения в суде.

Для повышения эффективности правоприменения необходимо внести изменения в законодательство, конкретизировать диспозицию статьи 12.34 КоАП РФ путем введения примечания с примерным перечнем наиболее распространенных видов нарушений в области организации дорожного движения, которые могут повлечь административную ответственность. Такой перечень может включать, в частности, продолжительную неисправность светофорных объектов (более 24 часов), отсутствие знаков приоритета на перекрестках с ограниченной видимостью, отсутствие или неправильное расположение ограждений в местах проведения дорожных работ и другие типовые нарушения. Также важной задачей является законодательное закрепление четких критериев оценки надлежащей организации дорожного движения, учет технических, организационных и иных факторов, влияющих на уровень безопасности.

Таким образом, основания привлечения к административной ответственности за ненадлежащую организацию дорожного движения, закрепленные в статье 12.34 КоАП РФ, формируют сложный материальный состав правонарушения, где ключевыми элементами являются установление конкретного должностного лица, факт ненадлежащего исполнения им должностных обязанностей и прямая причинно-следственная связь между таким нарушением и наступившими последствиями. Несмотря на существующие проблемы, связанные с оценочным характером диспозиции и высокой степенью сложности доказывания, данная норма выполняет важную превентивную функцию, способствуя предотвращению нарушений и повышению общественной безопасности на дорогах. Совершенствование законодательства в части более четкого определения обязанностей и критериев оценки действий субъектов ответственности будет способствовать повышению эффективности административно-правового воздействия, снижению аварийности и укреплению безопасности дорожного движения в Российской Федерации.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2017 № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025);
3. Тихомиров С. А. Административная ответственность за нарушения в области дорожного движения: научно-практическое пособие / С. А. Тихомиров. — М.: Юрист, 2020;
4. Постановление Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 46-АД19–10 по делу № 44-АД19–5 [Электронный ресурс];
5. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с привлечением к административной ответственности за нарушения в области дорожного движения (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 10.

Свобода договора и формы ее проявления в законодательстве отдельных европейских стран

Соломкин Никита Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Попович Марина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Договор является одним из важнейших правовых институтов в России и в зарубежных странах. Связано это с ролью договора в возникновении обязательств между различными субъектами гражданского права. В рыночном хозяйстве договор становится одним из основных способов регулирования экономических взаимоотношений между различными субъектами права, закрепляя определенные права, обязанности, ответственность сторон.

Правовой институт договора получил свое развитие в частном праве Римской империи, где не было единого понятия договора, однако, проанализировав дефиниции отдельных видов договоров, можно сделать вывод, что под ним понимали соглашение между лицами, которое являлась источником для возникновения обязательства между ними (что-либо сделать, продать и т. п.) [1]. Римское право способствовало формированию отдельной правовой системы на территории континентальной Европы, проходило заимствование правовых институтов Римской империи, что, в свою очередь, повлияло и на дефиницию договора в европейских странах.

Дефиниция «договор как соглашение» используется во многих кодексах стран Европы. Так, французский гражданский кодекс Наполеона устанавливает, что договор есть соглашение, посредством которого одно или несколько лиц обязываются перед другим лицом или перед несколькими другими лицами дать что-либо, сделать что-либо или не делать чего-либо [2]. Похожие определения используются и в гражданском кодексе Испании, гражданском кодексе Италии и т. д.. Если говорить о странах англосаксонской правовой семьи, то, например, в Великобритании сущность договора рассматривается в двух пониманиях. В «первичном» понимании под договором понимается некоторое обещание принять на себя юридическое обязательство, которое подтверждается встречным представлением. «Вторичное» понимание исходит из того, что договор представляет собой соглашение, основанное на взаимном согласии сторон [3], что говорит о том, что доктрина британских юристов восприняла некоторые элементы римского права. Однако в первую очередь в Великобритании под договором понимается не документ (в отличие от континентальной Европы), а факт достижения согласия сторон на выполнение взаимных обязательств, что может быть выражено в любой форме. При этом в Великобритании нет легального определения договора, так как система права англосаксонской правовой семьи основана на судебном прецеденте в первую очередь, а не на законе.

Правовое регулирование договора со стороны государства должно быть сбалансированным: с одной стороны, не должна ухудшаться экономическая свобода лиц, участвующих в договорных отношениях, с другой стороны, задача государства — защита слабой стороны и недопущения злоупотреблением права и как следствие причинение ущерба отдельному лицу, обществу или государству. Правопорядки многих стран либо прямо закрепляют принцип свободы договора в своих законах (Гражданский кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Республики Казахстан), либо его подразумевают (Германское гражданское уложение, Французский гражданский кодекс). В свою очередь, данный принцип имеет определенные ограничения, которые были выработаны в тех или иных целях.

Принцип свободы договора является основополагающим началом в договорном праве во многих странах. Принцип свободы договора был известен еще в римском частном праве. В то время он играл важную роль в обществе и государстве, Римская империя была пронизана торговлей, по словам историков древнего Рима, «коммерческий дух охватил всю нацию...», а римские банкиры и купцы заполнили все средиземноморские города [4]. Как пишут исследователи, в праве Римской империи не было единой концепции договорного права, а следовательно, и данный принцип нормативно закреплён не был. Римское право и римские юристы признавали свободу выбора контрагентов и свободу установления условий договоров. Однако свобода договора не была безгранична и законодательством устанавливались определенные ограничения, например, право Рима признавало лишь определенный перечень договоров, следовательно, отсутствовала возможность судебной защиты иных непоименованных договоров, существовали ограничения процентов по договору займа, а также присутствовали иные ограничения в разные эпохи существования государства [5]. По мере упадка Римской империи, свобода договора все больше подвергалась ограничениям, например, устанавливались максимальные тарифные планки на различные товары, работы и услуги. Не смотря на процесс угасания свободы договора в Римской империи, римское частное право оказало большое влияние на формирование данного принципа в странах Европы, в том числе и в России.

В средние века на территории Европы возникло множество феодальных государств. Наличие феодальных отношений способствовало снижению роли свободной торговли в государствах Европы. Монархи и феодалы,

используя свои привилегии, препятствуя другим людям, создавая монополии, подрывали идеи рыночной экономики и принципа свободы договора путем личного вмешательства в договорные отношения других лиц. На формирование идеи о свободе договора, оказывала влияние и религия. Богословы говорили о необходимости существования в договорах справедливой цены и недопустимости процентных суд [4]. В целом, католическая церковь требовала соответствие договоров христианским принципам справедливости.

В позднее средневековье начали активно развиваться рыночные отношения, появлялось большое количество купцов, которые объединялись в торговые гильдии. Ввиду отсутствия должного государственного регулирования частноправовых отношений в сфере торговли, данные коммерческие объединения разрабатывали свои нормы ведения дел (*lex mercatoria*) и большое внимание уделяли в том числе принципу свободы договора [6]. По мере развития идей классического либерализма, теории свободного рынка Адама Смита, принцип свободы договора нашел свое отражение в французском гражданском кодексе Наполеона (1804 г.). Впоследствии, данный принцип «перешел» и в законы других стран Европы.

Стоит сказать, что принцип свободы договора может лишь подразумеваться в законах Европы, но прямо не упоминается. Гражданские кодексы европейских стран уделяют внимание автономии частной воли, из которой вытекает, что стороны сами выбирают контрагента, сами формируют содержание договора и сами выбирают вид договора.

Так, например, В Германском гражданском уложении провозглашен принцип автономии частной воли и сказано, что сделки являются одним из главных оснований для возникновения обязательств между сторонами. Во Французском кодексе Наполеона договор провозглашен как «закон» между конкретными лицами, которые вступают в обязательства между собой по собственной воле, которая должна формироваться без пороков [7]. При этом слово «закон» в ФГК используется как метафора и все-таки договор — это акт локального обязывания, который регулирует отношения только между участниками, вступивших в договорные отношения [8].

В странах англосаксонского права принцип свободы договора вырабатывается судебными прецедентами. Причем, как правило, речь идет не о самом принципе свободы договора, а о его формах проявления. По мнению К. Осаке, существуют, например, следующие формы проявления свободы договора в английском праве: свобода заключения договора, свобода от договора (свобода от заключения договора на переговорном этапе), свобода выбора контрагента, объекта, цели, формы договора, способа заключения, способа обеспечения исполнения, свобода формулирования договорных условий и т. д. [9] Однако данный перечень форм реализации принципа вряд ли можно назвать закрытым, иначе бы это противоречило сущности свободы договора.

При этом в национальных правовых порядках европейских стран могут существовать общие ограничения данного принципа, например, в Германии существует такое понятие, как добрые нравы. Согласно ГГУ, сделка, нарушающая добрые нравы, ничтожна. Также является ничтожной сделка, по которой одно лицо, пользуясь стесненным состоянием, неопытностью, недостаточной рассудительностью или слабостью другого, в обмен на какое-либо использование заставляет его пообещать либо предоставить себе или третьему лицу имущественные выгоды, явно несоразмерные исполнению (кабальные условия сделки) [10]. Сама же доктрина кабальности направлена лишь на анализ соразмерности встречных обязательств [11]. Во французском гражданском кодексе также в 6 статье предусматривается, что запрещается нарушать частными соглашениями публичный порядок и добрые нравы, следовательно, свобода договора является ограниченной, как и при формировании воли сторон (соответствие добрым нравам), так и непосредственно после закрепления воли сторон в договоре (соответствие публичному порядку) [7]. Таким образом, для законодательства европейских государств характерно наличие оценочных категорий (добрые нравы, публичный порядок, кабальность сделки), что для суда может быть основанием для признания договора недействительным, а значит и ограничить свободу лиц в формировании договорных правоотношений.

В странах англосаксонского права для ограничения принципа свободы договора используются так называемые «надзорные доктрины», позволяющие суду контролировать кабальность сделки или злоупотребление положений одной из сторон [9]. Так, существует доктрина «недолжного влияния», устанавливая возможность судебного контроля за сделкой, если одна из сторон оказывала значительное влияние на своего контрагента с целью заключить договор против его воли [12]. Помимо этого, в английском праве, существует «правило против неустойки». То есть суд, в случае выявления чрезмерных сумм, установленных в договоре, вправе признать их неустойкой (то есть суммой, которая, по мнению английских юристов, лишь устрашает контрагента и понуждает его к исполнению договора) и признать данное положение недействительным [13]. Помимо «надзорных доктрин», ограничения могут устанавливаться Статутным правом (совокупность норм права, создаваемых законодательным органом). К примеру, парламентом Англии разработаны такие нормативные акты, как: Закон об аренде, Закон о несправедливых договорных условиях, Закон о потребительском кредите. Императивным нормам данных законодательных актов не могут противоречить условия договоров [14].

Сравнительно-правовой анализ понятия договора позволяет выявить различия в его понимании. Так, в романо-германской правовой семье под договором понимается соглашение (то есть документ, где будет зафиксирована воля сторон); в англосаксонском праве договор — это обещание, которое может и не иметь формальности в виде

отдельного документа, а выражаться даже в устном разговоре между лицами. Принцип свободы договора является основополагающим и был известен в частном римском праве, постепенно он закрепляется в гражданских кодексах отдельных европейских стран. Данный принцип

может как прямо упоминаться в законах, так и подразумеваться в них исходя из системного анализа отдельных норм. Сама свобода договора не является безграничной, в разных странах подлежит ограничению по тем или иным основаниям.

Литература:

1. Семивеличенко Е. А. К вопросу о кратком содержании института договорного права в римском частном праве // Социально-политические науки. 2016. № 4. С.184.
2. Французская республика. Гражданский кодекс / Перевод с французского и комментарий А. В. Гаврилова // СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С.283.
3. Осаке К. Экономико-философская интерпретация договора в англо-американском праве: либеральная теория договора // Журнал российского права. 2004 № 9. С.92
4. Карапетов А. Г. Свобода договора и её пределы. Том 1: Теоретические основы / А. Г. Карапетова. — Москва: Статут, 2012. — 560 с.
5. Иванов А. С. История становления и развития принципа свободы договора в Римской империи // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. № 2. С. 118.
6. Гаджиев Т. Ф., Казановская Ю. А. Lex mercatoria: сравнительно-исторический аспект // Молодой ученый. — 2016. — № 6 (110). — С. 602–605.
7. Прибытков А. А. Свобода договора в контексте современных правовых систем. Тюмень. Научный лидер, 2025.
8. Каминская Е. И. Свобода договора во Французском гражданском кодексе: особенности юридической техники и системного подхода. \ М. Ж. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения 2014.
9. Осаке К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // М. Журнал российского права. 2006. № 8. С. 116.
10. Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch) / Научно-практическое пособие И. А. Покровского, Е. И. Колодкина. Москва: Инфотропик Медиа, 2010
11. Карапетов А. Г. Свобода договора и ее пределы. Том 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А. Г. Карапетов. М. Статут, 2012. — 656
12. Афанасьева Е. Г. 2007. 04. 046. Ридж П. Недолжное влияние и завещание по праву справедливости. Ridge P. equitable undue influence and Wills // law Quart. Rev. — L., 2004. — Vol. 120, n 2. — P. 617–639 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2007. № 4.
13. Литаренко Н. В. Изменение подхода к неустойке в Англии // М. Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 С. 72.
14. Заец Ю. А. Магистрант кафедры гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ» Белгородский государственный университет «Реализация принципа свободы договора в английском праве». С.2.

Понятие и виды криминальных инсценировок в современной следственной практике

Старков Роман Витальевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Верстов Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье проводится анализ криминальных инсценировок как одного из способов противодействия расследованию. Данное понятие исследуется через призму трудов ведущих ученых-криминалистов, раскрывается сущность и двойственная природа криминальных инсценировок. Особое внимание уделяется классификации криминальных инсценировок по цели совершения, субъектному составу, объекту, времени и месту осуществления. Теоретическая значимость работы состоит в углублении концептуальных основ учения об инсценировке, а практическая — в предоставлении следователю системного инструмента для диагностики и разоблачения подобных способов сокрытия преступлений в целях последующего избегания ответственности. Исследование базируется на анализе научных трудов, норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также материалов судебной и следственной практики.

Ключевые слова: криминалистика, инсценировка, расследование преступлений, противодействие расследованию, следственная ситуация.

Введение

Современная преступность характеризуется не только ростом показателей жестокости и цинизма, но и устойчивой тенденцией к интеллектуализации способов уклонения от уголовной ответственности [1, с. 3]. В этом арсенале значимое место занимают криминальные инсценировки, которые в нынешних условиях зачастую приобретают столь сложные формы, что по своим характеристикам начинают превосходить основное преступное деяние. Это парадоксальным образом превращает инсценировку из средства сокрытия в самостоятельный и чрезвычайно информативный источник знаний о личности преступника, его интеллектуальном уровне и мотивационной структуре [2, с. 1]. В связи с этим теоретическое осмысление феномена преступной инсценировки, выработка четкого понятийного аппарата и создание эффективной классификации сохраняют свою высокую актуальность для криминалистической науки и следственной практики.

Основная часть

Несмотря на длительную историю изучения, в криминалистической доктрине до сих пор не сформировалось единого, универсально принимаемого определения преступной инсценировки. Анализ эволюции научных взглядов позволяет выявить ключевые смысловые векторы в понимании этой категории.

Одно из первых развернутых определений принадлежит В. И. Попову, который рассматривал инсценировку как «искусственное создание преступником обстановки, способной ввести следствие в заблуждение и направить его по ложному пути» [3, с. 158]. Данная дефиниция точно фиксирует цель деятельности, но ограничивает круг субъектов исключительно преступником.

Значительный вклад в развитие понятия внес профессор Р. С. Белкин, расширивший субъектный состав. Он определял криминальную инсценировку как «искусственное создание лицом, заинтересованным в определенном исходе следствия, обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию» [4, с. 772]. Этот подход учитывает, что действия по сокрытию могут осуществляться не только исполнителем, но и иными заинтересованными лицами (соучастниками, родственниками и т. д.).

А. Р. Ратинов акцентировал внимание на целеполагании, выделяя в качестве целей инсценировки сокрытие реальных событий, создание ложной картины произошедшего и дезориентацию следствия [5, с. 250]. В. А. Образцов, в свою очередь, рассматривает инсценировку через призму противодействия, определяя ее как «со-

здание видимости события путём целенаправленного внесения в обстановку реального события изменений, направленных на дезориентацию следователя» [6, с. 239].

Синтезируя указанные подходы, под преступной инсценировкой предлагается понимать умышленную деятельность заинтересованного лица, направленную на искусственное создание или преобразование материальной и информационной обстановки места происшествия, с целью формирования у следователя ложного представления о характере, механизме, субъекте или иных обстоятельствах реально совершенного деяния для его сокрытия или затруднения расследования.

Сущность инсценировки носит двойственный характер. С одной стороны, она является навязанной следствию преступной версией события. С другой — она неизбежно содержит специфические черты, порожденные самим процессом инсценирования. Ее содержание составляют как элементы подлинного события, так и искусственные наслоения, вносимые заинтересованным лицом. Это создает уникальное соотношение, при котором внешнее явление представляет собой видимость мнимого деяния, но одновременно с этим отражает в искаженной форме элементы сущности действительного [7, с. 10].

Рассмотрим классификацию криминальных инсценировок. Сегодня многообразие проявлений преступных инсценировок обуславливает необходимость их систематизации. Предлагаемая многоаспектная классификация позволяет всесторонне анализировать данный феномен и является теоретической основой для разработки частных методик расследования.

1. По цели совершения: сокрытие преступления совершатся путем имитации иного преступления, например, маскировка убийства под разбойное нападение) путем имитации непроступного события, например, инсценировка самоубийства, несчастного случая, ДТП [8, с. 370–372]; сокрытие аморального или непроступного события путем создания видимости преступления (например, инсценировка кражи для сокрытия факта растраты имущества по неосторожности); изменение отдельных обстоятельств преступления (места, времени, способа, мотива, субъекта) без сокрытия самого факта деяния [8, с. 370–372]; инсценировка мнимого преступления — создание искусственной следовой картины несуществующего криминального события с целью ввести правоохранительные органы в заблуждение [9, с. 217].

2. По субъекту совершения: совершенные самим преступником; совершенные преступником с помощью соучастников; совершенные иным заинтересованным лицом [10, с. 7].

3. По объекту (содержанию): инсценировка преступления; инсценировка события некриминального харак-

тера; «двойная инсценировка» — создание признаков инсценировки для дезориентации следователя [10, с. 8].

4. По времени совершения: на этапе подготовки к преступлению; непосредственно в процессе преступления; после совершения преступления [7, с. 14].

5. По месту совершения: осуществляемые на месте преступления; осуществляемые вне места преступления [7, с. 15].

Заключение

Таким образом, криминальная инсценировка представляет собой сложный феномен интеллектуального

противодействия, сущность которого заключается в создании ложной реальности для маскировки подлинного события. Разработанная многоаспектная классификация служит системным инструментом для анализа и разоблачения подобных противодействий, что является необходимым условием для совершенствования криминалистических методик. Ключевая роль в преодолении инсценировки отводится осмотру места происшествия, направленному на выявление негативных обстоятельств. Перспективой исследования является дальнейшее изучение сложных видов инсценировок и разработка алгоритмов их раскрытия с использованием цифровых технологий.

Литература:

1. Статистические данные [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. — Режим доступа: <https://мвд.рф/reports>. — (Дата обращения: 01.09.2025).
2. Инсценированные ситуации [Текст] // Криминалистика: электронный учебник. — Режим доступа: https://ebooks.grsu.by/teor_osn_krim/2-20-instsenirovannye-situatsii.htm. — (Дата обращения: 27.09.2025).
3. Попов, В. И. Осмотр места происшествия / В. И. Попов. — Москва: [б. и.], 1959. — 209 с.
4. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3 / Р. С. Белкин. — Москва: [б. и.], 2001. — 1497 с.
5. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. — Москва: [б. и.], 1967. — 418 с.
6. Образцов, В. А. Криминалистика: учебник / В. А. Образцов, Н. П. Яблоков. — Москва: Юрист, 2005. — 781 с.
7. Свиридова, Д. А. Методика расследования преступных инсценировок: магистерская диссертация / Д. А. Свиридова; [Томский государственный университет]. — Томск, 2021. — 81 с.
8. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3 / Р. С. Белкин. — Москва: [б. и.], 1997. — 524 с.
9. Свиридова, Д. А. Инсценировка события мнимого преступления как разновидность криминальной инсценировки / Д. А. Свиридова // Молодой ученый. — 2019. — № 27 (265). — С. 217–219.
10. Варданян, А. В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Российский следователь. — 2015. — № 21. — С. 5–10.

Особенности выявления криминальных инсценировок в ходе осмотра места происшествия

Старков Роман Витальевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Верстов Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются криминалистически значимые особенности осмотра места происшествия, направленного на выявление признаков криминальной инсценировки. Проанализирована сущность инсценировки как интеллектуального способа противодействия расследованию. Особое внимание уделено роли негативных обстоятельств, механизму их возникновения и методологии их выявления. Разработаны практические рекомендации по организации и производству осмотра, включая мысленное моделирование события и алгоритм действий следователя. Исследование основано на анализе современной научной литературы и следственной практики.

Ключевые слова: криминалистика, осмотр места происшествия, криминальные инсценировки, негативные обстоятельства, способ сокрытия преступления, расследование преступлений, противодействие расследованию.

Введение

Криминальная инсценировка представляет собой сложный, многогранный феномен, сущность которого заключается в создании альтернативной, ложной реаль-

ности, нацеленной на маскировку истинного события [3, с. 210]. Являясь интеллектуальной формой противодействия расследованию, она искажает не только внешнюю картину, но и само содержание события, что существенно осложняет познавательную деятельность следователя,

приводит к возникновению тупиковых ситуаций и нарушению причинно-следственных связей [5, с. 310]. Ключевую роль в преодолении инсценировки традиционно играет осмотр места происшествия (ОМП), в ходе которого закладывается основа для выдвижения версий и последующего изобличения виновных.

Основная часть

Рассмотрим сущность и механизм слеодообразования при инсценировке. Инсценировка — это всегда система действий, объединяющая способ совершения и способ сокрытия преступления [11, с. 292]. Ее основной целью является формирование у следователя ложного представления о характере происшедшего события (например, инсценировка самоубийства, несчастного случая, кражи с взломом).

Механизм слеодообразования при инсценировке является «дефектным» по сравнению с механизмом реального преступления. Это обусловлено рядом факторов: объективные факторы, невозможность искусственного создания всей совокупности следов, идентичной реальному событию, отсутствие «неконтролируемых» следов, неизбежно возникающих в ходе подлинного преступления; субъективные факторы, например, неопытность преступника, стрессовое состояние, отсутствие полных знаний об обстановке инсценируемого события, влияние непредвиденных обстоятельств [7, с. 321].

Результатом этого «дефекта» является возникновение системы негативных обстоятельств — обстоятельств, которые противоречат предполагаемой (инсценированной) версии события [3, с. 16].

В. А. Образцов предложил классификацию следов, указывающих на инсценировку, которая не утратила актуальности и современной реальности [7, с. 230–236]:

1. Следы наличия: следы и предметы, которых не должно было быть при реальном инсценируемом событии (например, следы борьбы при инсценировке самоубийства через повешение).

2. Следы отсутствия: следы, которые неизбежно должны были возникнуть, но отсутствуют (отсутствие следов отложения на обуви повешенного при грязном полу; отсутствие металлических опилок у перепиленного замка).

3. Следы несоответствия: следы, характерные для инсценированного события, но находящиеся в состоянии, не соответствующем ситуации (несоответствие размеров похищенных предметов и отверстия, через которое их якобы вынесли; локализация повреждений на трупе, не соответствующая механизму инсценированного ДТП).

Выявление этих групп следов является основной задачей ОМП при подозрении на инсценировку.

Эффективный ОМП в условиях возможной инсценировки должен быть целенаправленным и основан на мысленном моделировании. Можно выделить алгоритм действий следователя, синтезированный из предложений И. А. Николайчука и других авторов [6, с. 131–132]:

1. Восприятие и фиксация обстановки. Тщательное, беспристрастное изучение всей картины места происшествия без предварительных выводов.

2. Выдвижение первоначальной версии. Построение мысленной модели события, которое предположительно имело место (например, самоубийство).

3. Целенаправленный поиск негативных обстоятельств. Сопоставление обнаруженной обстановки с мысленной моделью инсценируемого события для выявления несоответствий (следов наличия, отсутствия и несоответствия).

4. Выдвижение конкурирующей версии. Формулирование версии о подлинном событии, которое могло быть скрыто инсценировкой (убийство).

5. Проверка версий через мысленное моделирование. Детальная реконструкция действий, которые должны были быть совершены участниками как при инсценированном, так и при предполагаемом реальном событии. Проверка физической и психологической возможности выполнения этих действий самим потерпевшим.

6. Формулирование вывода. На основе анализа и сопоставления всех выявленных данных формулируется обоснованный вывод о наличии или отсутствии инсценировки.

В целях оптимизации деятельности по выявлению инсценировок в ходе осмотра места происшествия представляется целесообразной реализация следующих мер:

1. Принцип обязательности выдвижения контрверсии. Несмотря на кажущуюся очевидность характера события, в процессе осмотра необходимо целенаправленно формулировать и проверять альтернативную версию, предполагающую инсценировку. Данный подход позволяет минимизировать риски следственной ошибки, обусловленные преждевременным выводом о характере происшедшего.

2. Комплексное привлечение специалистов. Для повышения эффективности осмотра места происшествия требуется активное вовлечение специалистов различного профиля (судебного медика, криминалиста, автотехника и др.). Участие специалистов обеспечивает профессиональную идентификацию и интерпретацию специфических признаков инсценировки, которые могут остаться незамеченными при проведении осмотра без применения специальных знаний.

3. Систематизация специальных познаний следователя. Необходимым условием успешного выявления инсценировки является формирование у следователя систематизированных знаний о типичных признаках инсценировок применительно к различным видам преступлений. Это позволяет проводить осмотр места происшествия не как пассивную фиксацию обстановки, а как целенаправленный поиск аномалий и противоречий, характерных для имитационной деятельности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что осмотр места происшествия обладает значительным потенциалом в системе средств выявления и разобла-

чения криминальных инсценировок. Детерминирующим фактором эффективности данного следственного действия выступает целенаправленный поиск системы негативных обстоятельств, организуемый посредством механизмов мысленного моделирования и последовательной проверки конкурирующих версий.

Профессионально организованный осмотр места происшествия, базирующийся на понимании дефектной при-

роды механизма слеодообразования при инсценировке, создает необходимые предпосылки для преодоления интеллектуального противодействия расследованию на его начальной стадии. Реализация предложенного алгоритма позволяет не только установить факт инсценировки, но и заложить прочный фундамент для всего последующего доказывания по уголовному делу, обеспечивая его объективность и полноту.

Литература:

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики [Текст]: в 3 т. Т. 3 / Р. С. Белкин. — Москва: Юристъ, 2001. — 1497 с.
2. Возгрин, И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография [Текст] / И. А. Возгрин. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. — 305 с.
3. Белкин, Р. С. Эксперимент в следственной и судебной практике [Текст] / Р. С. Белкин. — Москва: Юридическая литература, 1964. — 223 с.
4. Дементьев, В. В. Инсценировка преступления: сущность и методы раскрытия [Текст] / В. В. Дементьев, В. В. Степанов. — Москва: Юрлитинформ, 2009. — 125 с.
5. Золотова, А. И. Руководство по расследованию убийств [Текст] / А. И. Золотова, И. М. Шмелев. — Москва: Аллур, 2007. — 210 с.
6. Николайчук, И. А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию [Текст]: диссертация... доктора юридических наук: 12.00.09 / И. А. Николайчук. — Краснодар, 2000. — С. 131–132.
7. Образцов, В. А. Криминалистика [Текст]: учебник / В. А. Образцов, Н. П. Яблоков. — Москва: Юристъ, 2005. — 781 с.
8. Овечкин, В. А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками [Текст]: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / В. А. Овечкин. — Харьков, 1975. — 125 с.

Научные методы, применяемые при криминологическом анализе организованной преступности

Степанова Жанна Викторовна, студент

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Организованная преступность представляет собой сложное и многогранное явление, требующее комплексного подхода к её изучению. Криминологический анализ организованной преступности основывается на использовании различных научных методов, которые позволяют понять её структуру, динамику и механизмы функционирования. В данной статье рассматриваются основные научные методы, применяемые в криминологии для анализа организованной преступности, их значимость и практическое применение.

Ключевые слова: метод, научные методы, методология, юриспруденция, свойства, особенности, организованная преступность.

Введение

Организованная преступность охватывает широкий спектр незаконной деятельности, включая торговлю наркотиками, отмывание денег, вымогательство и другие тяжкие преступления, осуществляемые группами, обладающими высоким уровнем организации и устойчивостью. Изучение этого явления требует применения научных методов, которые позволяют не только выявлять и анализировать преступные схемы, но и разрабатывать стратегии борьбы с ними.

Методы, применяемые при криминологическом анализе

Криминологический анализ организованной преступности представляет собой важную область исследования, которая помогает понять природу, структуру и динамику организованной преступной деятельности. Методы, которые используются для криминологического анализа организованной преступности, а также историю изучения этого явления. Понимание этих аспектов является ключевым для разработки эффективных стратегий борьбы

с организованной преступностью и предотвращения ее негативных последствий для общества.

Организованная преступность как социальное явление существует на протяжении многих веков. Однако, научное изучение этой проблемы начало развиваться в конце XIX — начале XX века, когда на Западе возникли первые криминологические школы. Одним из первых ученых, обративших внимание на организованную преступность, был итальянский социолог Чезаре Ломброзо, который предложил биологические теории преступности и исследовал связи между преступностью и социальными факторами. Его работы положили начало более глубокому анализу преступных групп и их влияния на общество.

С течением времени исследование организованной преступности стало более систематизированным и научно обоснованным. В 1930-х годах в США началась активная работа по изучению организованной преступности в контексте экономической депрессии и роста мафиозных группировок. Одним из значимых вкладов в эту область стал труд криминолога В. Э. Б. Леви, который описал структуру и функции организованных преступных групп. Его работа способствовала осознанию того, что организованная преступность не является случайным явлением, а представляет собой сложную систему, требующую комплексного подхода к анализу.

Методы криминологического анализа организованной преступности можно разделить на несколько категорий: качественные и количественные методы, методы социологического исследования, методы анализа данных и криминологические модели. Качественные методы включают в себя интервью с участниками преступных групп, анализ документов и наблюдение. Эти методы позволяют получить глубокое понимание внутренней структуры организованных преступных групп, их мотивации и стратегий. Например, интервью с бывшими членами мафии могут раскрыть детали о том, как функционируют преступные организации, какие факторы влияют на их деятельность и как они взаимодействуют с легальными структурами.

К количественным методам относятся статистические исследования, которые позволяют выявить закономерности в преступной деятельности и оценить масштабы организованной преступности. Эти методы часто используют для анализа данных о преступлениях, арестах и судебных делах. Например, статистика о количестве преступлений, связанных с наркотиками, может помочь определить, какие регионы наиболее подвержены организованной преступности и какие факторы способствуют ее распространению. Использование географических информационных систем (ГИС) также стало важным инструментом для визуализации и анализа пространственных данных, связанных с организованной преступностью.

Методы социологического исследования играют ключевую роль в понимании организованной преступности. Социологические опросы и анкеты помогают выявить общественное восприятие организованной преступности,

а также факторы, способствующие ее возникновению и развитию. Например, исследования могут показать, как уровень бедности, безработицы и социального неравенства влияет на рост организованных преступных групп. Кроме того, социологические методы позволяют исследовать влияние организованной преступности на местные сообщества и их социальную структуру.

Анализ данных является еще одним важным методом, используемым в криминологическом анализе организованной преступности. Этот метод включает в себя сбор, обработку и анализ больших объемов данных о преступной деятельности, что позволяет выявить тенденции и закономерности, которые могут быть неочевидны при использовании традиционных методов исследования. Например, применение методов машинного обучения и анализа больших данных может помочь в выявлении скрытых связей между различными преступными группами и их деятельностью. Это открывает новые горизонты для криминологического анализа и позволяет более эффективно бороться с организованной преступностью.

Криминологические модели, такие как модель «социального контроля» или модель «рационального выбора», также играют важную роль в анализе организованной преступности. Эти модели помогают объяснить, почему люди становятся членами организованных преступных групп и какие факторы влияют на их поведение. Например, модель «социального контроля» утверждает, что низкий уровень социального контроля в обществе способствует росту организованной преступности, так как у людей нет достаточных социальных связей и норм, которые бы удерживали их от преступной деятельности. С другой стороны, модель «рационального выбора» предполагает, что люди принимают решение о вступлении в преступные группы на основе анализа рисков и выгод, что также важно учитывать при разработке стратегий борьбы с организованной преступностью.

История изучения организованной преступности также включает в себя анализ политических и экономических факторов, которые способствуют ее развитию. В XX веке организованная преступность стала глобальным явлением, и ее изучение стало важным для понимания международной безопасности. Исследования показывают, что организованные преступные группы часто используют глобализацию и технологические достижения для расширения своей деятельности. Например, интернет и новые технологии связи позволяют преступным группам более эффективно организовывать свои операции и уклоняться от правоохранительных органов. Это создает новые вызовы для криминологического анализа и требует разработки новых методов исследования.

Современные исследования организованной преступности также акцентируют внимание на транснациональных преступных группах, которые действуют за пределами национальных границ. Эти группы занимаются различными видами преступной деятельности, включая наркотрафик, торговлю людьми, киберпреступность

и финансовые махинации. В связи с этим, методы криминологического анализа должны адаптироваться к новым реалиям и учитывать международные аспекты организованной преступности. Это включает в себя сотрудничество между странами, обмен информацией и совместные операции правоохранительных органов, что также требует новых подходов к исследованию и анализу.

Таким образом, методы криминологического анализа организованной преступности являются многогранными и разнообразными. Они включают в себя как качественные, так и количественные подходы, социологические исследования, анализ данных и криминологические модели. История изучения организованной преступности показывает, что это явление требует комплексного и междисциплинарного подхода, который учитывает как социальные, так и экономические факторы. В условиях глобализации и быстрого развития технологий, исследование организованной преступности становится все более актуальным и важным для обеспечения безопасности общества и борьбы с преступностью.

За последние десятилетия методы криминологического анализа организованной преступности претерпели существенную трансформацию под влиянием технологического прогресса, роста доступности данных и развития междисциплинарных подходов. Современные подходы отличаются не только применением новых инструментов, но и пересмотром методологий: аналитика стала более ориентирована на сеть, динамику и предсказуемость, при этом усиливается роль интеграции различных источников информации и непрерывной валидации результатов. Одним из ключевых направлений является переход от изучения отдельных преступных эпизодов к исследованию структур и процессов — как формируются связи, как меняется поведение участников во времени и какие внешние факторы усиливают устойчивость группировок.

Анализ социально-структурных связей получил качественный скачок благодаря методам сетевого анализа. Вместо описания иерархических схем сегодня широко применяются метрические показатели сетей — центральности (степенная, промежуточная, близости), коэффициенты кластеризации, показатели модулярности для выявления сообществ. Это позволяет не только определить «ключевых» агентов, но и обнаружить скрытые ячейки, посредников и каналы коммуникации. Современные реализации учитывают мультиплексность связей (одновременные экономические, семейные, коммуникационные и криминальные связи), а также временную динамику, когда связи возникают, усиливаются или ослабевают. Важным развитием стали методы анализа временных и многоуровневых сетей, которые дают возможность моделировать, например, как торговля наркотиками адаптируется к давлению правоохранительных органов или как финансовые цепочки перестраиваются при арестах ключевых фигур [4].

Компьютерные методы и машинное обучение на практике стали незаменимыми для обработки больших и не-

структурированных данных. Использование алгоритмов кластеризации и классификации помогает сегментировать потоки информации, выделять аномалии и прогнозировать риск всплесков преступной активности. При этом современные подходы всё чаще обращаются к комбинации методов: машинное обучение для первичной фильтрации и выявления паттернов, а затем — сложные причинно-следственные модели и экспертная оценка для интерпретации результатов. Обработка текстов (NLP) применяется для анализа потоков открытых источников, перехватов, судебных материалов и сообщений в даркнете: методы именованных сущностей, тематического моделирования и сентимент-анализа помогают выделять атрибуты акторов, торговых предложений и контексты взаимодействия [8].

Геоаналитика в сочетании с пространственными моделями стала ещё одним столпом современных исследований. Помещая преступную активность в пространственно-временной контекст, аналитики выявляют коридоры перемещения, точки концентрации логистики и уязвимости инфраструктуры. Инструменты пространственного статистического анализа, включая пространственную регрессию и горячие точки, интегрируются с сетевыми моделями для понимания того, как территориальные сдвиги влияют на структуру преступной сети. Анализ транспорта, логистических маршрутов и «точек присутствия» в геопространственной среде позволяет планировать превентивные меры и оптимизировать распределение ресурсов правоохранительных органов [12].

Ещё одно современное направление — финансовая криминология и применение аналитики потоков капитала. Сквозная трассировка денежных потоков в банковских и небанковских каналах, использование инструментов анализа транзакций и графовых баз данных позволяет выявлять схемы отмывания, торговые прикрытия и связанные компании. С развитием криптовалют вырос спрос на методики трассировки цепочек транзакций, выявления «миксеров» и построения связей между анонимными адресами и реальными субъектами. Интеграция данных о движении средств с сетевыми картами участия в преступной деятельности создаёт глубинные модели, где финансовые потоки выступают индикатором активности и устойчивости группировок.

Моделирование и симуляции стали инструментом стратегического анализа. Агентно-ориентированные модели позволяют имитировать поведение отдельных участников и взаимодействия внутри сети при различных сценариях внешнего воздействия: усиление полицейских мер, изменение рынка сбыта, введение новых технологий. Такие симуляции полезны для оценки эффективности мер вмешательства, прогнозирования адаптации и выявления непредвиденных эффектов насыщения рынка репрессиями. Параллельно развиваются стохастические и байесовские модели, которые учитывают неопределённость и помогают формировать вероятностные прогнозы вместо детерминированных заключений.

Ключевую роль в современных подходах занимает интеграция разнородных данных и источников — от открытых источников и социальных сетей до технической разведки и финансовых реестров. Методы связывания сущностей, дедупликации и верификации данных (entity resolution) имеют критическое значение; без них аналитические выводы рискуют оказаться искажёнными. Поэтому процесс анализа включает этапы очистки, стандартизации и оценки качества данных, а также триангуляцию выводов через независимые источники. В практической плоскости это приводит к формированию межведомственных платформ и хабов обмена информацией, где обеспечивается совместимость форматов и соблюдение юридических ограничений.

Этические и правовые аспекты стали неотъемлемой частью методологии. Применение автоматизированных аналитических систем сопряжено с риском ошибок, предвзятости алгоритмов и нарушением прав на приватность. Поэтому разработка и внедрение методов сопровождается процедурами аудита алгоритмов, оценкой рисков стигматизации отдельных сообществ и установлением правил доступа к чувствительным данным. Современные подходы предполагают участие юристов, специалистов по правам человека и экспертов по защите данных на ранних этапах проектов.

Наконец, важен человеческий фактор: современные аналитические практики ориентируются на командную работу, где криминологи, дата-сайентисты, экономисты, эксперты по кибербезопасности и следователи работают совместно. Такое сочетание компетенций позволяет интерпретировать технические находки в социальном и правовом контексте, формировать оперативные гипотезы и вырабатывать практические рекомендации для политики и правоохранительной деятельности. В результате современные подходы к анализу организованной преступности — это не просто набор инструментов, а целостная методология, основанная на данных, моделях и междисциплинарной кооперации, направленная на проактивное обнаружение, понимание и противодействие сложным транснациональным угрозам.

Заключение

Организованная преступность является сложным и многогранным феноменом, который требует всестороннего анализа и применения различных методов для его понимания и эффективной борьбы с ним.

Первоначально следует отметить, что организованная преступность представляет собой не просто набор преступных действий, но и целую систему, в которой действуют преступные группы, обладающие четкой структурой, иерархией и специфическими способами функционирования. Поэтому для ее анализа необходимы комплексные подходы, которые позволяют не только идентифицировать преступные группы, но и понять механизмы их действия, а также факторы, способствующие

их развитию. В этом контексте использование криминологического анализа становится особенно актуальным, поскольку он позволяет выявить закономерности в преступной деятельности, а также оценить последствия этой деятельности для общества в целом.

Методы криминологического анализа организованной преступности можно разделить на несколько категорий, включая качественные и количественные методы, а также методы, основанные на изучении конкретных случаев. Качественные методы, такие как интервьюирование, наблюдение и анализ документов, позволяют собрать информацию о внутренней структуре преступных групп, их мотивации, а также о взаимодействии с другими участниками криминального мира. Эти методы помогают исследователям глубже понять природу организованной преступности, а также выявить ее социальные и культурные аспекты.

С другой стороны, количественные методы, в том числе статистические, позволяют исследовать организованную преступность с точки зрения численных данных и тенденций. Статистические методы, такие как регрессионный анализ, корреляционный анализ и анализ временных рядов, помогают установить взаимосвязи между различными переменными, такими как уровень преступности, социально-экономические условия, уровень коррупции и другие факторы. Эти методы позволяют не только выявить статистические закономерности, но и предсказать динамику организованной преступности в будущем, что имеет важное значение для разработки эффективных стратегий борьбы с ней.

В ходе исследования было выявлено, что статистические методы играют ключевую роль в изучении организованной преступности, поскольку они позволяют не только анализировать текущую ситуацию, но и оценивать эффективность принимаемых мер по борьбе с преступностью. Например, анализ данных о преступности может помочь выявить «горячие точки», где организованная преступность наиболее активна, а также определить, какие факторы способствуют ее распространению. Это, в свою очередь, может помочь правоохранительным органам более эффективно распределять ресурсы и разрабатывать целевые программы по профилактике преступности.

Одним из важных аспектов, является необходимость интеграции различных методов криминологического анализа для получения более полной картины организованной преступности. Использование только качественных или только количественных методов может привести к искажению реальности и недостаточному пониманию сложных процессов, происходящих в сфере организованной преступности. Поэтому важно применять комплексный подход, который сочетает в себе как качественные, так и количественные методы. Это позволит не только глубже понять природу организованной преступности, но и разработать более эффективные меры по ее предотвращению и борьбе с ней.

Также стоит отметить, что криминологический анализ организованной преступности должен основываться на междисциплинарном подходе, который включает в себя знания из области социологии, психологии, экономики и права. Такой подход позволит более полно учитывать все аспекты организованной преступности и разработать комплексные меры по ее профилактике и борьбе с ней. Например, изучение социальных и экономических факторов, способствующих организованной преступности, может помочь выявить уязвимые группы населения, которые могут стать жертвами преступных групп. Это, в свою очередь, может способствовать разработке программ социальной помощи и профилактики, направленных на снижение уровня преступности.

Важным выводом, сделанным в ходе исследования, является необходимость постоянного обновления методов криминологического анализа организованной преступности в условиях быстро меняющегося мира. Технологические изменения, такие как развитие информационных технологий и интернет-преступность, требуют от исследователей и правоохранительных органов адаптации к новым вызовам. Это может включать в себя использование новых методов сбора и анализа данных, а также разработку новых подходов к исследованию организованной преступности в цифровую эпоху.

Кроме того, необходимо учитывать, что организованная преступность имеет транснациональный характер,

и поэтому борьба с ней требует международного сотрудничества. Это включает в себя обмен информацией, совместные расследования и разработку единых стратегий по борьбе с организованной преступностью на международном уровне. В этом контексте криминологический анализ может сыграть важную роль в выявлении международных преступных сетей и их структур, что позволит более эффективно противодействовать организованной преступности в глобальном масштабе.

В заключение, можно сказать, что методы криминологического анализа организованной преступности являются важным инструментом для понимания и борьбы с этим явлением. Использование как качественных, так и количественных методов, а также междисциплинарный подход могут существенно повысить эффективность исследований в этой области. Статистические методы, в частности, играют ключевую роль в анализе организованной преступности, позволяя выявлять закономерности и предсказывать тенденции. Однако для эффективной борьбы с организованной преступностью необходимо учитывать ее сложную природу, а также постоянно адаптироваться к новым вызовам, возникающим в условиях быстро меняющегося мира. Таким образом, криминологический анализ организованной преступности должен стать основой для разработки комплексных и эффективных стратегий, направленных на предотвращение и борьбу с этим опасным явлением.

Литература:

1. Алауханов Е. Криминология. — ЛитРес, Юридический центр Пресс, 2015. URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=Z8nRCgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT4&ots=TwjvOtT9LU&sig=-nT6UfrmL7ii8E6M5MFm9qq4NKA> (дата обращения: 24.11.2025).
2. Афанасьева О., Шиян В., Гончарова М. Криминология и предупреждение преступлений. Учебник и практикум для СПО. — Litres, 2017. URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=XBlpDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA78&ots=PFTESJMDcp&sig=NtTXcvROkhuRbhLaLZkgqog2zj0> (дата обращения: 24.11.2025).
3. Афанасьева О., Шиян В., Гончарова М. Криминология. Учебник и практикум для академического бакалавриата. — Litres, 2017. URL: https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=3_ojEAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA78&ots=ZcU4XFIPS9&sig=qCKZ1c6ndJ24b__wN5x68QAXm0k (дата обращения: 24.11.2025).
4. Васин Ю. Г. Борьба с организованной преступностью: опыт теоретического моделирования. — 2015. URL: http://igpran.ru/public/publiconsite/Vasin_borba_s_org_prestup.pdf (дата обращения: 24.11.2025).
5. Васин Ю. Г. Моделирование противодействия организованной преступности: новые подходы к прогнозированию // Правовая политика и правовая жизнь. — 2015. — №. 4. — С. 36–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-protivodeystviya-organizovannoy-prestupnosti-novye-podhody-k-prognozirovaniyu> (дата обращения: 24.11.2025).
6. Васин Ю. Г. О методических подходах к построению уголовно-правовой и криминологической модели организованной преступности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2014. — №. 6. — С. 101–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodicheskikh-podhodah-k-postroeniyu-ugolovno-pravovoy-i-kriminologicheskoy-modeli-organizovannoy-prestupnosti> (дата обращения: 24.11.2025).
7. Григорян В. А. Криминологическое исследование: понятие и процедура проведения // Lex russica (Русский закон). — 2007. — Т. 66. — №. 1. — С. 160–173. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9335969> (дата обращения: 24.11.2025).
8. Гришко Н. А. Криминологические особенности организованной преступности на транспорте: современный анализ и методы реагирования // Электронный научный журнал «Транспортное право и безопасность» 2024. № 4 (52). — 2024. — №. 4. — С. 70. URL: https://trans-safety.ru/tpb/articles/2025/pdf/52/06_grishko.pdf (дата обращения: 24.11.2025).

9. Иншаков С. Исследование преступности. — Litres, 2022. URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=uIpmEAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA3&ots=FfPjKVdTVc&sig=T7Gn1BhIQSOIrmCJSo8gG38O2P0> (дата обращения: 24.11.2025).
10. Максимов С. В., Васин Ю. Г., Утаров К. А. Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12. — №. 4. — С. 476–484. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kriminologiya-kak-instrument-borby-s-organizovannoy-prestupnostyu> (дата обращения: 24.11.2025).
11. Серегина Е., Москалева Е. Криминология. — Litres, 2022. URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=C2DDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA6&ots=EeQn12O1lP&sig=k1poSOnwhYE60XsUJpQK70ABSOQ> (дата обращения: 24.11.2025).
12. Суходолов А. П. и др. Big data как современный криминологический метод изучения и измерения организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — №. 5. — С. 718–726. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/big-data-kak-sovremennyy-kriminologicheskij-metod-izucheniya-i-izmereniya-organizovannoy-prestupnosti> (дата обращения: 24.11.2025).

Права и гарантии обвиняемого при задержании и заключении под стражу

Столярова Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье автор исследует актуальные проблемы в области обеспечения прав и гарантий обвиняемого при заключении под стражу.

Ключевые слова: обвиняемый, мера пресечения, задержание под стражу.

В современном мире всю большую актуальность обретают вопросы, связанные с порядком обеспечения прав и гарантий личности. Особое внимание в указанной тематике уделяется обвиняемым, так как именно в данном сегменте закладывается основа справедливого правосудия. Несомненным фактом является то обстоятельство, что в момент задержания человек сталкивается с сильным эмоциональным потрясением, оказывающим негативное влияние на общее состояние организма. Именно поэтому важно, чтобы процессуальные меры принимались с учётом существующих правил и стандартов.

По своему содержанию правовые гарантии имеют многофакторный характер, основанный на «гарантированности», при этом указанный понятийный аппарат в своём содержании обращает внимание на двусторонний характер проявления. Указанное в свою очередь означает, что защита прав и гарантий ложиться не только на лицо, обладающее ими, но и на лиц, обязанных обеспечить их реализацию. С. И. Викторский писал: «Ввиду того, что подследственный арест является только необходимой мерой пресечения, а не карательной, он не должен быть режимом, похожим на существующий в местах отбывания наказаний». «Никакие методы исправления или перевоспитания не должны применяться к лицам, ещё не осуждённым за какое-либо преступление», — гласит ст. 95 Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными».

Ограничение привычных прав на: неприкосновенность личности, тайну переписки и телефонных переговоров,

свободы передвижения, и другие ограничения носят вынужденный характер, при этом государство обязано создать правовую среду, способную реализовать права и гарантии обвиняемого в период содержания под стражей. В качестве примера укажем право обвиняемого на творческую, научную деятельность, право не работать и т. п.

Первостепенно права и обязанности подозреваемых и обвиняемых закреплены в статье 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Так подозреваемые и обвиняемые имеют право:

1. получать информацию о своих правах и обязанностях, режиме содержания под стражей, дисциплинарных требованиях, порядке подачи предложений, заявлений и жалоб;
2. на личную безопасность в местах содержания под стражей;
3. обращаться с просьбой о личном приёме к начальнику места содержания под стражей и лицам, контролирующим деятельность места содержания под стражей, во время нахождения указанных лиц на его территории;
4. на свидания с защитником;
5. на свидания с родственниками и иными лицами, перечисленными в статье 18 настоящего Федерального закона;
6. хранить при себе документы и записи, относящиеся к уголовному делу либо касающиеся вопросов реализации своих прав и законных интересов, за исключением тех документов и записей, которые могут быть использованы

в противоправных целях или которые содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну;

7. обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами, в том числе в суд, по вопросу о законности и обоснованности их содержания под стражей и нарушения их законных прав и интересов;

8. вести переписку и пользоваться письменными принадлежностями и иные права, закреплённые в вышеуказанном НПА.

Несмотря на исчерпывающий перечень правовых сегментов в актуальный период времени остаются актуальные проблемы, требующие скорейшего решения. В указанном контексте целесообразно отметить многочисленные жалобы, поступающие на решения о заключении под стражу, при этом сложившаяся практика свидетельствует о фактическом наличии нарушений, допускаемых со стороны дознавателей, следователей, судей.

Отметим, что основная проблематика вопроса сводится к правовым недоработкам, а именно — наличие неточностей в области обозначения критерий, подтверждающих целесообразность применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Для детального понимания рассматриваемого вопроса рассмотрим правовые сегменты, реализующиеся при исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так, с целью предотвращения негативного влияния заключённых друг на друга, законодатель предусмотрел раздельное содержание соучастников, а также раздельное содержание отдельных категорий лиц друг от друга: мужчин и женщин; лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности, и ранее содержавшихся в местах лишения свободы; подозреваемых и обвиняемых по одному делу. [1, с. 26]

Право на телесную неприкосновенность. Ограничение основополагающего права обусловлено прямой необходимостью. Законодатель сформировал чёткий протокол действий: так допустимо применение наручников, а также смирительной рубашки, при чем второй сегмент реализуется только при наличии реальной угрозы жизни и здоровья обвиняемого, сотрудников учреждения. При этом допускается применение смирительной рубашки при наличии медицинского работника, подтвердившего не-

обходимость и безопасность ношения обвиняемым указанной одежды. Предусмотрен срок ношения — не более 2 х часов, при пролонгации такого поведения срок может быть продлён на 2 часа, о чём составляется соответствующий акт. Не менее значимым аспектом в данном контексте относится к порядку применения оружия в отношении обвиняемого. Допускается применения оружия в случае побега, нападения обвиняемого, когда иные меры воздействия не могут быть реализованы. При этом бремя доказывания законности и целесообразности применения оружия ложится на администрацию учреждения.

Дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны принять меры к охране интересов обвиняемого (подозреваемого) и уведомить его о принятых мерах:

1. при наличии у лица, заключённого под стражу, несовершеннолетних детей, остающихся без надзора, — передать их на попечение родственников либо других лиц или учреждений. Об этом выносится постановление (определение), которое направляется для исполнения местным органам опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних;

2. при наличии у заключённого под стражу имущества или жилища, остающегося без присмотра, — принять меры к их охране. Имущество передается под расписку родственникам, органам местного самоуправления или жилищным службам местных органов исполнительной власти. Жилище опечатывается, а ценные вещи сдаются на хранение. [2, с. 382]

Не менее важной отраслью является заключение под стражу несовершеннолетних лиц. Несовершеннолетние граждане содержатся отдельно от взрослых. Особое внимание уделяется уходу, включающему в себя социальную, психологическую, медицинскую помощь.

Что касается надзора за исполнением установленных законом прав и гарантий в отношении обвиняемых, то указанный сегмент относится к бремени прокуратуры РФ. Прокурорский надзор в свою очередь нацелен на своевременное выявление, пресечение и предупреждение нарушений законности и режима содержания, прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрано заключение под стражу, проверяя соответствие постановления следователя требованиям УПК РФ, установленным в ходе расследования обстоятельствам.

Литература:

1. Емельянова А. А. Гарантии прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых при применении задержания и заключения под стражу //Криминологический журнал. — 2018. — №. 2. — С. 28–31.
2. Караева А. А. О некоторых вопросах соблюдения прав личности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу //Право и государство: теория и практика. — 2023. — №. 7 (223). — С. 381–384.

Роль мировых судов в обеспечении конституционных прав граждан в Российской Федерации

Султанова Елена Александровна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Данная статья посвящена рассмотрению мероприятий, направленных на устранение последствий интеграции института мировой юстиции в российскую судебную систему, а также исследует полномочия мировых судебных инстанций в процессе разбирательства дел гражданско-правового характера и освещает различные теоретические подходы к термину «мировая юстиция».

Ключевые слова: мировая юстиция, подходы, судебная власть, институт, мировой судья, компетенция, субъект.

The role of magistrates' courts in ensuring the constitutional rights of citizens in Russian Federation

This article is devoted to the consideration of measures aimed at eliminating the consequences of the integration of the institute of world justice into the Russian judicial system, as well as examines the powers of magistrate courts in the process of civil law cases and highlights multiple theoretical concepts of the term «world justice».

Keywords: world justice, approaches, judicial power, institution, justice of the peace, competence, subject.

С давних времен мировая юстиция находилась в непосредственной близости к народу и складывающимся в обществе отношениям. Корни формирования института мировых судей связаны прежде всего с политикой самого государства.

На протяжении всего периода существования этого института проводилась масштабная деятельность по налаживанию контакта между мировыми судьями и обычными людьми. Исторически сложившаяся независимость мировых судей в вынесении судебных вердиктов отражает федеративное устройство Российской Федерации.

Значимым элементом судебной структуры является мировая юстиция, обладающая собственными правовыми обычаями и основательным историческим фундаментом.

Среди множества подходов к рассмотрению термина «мировая юстиция» выделяется негативистская школа, представители которой, помимо общего названия, отрицают наличие каких-либо универсальных характеристик у института мировых судей, указывая на разнообразие моделей и концептуальных противоречий.

В прагматической трактовке мировое правосудие представлено через призму институциональных характеристик — как судебный орган с урезанными полномочиями, рассматривающий дела незначительной тяжести.

Патриархальная концепция делает упор на структурные и функциональные особенности, выделяя главным образом миротворческую и медиативную роль таких судебных инстанций.

Феномен мирового правосудия допускает различные интерпретации и теоретические рамки.

И. Л. Петрухин выразил негативистскую позицию максимально кратко, отметив необходимость иного наименования для данных судебных органов мировых судей [2].

Очевидно, что, если бы это произошло, системные характеристики низшего звена судов общей юрисдикции в Российской Федерации описывались бы иными, свободными от влияния идеологии позапрошлого века формулировках при той же самой юридической конструкции. К этому выводу можно прийти и путем сопоставления тех подходов к раскрытию понятийного аппарата из рассматриваемой темы, который складывался в течение всего периода развития российской мировой юстиции.

Судебная система пережила масштабные преобразования, среди которых формирование нормативно-правовой основы института мировой юстиции стало одной из ключевых вех развития российского правового пространства. Внедрение мировых судей в структуру судебных органов Российской Федерации было призвано устранить целый комплекс существенных проблем.

Уникальность данного института заключается в его двойственной природе: мировые суды одновременно функционируют как элемент общенациональной системы правосудия общей компетенции и как судебные органы регионального уровня, учреждаемые непосредственно субъектами Федерации.

Региональные власти получают возможность более эффективно учитывать местную специфику, включая традиционные устои, культурные особенности и принятые нормы поведения, если расширить их полномочия в управлении институтом мировой юстиции. Сегодня компетенция субъектов Федерации ограничивается определением численности мировых судей, созданием или ликвидацией территориальных единиц судебной системы и назначением судейского корпуса. Предоставление дополнительных властных функций регионам в данной сфере видится целесообразным и обоснованным решением.

Мировая юстиция представляет суд первой инстанции. Ее деятельность очерчена пределами судебных участков. Судебные участки образуются субъектами Федерации исходя из установленных территориальных и демографических признаков [3, с. 54]. Мировой судья рассматривает дела в порядке гражданского, уголовного судопроизводства, а также в порядке производства по делам об административных правонарушениях. Компетенция мировых судей при рассмотрении гражданских дел закреплена в ч. 1 ст. 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) [1], согласно которой мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции дела:

- о выдаче судебного приказа;
- о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях;
- о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей 50 тысяч рублей;
- по имущественным спорам, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, при цене иска, не превышающей 50 тысяч рублей;
- по имущественным спорам, возникающим в сфере защиты прав потребителей, при цене иска, не превышающей 100 тысяч рублей.

Стоит обратить внимание, что мировой судья выносит решение о передаче дела в вышестоящую инстанцию, когда в процессе слушания происходит смена подсудности. Согласно положениям ч. 3 ст. 23 ГПК РФ [1], районный суд принимает к рассмотрению все заявленные требования в ситуации, когда происходит соединение взаимосвязанных исков, модификация предмета спора или подача встречных претензий, при условии что часть новых требований относится к компетенции районной инстанции, тогда как остальные продолжают находиться в юрисдикции мирового судьи.

Разработка индивидуальных стандартов на уровне регионов позволит обоснованно установить требуемое число судебных участков, опираясь на специфику конкретного региона. Для этого следует применять интегрированную методологию, принимающую во внимание

население и географические особенности каждой территориальной единицы государства.

Гражданское процессуальное законодательство устанавливает механизм разграничения компетенций между различными звеньями судебной системы общей юрисдикции через институт родовой подсудности.

Законодатель предусмотрел в ч. 1 ст. 23 ГПК РФ [1] категории споров, рассматриваемых мировыми судьями, однако данная классификация не носит закрытого характера. Федеральное законодательство допускает расширение юрисдикции мировой судебной инстанции путем включения дополнительных категорий дел, что противоречит принципу определенности правового регулирования. Таким образом, актуальной остается проблема четкого разделения компетенций судебных инстанций внутри единой системы правосудия.

В настоящее время отсутствует четкий критерий распределения судебных дел согласно нормам родовой подсудности, что создает правовой пробел, требующий незамедлительного устранения. Процессуальное законодательство нуждается в законодательном установлении такого критерия, поскольку судья мирового суда должен четко понимать характеристики дел, относящихся к его компетенции.

Российская система мировых судов обладает уникальными чертами, которые значительно отличают ее от классических международных образцов данного правового института.

Особого внимания заслуживает противоречивый статус мирового судьи в нашей стране. Законодательство наделяет его правом выносить решения именем всего государства и признает неотъемлемой частью судебной системы с полноценными властными полномочиями. Одновременно с этим мировой судья относится к судебным органам общей юрисдикции конкретного региона, что делает его подчиненным субъекту Федерации.

Таким образом, анализ показывает наличие существенных особенностей отечественного института мировой юстиции, которые не укладываются в традиционные рамки, а двойственная природа правового положения мировых судей остается очевидным фактом.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. — М.: Велби, 2003. — 720 с.
3. Сангаджиев, Б. В. Институт мировых судей: правовая природа и особенности деятельности / Б. В. Сангаджиев // Пробелы в российском законодательстве. — 2019. — № 1. — С. 53–56.

Квалификация незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы теории и судебной практики

Тараканов Сергей Иванович, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена уголовно-правовым проблемам квалификации незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием средств массовой информации, а также электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. Показана терминологическая непоследовательность законодателя и ее влияние на применение п. «б» ч. 2 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе статистики 2022–2024 гг. и анализа судебной практики уточняются критерии отграничения случаев, когда использование сетей образует квалифицирующий признак, и формулируются предложения по совершенствованию законодательства и разъяснений Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: незаконный сбыт наркотических средств, информационно-телекоммуникационные сети, электронные сети, судебная практика.

Qualification of the unlawful sale of narcotic drugs committed using information and telecommunication networks: issues of theory and judicial practice

The article examines criminal-law problems of qualifying the unlawful sale of narcotic drugs committed using mass media, as well as electronic and information and telecommunication networks. It demonstrates the legislator's terminological inconsistency and its impact on the application of subparagraph “b” of paragraph 2 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Drawing on statistics for 2022–2024 and an analysis of judicial practice, the article refines the criteria for distinguishing cases in which the use of networks constitutes a qualifying circumstance and formulates proposals for improving legislation and the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: unlawful sale of narcotic drugs, information and telecommunication networks, electronic networks, judicial practice.

Системный анализ норм уголовного права свидетельствует об отсутствии терминологической последовательности в описании использования различных сетей как способа совершения преступления. Так, в ч. 2 ст. 110, ч. 1 ст. 171.2, ч. 1.1 ст. 238.1, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242.1, п. «г» ч. 2 ст. 242.2, ч. 2 ст. 280, ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) установлена уголовная ответственность за совершение преступления с использованием только информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), а в ч. 2 ст. 205.2, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 1.1 ст. 258.1, ч. 2 ст. 280.1 УК РФ — за совершение преступления с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) [3].

Информационное пространство окончательно превратилось в ключевую инфраструктуру наркосбыта. По данным МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022–2023 гг. на преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и иных запрещенных веществ, приходилось около 13 % от общего числа зарегистрированных преступлений, при этом значительная часть деяний в сфере сбыта совершалась с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Еще более показательными являются статистические данные за 2023–2024 гг., отражающие возраста-

ющую роль информационных технологий в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Согласно Докладу о состоянии и тенденциях незаконного оборота наркотических средств в Российской Федерации за 2024 г., число зарегистрированных правоохранительными органами преступлений, совершенных с использованием информационных технологий и сетей связи, увеличилось на 13,7 % — с 103 939 деяний в 2023 г. до 118 173 в 2024 году. Указанные данные свидетельствуют, что квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, перестал выступать относительно редким «особым» способом совершения преступления и фактически превратился в один из типичных вариантов реализации незаконного сбыта наркотических средств, что в свою очередь требует более точного и последовательного его толкования в правоприменительной практике.

Современные цифровые модели сбыта запрещенных веществ предполагают сложную структуру ролей и использование различных сервисов сети Интернет. В научной литературе и обобщениях практики отмечается, что преобладающей формой становится так называемый бесконтактный сбыт, осуществляемый через специализированные интернет-платформы и мессенджеры с применением системы тайников-закладок, криптовалютных и иных электронных платежных средств.

В типичной конфигурации преступной деятельности участвуют оператор-куратор, организующий функционирование интернет-ресурса, курьеры-фасовщики и курьеры-закладчики, непосредственно обеспечивающие движение «товара» и размещение закладок, а также потребители, получающие сведения о местонахождении тайников в зашифрованном виде [3].

Использование электронных и информационно-телекоммуникационных сетей в рамках незаконного оборота наркотиков проявляется в нескольких основных блоках операций: во-первых, это внутренняя коммуникация организаторов и исполнителей (подбор и «инструктаж» курьеров, передача сведений об оптовых партиях, отчетность о выполненных заданиях); во-вторых, донесение до потенциальных покупателей информации об ассортименте и условиях приобретения; в-третьих, осуществление заказов и оплаты через электронные платежные системы и криптовалютные кошельки; наконец, передача покупателю координат тайника-закладки и последующее «разрешение» конфликтных ситуаций, связанных с поиском закладки, ее качеством и количеством.

Ключевое уголовно-правовое значение приобретает вопрос о том, в каких именно случаях использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей образует квалифицирующий признак состава преступления, а когда оно остается лишь элементом подготовительной либо сопутствующей деятельности. Представляется обоснованной позиция, согласно которой указанный признак может вменяться только тогда, когда применение таких сетей непосредственно связано с выполнением объективной стороны сбыта, то есть с передачей наркотического средства или сведений, обеспечивающих фактическое получение вещества приобретателем (например, сообщением координат тайника-закладки). Соответственно, применение цифровых сервисов исключительно на этапах рекламы, поиска исполнителей, финансовых расчетов или внутригрупповой координации не должно рассматриваться как использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в смысле п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ [2].

Позиция о том, что квалифицирующий признак охватывает лишь использование сетей как способ непосредственной реализации, находит отражение и в судебных актах. При рассмотрении конкретных уголовных дел суды неоднократно указывали, что обсуждение соучастниками посредством мессенджеров организационных вопросов сбыта, равно как и обращение покупателя к сбытчику по телефону или через Интернет с просьбой о продаже наркотического средства, само по себе не свидетельствует о совершении преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, если передача вещества происходила контактным способом, без обращения к сетевым сервисам для сообщения местонахождения тайника или иной формы бесконтактного сбыта.

Особую сложность представляет квалификация действий курьеров-фасовщиков и курьеров-закладчиков, задержанных в момент получения оптовых партий наркотических средств либо при организации тайников-закладок. Как показывает практика, такие исполнители зачастую не обладают полными сведениями о структуре преступной организации и конкретных цифровых инструментах, используемых оператором-куратором при взаимодействии с покупателями. В то же время, когда следствием и судом устанавливается, что курьер был осведомлен о планируемом бесконтактном сбыте через сеть Интернет (например, из содержания переписки при «трудоустройстве», из инструкций о необходимости ведения рекламных граффити-надписей с указанием интернет-ресурса, из данных о его предыдущем опыте покупки наркотиков на той же площадке), его действия справедливо квалифицируются с учетом признака «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей».

Дополнительные уголовно-правовые трудности создаются бланкетным характером рассматриваемого квалифицирующего признака. Законодатель, оперируя конструкцией «средства массовой информации либо электронные или информационно-телекоммуникационные сети», фактически использует категориальный аппарат законодательства о средствах массовой информации, связи и информации, не давая при этом определения электронной сети. В результате правоприменитель вынужден обращаться к смежным нормативно-правовым актам: СМИ определяются через формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием, информационно-телекоммуникационная сеть — как технологическая система передачи информации по линиям связи с использованием средств вычислительной техники, тогда как понятие электронных сетей в позитивном праве отсутствует и выводится через широко толкуемый термин «электросвязь».

В научной дискуссии предлагаются различные подходы к соотношению электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. Часть авторов фактически отождествляет эти понятия, исходя из того, что любая информационно-телекоммуникационная сеть технически функционирует на базе электронных сетей связи, а деление по функциональному назначению в условиях технологической конвергенции утратило значение.

Такая позиция находит частичную поддержку и в судебной практике, когда суды признают использование сети Интернет одновременно проявлением и электронной, и информационно-телекоммуникационной сети, указывая оба признака в приговоре. Вместе с тем встречаются решения, в которых, напротив, делается акцент на альтернативности способов, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, и указание на использование электронной сети исключается как излишнее, если деяние квалифицируется как совершенное с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

На рубеже 2022–2024 гг. вопрос о единообразном толковании данного признака стал предметом внимания Верховного Суда РФ. В Обзоре судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ в 2024 г., специально подчеркивается, что использование сети Интернет для поиска покупателей, организации бесконтактного сбыта и передачи сведений о местонахождении тайников подлежит учету при квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, а также даются ориентиры разграничения ситуаций, когда задействование телефонной связи и иных каналов связи не выходит за пределы обычного способа коммуникации и не образует анализируемого квалифицирующего признака [4].

Сопоставление указанной позиции с приведенными статистическими данными за 2022–2024 гг. позволяет заключить, что дальнейшее развитие судебной практики по делам о сбыте наркотических средств, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, будет определяться не столько ростом числа таких преступлений, сколько потребностью в уточнении содержательных границ соответствующего квалифицирующего признака. Научная и практическая дискуссии концентрируются вокруг трех основных вопросов:

1. На какой стадии преступной деятельности использование сетей должно рассматриваться как способ совершения сбыта, а не как этап подготовки или сокрытия?

2. В каких случаях цифровые средства связи, применяемые исключительно для внутригрупповой координации, могут быть проигнорированы при квалификации?

3. Каким образом разграничивать ситуации использования сети Интернет и иных электронных сетей в целях соблюдения принципа законности и недопустимости расширительного толкования?

Решение обозначенных проблем, на наш взгляд, возможно по пути сочетания точечной корректировки уголовного закона и дальнейшей детализации разъяснений Верховного Суда РФ. С одной стороны, представляется целесообразным унифицировать терминологию, отказавшись от дублирующего указания на электронные сети и закрепив единый признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет и иные сети электронного обмена данными)». С другой стороны, в новых актах официального толкования целесообразно прямо зафиксировать, что квалифицирующий признак имеет место лишь в тех случаях, когда сети используются для обеспечения бесконтактного сбыта и передачи приобретателю сведений, необходимых для фактического получения наркотического средства, а не только на подготовительных этапах. Такой подход позволил бы обеспечить баланс между необходимостью адекватной уголовно-правовой реакции на цифровую трансформацию наркорынка и требованиями юридической определенности и предсказуемости правоприменения.

Литература:

1. Винокуров, В. Н. Особенности квалификации сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») / В. Н. Винокуров, А. В. Агафонов // Уголовное право. — 2023. — № 1 (149). — С. 3–12.
2. Винокуров, В. Н. Узкое и широкое понимание сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) группой лиц по предварительному сговору / В. Н. Винокуров, А. В. Агафонов // Современное право. — 2023. — № 6. — С. 99–103.
3. Кузьмина, Т. Н. Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») / Т. Н. Кузьмина // Криминологический журнал. — 2025. — № 1. — С. 52–55. — DOI: 10.24412/2687-0185-2025-1-52-55
4. Сундуrowa, О. Ф. Некоторые вопросы судебного толкования сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) / О. Ф. Сундуrowa // Наркоконтроль. — 2023. — № 1 (45). — С. 7–10.
5. Сыроегин, В. А. Вопросы квалификации незаконного сбыта наркотических и психотропных веществ, с использованием сети Интернет / В. А. Сыроегин, А. Б. Калинин // Современное состояние, проблемы и перспективы развития специальных знаний : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 19 нояб. 2024 г.). — М. : Моск. акад. Следств. ком. Рос. Федерации им. А. Я. Сухарева, 2025. — С. 79–84.

Трансформация согласия на обработку персональных данных в онлайн-среде: вызовы и правовые механизмы

Теплякова Полина Дмитриевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Статья посвящена комплексному исследованию трансформационных процессов института согласия на обработку персональных данных в условиях цифровизации социально-экономических отношений. Проанализированы концептуальные основания правовой природы согласия как механизма реализации права на информационное самоопределение субъекта данных. Выявлены системные вызовы традиционной модели согласия, детерминированные технологической эволюцией методов обработки данных, включая феномен информационной асимметрии, динамическую природу алгоритмической обработки, проблематику гранулярности согласия и применение манипулятивных интерфейсных решений. Осуществлена критическая оценка эффективности существующих правовых механизмов адаптации института согласия, включая ужесточение требований к валидности, концепцию динамического согласия и альтернативные основания легитимации обработки. Эмпирический анализ правоприменительной практики демонстрирует перманентное противоречие между нормативными требованиями и фактическим поведением операторов данных, что проявляется в высоком уровне выявленных нарушений и необходимости применения значительных финансовых санкций. Обоснована необходимость концептуального переосмысления подходов к регулированию обработки персональных данных через формирование коллективных механизмов управления данными, технологическую стандартизацию процессов контроля и переориентацию на риск-ориентированное регулирование. Констатируется постепенный отход от парадигмы индивидуального согласия как центрального механизма легитимации обработки в пользу многоуровневой системы защиты прав субъектов данных.

Ключевые слова: персональные данные, информированное согласие, цифровая среда, информационное самоопределение, GDPR, алгоритмическая обработка данных, информационная асимметрия, темные паттерны, динамическое согласие, легитимный интерес оператора, риск-ориентированное регулирование, коллективное управление данными, защита данных по умолчанию, искусственный интеллект, правовые механизмы защиты данных.

Transformation of consent to the processing of personal data in the online environment: challenges and legal mechanisms

This article is devoted to a comprehensive study of the transformational processes of the institution of consent to the processing of personal data in the context of the digitalization of socio-economic relations. The conceptual foundations of the legal nature of consent as a mechanism for realizing the right to informational self-determination of the data subject are analyzed. Systemic challenges to the traditional consent model are identified, determined by the technological evolution of data processing methods, including the phenomenon of information asymmetry, the dynamic nature of algorithmic processing, the issue of consent granularity, and the use of manipulative interface solutions. A critical assessment of the effectiveness of existing legal mechanisms for adapting the institution of consent has been carried out, including tightening validity requirements, the concept of dynamic consent, and alternative grounds for legitimizing processing. Empirical analysis of law enforcement practice demonstrates a permanent contradiction between regulatory requirements and the actual behavior of data operators, which is manifested in the high level of violations identified and the need to apply significant financial sanctions. The need for a conceptual rethinking of approaches to regulating the processing of personal data through the formation of collective data management mechanisms, technological standardization of control processes, and a reorientation towards risk-based regulation is justified. A gradual shift away from the paradigm of individual consent as the central mechanism for legitimizing processing in favor of a multi-level system for protecting the rights of data subjects is noted.

Keywords: personal data, informed consent, digital environment, informational self-determination, GDPR, algorithmic data processing, information asymmetry, dark patterns, dynamic consent, legitimate interest of the operator, risk-based regulation, collective data management, data protection by default, artificial intelligence, legal mechanisms for data protection.

Цифровизация социально-экономических процессов обусловила фундаментальную трансформацию правовых механизмов защиты персональных данных, выдвинув институт информированного согласия на обработку в центр дискуссии о балансе между технологическим прогрессом и правами субъектов данных. В онлайн-среде 2025 года наблюдается интенсификация противоречий между традиционными правовыми кон-

струкциями согласия, сформированными в доцифровую эпоху, и реальными практиками обработки данных, характеризующимися беспрецедентным масштабом, скоростью и технологической сложностью.

Актуальность исследования детерминирована тем, что классическая модель согласия, предполагающая осознанное, добровольное и информированное волеизъявление субъекта, подвергается системной эрозии в условиях

алгоритмизированной обработки данных, применения технологий искусственного интеллекта и распространения модели непрерывного мониторинга пользовательского поведения. Научная проблематика сосредоточена на выявлении несоответствий между нормативными требованиями к согласию и реальной способностью индивидов осуществлять контроль над персональными данными в цифровой экосистеме.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ трансформационных процессов института согласия на обработку персональных данных в онлайн-среде, идентификация основных вызовов правоприменительной практике и оценка эффективности существующих правовых механизмов регулирования.

Институт согласия на обработку персональных данных базируется на доктринальном постулате о праве субъекта на информационное самоопределение, конституирующем автономию личности в цифровой среде. Правовая конструкция согласия, закрепленная в Общем регламенте по защите данных Европейского Союза (GDPR) и национальных законодательных актах, определяется через совокупность квалифицирующих признаков: добровольность, информированность, конкретность и недвусмысленность волеизъявления.

Теоретический анализ правовой природы согласия выявляет его двойственную функцию в системе защиты персональных данных. С одной стороны, согласие выступает в качестве правового основания легитимации обработки данных, трансформируя потенциально противоправное действие в дозволенное. Альтернативный функциональный аспект заключается в операционализации принципа информационного самоопределения, предоставляя субъекту инструментарий контроля над циркуляцией персональной информации. [3]

Критический анализ нормативных дефиниций согласия демонстрирует, что законодатель исходит из презумпции рациональности субъекта данных и его способности к осознанной оценке рисков обработки. Однако данная презумпция вступает в противоречие с эмпирическими данными о фактическом поведении пользователей в онлайн-среде, характеризующемся систематическим игнорированием политик конфиденциальности и автоматическим предоставлением согласия без надлежащей оценки последствий.

Доктринальная дискуссия относительно правовой природы согласия концентрируется вокруг вопроса о том, является ли согласие самостоятельным правом субъекта или представляет собой лишь способ реализации более широкого права на защиту персональных данных. Преобладающая в европейской правовой традиции позиция рассматривает согласие как производный от фундаментального права на частную жизнь механизм, функционирующий в рамках многоуровневой системы правовых гарантий.

Технологическая эволюция методов обработки персональных данных в 2025 году генерирует комплекс системных вызовов традиционной модели согласия,

подвергая сомнению ее дееспособность в качестве эффективного механизма защиты прав субъектов.

Феномен информационной асимметрии проявляется в экспоненциальном разрыве между техническими знаниями операторов данных и познавательными возможностями среднестатистического пользователя. Применение технологий машинного обучения, нейронных сетей и предиктивной аналитики обуславливает ситуацию, при которой даже детальное описание методов обработки становится непостижимым для лица, не обладающего специализированными компетенциями в области информационных технологий. Эмпирические исследования демонстрируют, что средняя продолжительность чтения политики конфиденциальности составляет менее одной минуты, в то время как для полноценного ознакомления с документом требуется от 30 до 40 минут, что свидетельствует о фактической невозможности реализации принципа информированного согласия [8].

Динамическая природа обработки данных в условиях применения алгоритмических систем создает существенные трудности для статичной модели согласия. Традиционный подход предполагает определенность целей обработки на момент получения согласия, тогда как алгоритмы непрерывно обучаются на накапливаемых данных, генерируя новые паттерны использования информации, не предусмотренные первоначальным волеизъявлением субъекта. Технологии автоматизированного принятия решений создают множественные производные от исходных данных информационные продукты, правовой статус которых остается неопределенным в контексте исходного согласия.

Проблематика гранулярности согласия в условиях комплексных цифровых экосистем приобретает особую остроту. Современные онлайн-сервисы характеризуются множественностью целей обработки данных, вовлечением сторонних обработчиков и трансграничной передачей информации. Предоставление согласия на каждую отдельную операцию обработки генерирует феномен «усталости от согласия», при котором пользователи подвергаются систематической бомбардировке запросами на согласие, что приводит к девальвации института и его трансформации в формальную процедуру.

Применение технологий поведенческого дизайна и манипулятивных паттернов интерфейса, концептуализируемых в литературе как «темные паттерны», представляет серьезную угрозу добровольности согласия. Операторы данных систематически используют психологические механизмы влияния, конструируя интерфейсы таким образом, чтобы максимизировать вероятность предоставления согласия и минимизировать осознанность пользовательского выбора. Эмпирические исследования фиксируют, что варьирование визуального дизайна форм согласия способно изменять процент положительных решений на 30–40 %, что свидетельствует о манипулятивной природе процесса получения согласия [2].

Нормативные регуляторы демонстрируют осознание системных дефектов традиционной модели согласия,

предпринимая попытки ее модернизации посредством введения дополнительных правовых гарантий и альтернативных механизмов защиты.

Ужесточение требований к валидности согласия составляет приоритетное направление реформирования. GDPR и последующие нормативные акты устанавливают повышенные стандарты добровольности, исключая возможность связывания предоставления услуги с согласием на обработку данных, не являющуюся необходимой для оказания услуги. Судебная практика Европейского суда справедливости демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию требования добровольности, признавая недействительным согласие, предоставленное в условиях существенного дисбаланса переговорной позиции сторон.

Концепция динамического согласия предполагает возможность пересмотра и актуализации волеизъявления субъекта в процессе обработки данных. Технологическое воплощение данной концепции реализуется через персональные информационные панели управления, обеспечивающие субъекту визуализацию текущей обработки данных и инструменты оперативного изменения параметров согласия. Эмпирические исследования эффективности данного механизма демонстрируют положительную динамику в повышении осведомленности пользователей, однако сохраняется проблема низкой активности в использовании инструментов управления [5].

Развитие альтернативных согласия оснований легитимации обработки данных получает нормативное закрепление, в частности через концепцию легитимного интереса оператора. Данное основание предполагает возможность обработки данных без согласия субъекта при условии демонстрации оператором баланса между своими интересами и правами субъекта. Правоприменительная практика 2024–2025 годов свидетельствует о расширении сферы применения данного основания, особенно в контексте обработки данных для целей кибербезопасности и предотвращения мошенничества.

Формирование специализированных режимов регулирования для отдельных категорий технологий представляет собой значимое направление модернизации. Законодательство Европейского Союза об искусственном интеллекте (AI Act), вступившее в силу поэтапно в 2024–2025 годах, устанавливает дополнительные требования к согласию при использовании данных для обучения высокорисковых систем ИИ, включая обязательность проведения оценки воздействия на защиту данных и установление специальных гарантий для уязвимых категорий субъектов.

Оценка эффективности правовых механизмов адаптации института согласия требует применения комплексной методологии, учитывающей не только формальное соответствие нормативным требованиям, но и реальное воздействие на практики обработки данных и уровень защищенности прав субъектов.

Эмпирический анализ правоприменительной практики выявляет перманентное противоречие между нормативными требованиями и фактическим поведением опе-

раторов данных. Статистические данные национальных регуляторов демонстрируют, что более 60 % проверенных онлайн-сервисов в 2024 году допускали нарушения требований к получению согласия, преимущественно связанные с использованием манипулятивных интерфейсных решений, недостаточной информированностью пользователей и связыванием услуг с необоснованным согласием на обработку данных [1].

Финансовые санкции, налагаемые регуляторами, демонстрируют экспоненциальный рост: совокупный объем штрафов за нарушения в области персональных данных в Европейском Союзе превысил 4 миллиарда евро за 2024 год, что на 40 % выше показателей предыдущего года. Дискуссионным остается вопрос о превентивном эффекте санкций, поскольку крупнейшие технологические корпорации систематически подвергаются штрафам, что может свидетельствовать либо о недостаточности размера санкций, либо о структурной невозможности полного соответствия требованиям в условиях технологической сложности обработки.

Механизм динамического согласия обнаруживает ограниченную эффективность вследствие низкой пользовательской активности. Лонгитюдные исследования показывают, что менее 5 % пользователей регулярно используют инструменты управления согласием после первоначальной настройки, что позволяет констатировать сохранение проблемы информационной пассивности субъектов данных.

Альтернативное основание легитимного интереса демонстрирует амбивалентное воздействие на систему защиты персональных данных. С одной стороны, данный механизм обеспечивает большую гибкость и снижает административную нагрузку на субъектов, избавляя их от необходимости систематического предоставления согласия на рутинные операции обработки. Противоположная тенденция проявляется в том, что широкое применение легитимного интереса создает риск размывания защиты прав субъектов через перенос бремени оценки правомерности обработки с субъекта на оператора, обладающего существенно большими ресурсами для обоснования своих действий [4].

Системный анализ выявленных дефектов института согласия и ограниченной эффективности существующих механизмов адаптации обуславливает необходимость концептуального переосмысления подходов к регулированию обработки персональных данных в онлайн-среде.

Концепция коллективного управления данными предполагает создание институтов-посредников между субъектами данных и операторами. Формирующиеся в европейской практике «трасты данных» и «кооперативы данных» представляют собой организационно-правовые формы, аккумулирующие переговорную силу множества субъектов и обеспечивающие профессиональную экспертизу в оценке условий обработки данных. Данная модель позволяет преодолеть структурную асимметрию между индивидуальным субъектом и крупным опера-

тором, обеспечивая реальную защиту интересов через механизмы коллективных переговоров.

Технологическая стандартизация процессов получения и управления согласием приобретает возрастающее значение в контексте интероперабельности цифровых систем. Инициативы в области разработки машиночитаемых форматов выражения согласия и автоматизированных протоколов управления предпочтениями конфиденциальности направлены на снижение транзакционных издержек субъектов при осуществлении контроля над данными. Технология «глобальных сигналов управления конфиденциальностью» позволяет субъектам однократно определить свои предпочтения, автоматически применяемые в отношениях со множеством операторов [7].

Переориентация регулирования с процессуального контроля на содержательную оценку результатов обработки данных обеспечивает более эффективное распределение регуляторных ресурсов. Концепция «регулирования, основанного на рисках» предполагает дифференциацию требований в зависимости от потенциального вреда для субъектов, что позволяет сконцентрировать регуляторные ресурсы на наиболее проблемных практиках обработки. Данный подход реализован в AI Act, устанавливающим градацию систем искусственного интеллекта по уровню риска с соответствующими различиями в регуляторных требованиях.

Усиление превентивных механизмов защиты через расширение практики проведения обязательной оценки воздействия на защиту данных и внедрения принципа «защиты данных по умолчанию» на стадии разработки технологических решений составляет важное направление модернизации. Концепция «встроенной конфиденциальности» предполагает интеграцию требований защиты данных в архитектуру информационных систем, минимизируя зависимость защиты от активных действий субъектов.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что институт согласия на обработку персональных данных переживает период фундаментальной трансформации, детерминированной системным противоречием между

исходными правовыми презумпциями и технологической реальностью онлайн-среды 2025 года. Традиционная модель согласия, основанная на постулатах индивидуальной автономии, рациональности выбора и возможности осознанной оценки рисков, демонстрирует структурную неадекватность в условиях информационной асимметрии, технологической сложности обработки и систематического применения манипулятивных практик.

Правовые механизмы адаптации, реализуемые через ужесточение требований к валидности согласия, внедрение динамических моделей управления и развитие альтернативных оснований обработки, обеспечивают частичную модернизацию института, однако не устраняют фундаментальные дефекты парадигмы индивидуального согласия. Эмпирические данные свидетельствуют о сохранении существенного разрыва между нормативными требованиями и фактическими практиками операторов данных, что проявляется в высоком уровне выявленных нарушений и необходимости применения значительных финансовых санкций [6].

Перспективные направления развития правового регулирования концентрируются на формировании коллективных механизмов управления данными, технологической стандартизации процессов контроля, переориентации на риск-ориентированное регулирование и усилении превентивных механизмов защиты. Данные направления предполагают постепенный отход от парадигмы индивидуального согласия как центрального механизма легитимации обработки в пользу многоуровневой системы защиты, сочетающей процессуальные гарантии с содержательным контролем результатов обработки и институциональными формами представительства интересов субъектов данных.

Научная дискуссия требует дальнейшего углубления в направлении эмпирического исследования эффективности новых правовых механизмов, сравнительного анализа национальных моделей регулирования и разработки теоретических оснований пост-консенсусной парадигмы защиты персональных данных в цифровой среде.

Литература:

1. Анисенко Т. А., Казеко Д. А. Защита персональных данных в цифровой экономике: вызовы и решения // Информационное право. — 2025. — № 1. — С. 15–22.
2. Геращенко А. И., Рыбин А. И., Зюбанов К. А. Защита персональных данных в эпоху надзорного капитализма // Международное правосудие. — 2023. — № 4 (48). — С. 102–115.
3. Гриценко М. А., Чайковская А. А., Сусликов С. А. Конституционные гарантии защиты персональных данных в цифровой среде // Вестник науки. — 2025. — Т. 3, № 4 (85). — С. 268–274.
4. Джурук Д. С., Коршунов А. В., Пушечников А. А. Защита персональных данных в эпоху больших данных // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 4. — С. 129–132.
5. Петрова К. А. Защита конфиденциальности данных и прав личности в цифровой среде: правовое регулирование и практические механизмы // Научные записки молодых исследователей. — 2025. — Т. 13, № 2. — С. 46–53.
6. Пискайкина В. М., Монетов А. Г. Проблема защиты персональных данных в эпоху цифровизации // Российские исследования. Право и политика. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 124–140.
7. Смородинов Е. В. Письменное согласие на обработку персональных данных в цифровой среде // Труды по Интеллектуальной Собственности. — 2025. — Т. 54, № 3. — С. 22–34.

8. Халатян С. С. Особенности правового регулирования киберпространства как среды оборота персональных данных // Вестник науки. — 2025. — Т. 2, № 6 (87). — С. 791–799.
9. Шельменков В. Н. Правовые аспекты использования электронных документов для подтверждения согласия на обработку персональных данных в Российской Федерации. — 2024.

Ключевые основания для анализа косвенных выборов

Трейзи Александр Александрович, студент
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

В материале рассматривается институт косвенных (непрямых, многостепенных) выборов как особый механизм реализации волеизъявления граждан. Освещены ключевые основания для анализа косвенных выборов: от поиска баланса между представительностью и управляемостью до оценки легитимности власти и оптимизации избирательных систем. Особое внимание уделено плюсам и минусам системы.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, косвенные выборы, избирательная система, легитимность власти, представительная демократия, риски косвенных выборов, стабильность управления.

Органы местного самоуправления (ОМСУ) — самостоятельный уровень публичного управления на территории муниципального образования.

Их цель — обеспечить развитие территории в соответствии с интересами местного населения. **Они не входят в систему органов государственной власти**, но составляют часть единой системы публичной власти в РФ [3].

В системе местного самоуправления Российской Федерации особое место занимают механизмы формирования органов муниципальной власти. Наряду с прямыми выборами, в ряде случаев применяется **институт косвенных выборов** — способ избрания должностных лиц и депутатов через специально сформированный коллегиальный орган, а не напрямую населением.

Косвенные (непрямые, многостепенные) выборы — избирательная система, при которой воля избирателей реализуется не напрямую, а через специальных посредников — выборщиков или коллегиальные органы [2].

Анализ косвенных выборов важен по ряду принципиальных причин — от понимания механизмов власти до проектирования избирательных систем.

Ключевые основания для анализа [4]:

1. *Изучение баланса представительности и управляемости*, косвенные выборы — попытка совместить:

- учёт интересов разных групп (через выборщиков/коллегий);
- фильтрацию кандидатур (отсеивание радикалов, некомпетентных);

- стабильность управления (снижение влияния краткосрочных эмоций масс). Анализ показывает, в каких условиях такой баланс достигается, а когда система даёт сбой.

2. *Оценка легитимности власти:*

- Как опосредованное голосование влияет на восприятие легитимности избранного лица/органа?

- В каких случаях косвенные выборы укрепляют, а в каких — подрывают доверие к власти?

- Каковы риски «отрыва» выборщиков от избирателей и как их минимизировать?

3. *Сравнение моделей демократии*. Косвенные выборы — маркер *представительной* (а не прямой) демократии. Их анализ позволяет:

- отличать разные типы демократических процедур;
- понимать, почему некоторые страны выбирают многоступенчатые системы (например, из-за больших территорий, этнической мозаичности);

- выявлять исторические и культурные предпосылки выбора той или иной модели.

4. *Выявление скрытых механизмов влияния*, в косвенных системах ключевую роль играют:

- отбор и мотивация выборщиков;
- правила голосования в коллегиях (квалифицированное большинство, консенсус и т. п.);

- неформальные договорённости между группами интересов. Анализ вскрывает, как на практике распределяется власть за фасадом формальных процедур.

5. *Оптимизация избирательных систем*, изучение опыта косвенных выборов помогает:

- проектировать смешанные модели (например, сочетание прямых и косвенных этапов);
- вводить «сдержки» против популизма без отказа от народного волеизъявления;
- адаптировать системы к специфике регионов (федерализм, автономии).

6. *Понимание исторических трансформаций* [4]:

- Почему одни страны переходят от косвенных к прямым выборам (например, США после 17й поправки), а другие сохраняют многоступенчатость?

- Как косвенные выборы служили инструментом централизации или децентрализации?

— Какие уроки можно извлечь из упразднения или реформирования таких систем?

7. *Анализ рисков и уязвимостей*, косвенные выборы несут специфические риски:

- искажение волеизъявления избирателей (результат коллегии не совпадает с «народным голосованием»);
- закулисные сделки и торг между выборщиками;
- низкая прозрачность на поздних этапах;
- возможность блокирования легитимной смены власти.

Анализ позволяет разрабатывать меры противодействия.

8. *Международные и наднациональные сравнения*, косвенные механизмы встречаются в разных формах:

- коллегия выборщиков (США);
- многоступенчатые выборы в верхние палаты (Франция, Индия);
- избрание через парламенты (Германия, Италия);
- наднациональные органы (парламентские ассамблеи ОБСЕ, Совета Европы). Сравнение показывает, какие модели эффективнее в разных контекстах.

9. *Правовое и конституционное проектирование*, для законодателей и конституционных реформаторов анализ косвенных выборов даёт:

- критерии выбора между прямыми и косвенными процедурами;

— шаблоны регулирования статуса выборщиков, кворумов, порядка голосования;

— способы обеспечения подотчётности косвенных органов.

10. *Образование и гражданская культура*, понимание косвенных выборов повышает [1]:

- грамотность избирателей (как «работает» система, за что голосуют выборщики);
- способность критически оценивать избирательные реформы;
- диалог о ценностях демократии (представительство vs. непосредственное участие).

Таким образом, представленный анализ косвенных выборов — не просто историко-правовой экскурс, а практический инструмент:

- для оценки действующих систем;
- для проектирования реформ;
- для понимания реальных механизмов распределения власти;
- для укрепления легитимности и прозрачности избирательного процесса.
- избирательная система, при которой воля избирателей реализуется не напрямую, а через специальных посредников — выборщиков или коллегиальные органы.

Литература:

1. Муниципальное право Российской Федерации: Учебное пособие. — 1-е изд. — Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2024. — 308 с.
2. Лавицкая М. И. Возможность практического применения косвенных выборов в Российской Федерации / М. И. Лавицкая, Е. В. Батеева, А. Л. Питерская // Вестник государственного и муниципального управления. — 2016. — № 3. — С. 90–96.
3. Скрипкина, Ж. Б. Избирательные системы и технологии: учеб. пособие / Ж. Б. Скрипкина. — Москва: Вуз. учеб., ВЗФЭИ, 2005. — 172, с.
4. Чеботарев, Г. Н. Актуальные проблемы муниципального права: Учебник для магистрантов: Учебник / Тюменский государственный университет. — 2-е изд. — Москва: ООО «Юридическое издательство Норма», 2024. — 320 с.

Проблемы межведомственного взаимодействия в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Тупкова Лидия Андреевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье рассматриваются основные проблемы межведомственного взаимодействия, возникающие в организации деятельности субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Проведенное исследование основывается не только на работах ученых, но и результатах прокурорского надзора и деятельности территориальных органов внутренних дел МВД России.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, субъекты системы профилактики, межведомственное взаимодействие.

В организации и осуществлении мероприятий по предупреждению преступности несовершеннолетних задействованы различные субъекты системы профилактики.

Основным законодательным актом Российской Федерации, регулирующим отношения, возникающие в связи с деятельностью субъектов по профилактике безнадзор-

ности и правонарушений несовершеннолетних, является Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее — Федеральный закон № 120-ФЗ) [1].

Данный нормативный правовой акт определяет основные задачи и принципы деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, устанавливает перечень органов и учреждений, реализующих их в практической деятельности, регламентирует организацию профилактической работы с несовершеннолетними, а также содержит основы межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики.

Статьей 4 Федерального закона № 120-ФЗ строго определен круг субъектов профилактики, ним относятся: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН и ЗП), социальные службы и учреждения, органы внутренних дел, органы управления в сфере образования, органы управления здравоохранением, службы занятости, учреждения по делам молодежи и другие. Каждый из субъектов наделен определенным кругом полномочий и в пределах своей компетенции выполняет ряд функций, связанных с профилактикой правонарушений несовершеннолетних. Вместе с тем результативность их работы напрямую зависит от эффективности взаимодействия между собой.

Результаты проведенного исследования позволили выявить ряд проблемных моментов, затрудняющих реализацию межведомственного взаимодействия.

Одной из наиболее распространенных проблем взаимодействия субъектов системы профилактики является несвоевременный обмен информацией.

Информационная проблема продолжает оставаться актуальной даже в период интенсивного развития информационно телекоммуникационных технологий и включает в себя несколько аспектов таких, как недостаточный объем и полнота полученных данных в отношении несовершеннолетних и их семей, отсутствие у некоторых субъектов профилактики доступа к необходимой информации из других ведомств, недостаточность актуальных и достоверных сведений для принятия решения. Указанное может быть обусловлено отсутствием единой системы сбора и обмена информацией.

Стоит подчеркнуть, что в рамках межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики применяются такие автоматизированные информационные системы (далее — АИС), как «Опека и попечительство», «Несовершеннолетние», «Семья и дети». Однако данные АИС не взаимосвязаны между собой, отсутствует «центр», координирующий, контролирующий и систематизирующий передачу и хранение данных внутри системы профилактики между регионами России.

Ранее Правительством Российской Федерации были установлены единые правила реализации межведомственного электронного взаимодействия. Вместе с тем во-

прос нормативного регулирования специализированной АИС, действующей на всероссийском уровне для системы профилактики, в настоящее время находится на стадии обсуждения. При этом на данный момент в системах профилактики ряда субъектов Российской Федерации проводится апробация специализированной АИС «Профилактика» [2], действие которой предположительно затронет все регионы страны с 1 декабря 2025 года [3, с. 125].

Следует обратить внимание, что в настоящее время каждый орган системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних ведет самостоятельный учет несовершеннолетних лиц, находящихся в социально опасном положении, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, а также родителей, не исполняющих обязанности по их воспитанию, обучению и (или) содержанию или отрицательно влияющих на их поведение, жестоко обращающихся с ними.

Учет каждого из указанных видов ведется обособленно, орган или учреждение системы профилактики, в компетенции которого находится ведение учета одного вида, может получить необходимую ему информацию от другого органа или учреждения, осуществляющих учет иного вида, только посредством запроса. В связи с этим ведомства несвоевременно получают информацию о несовершеннолетних, находящихся в социально опасной ситуации [4, с. 3–4].

Отмечаются недостатки в организации межведомственного информирования о выявленных подростках «группы риска» и неблагополучных родителях.

Так, в 2023 году по информации образовательных организаций контроль установлен только за 3,4 тыс. (из 123,7 тыс. или 2,8 %) подростков обозначенной категории. При этом в республиках Бурятия, Карелия, Забайкальском крае в органы внутренних дел направлено по одной такой информации, в Кабардино-Балкарской Республике, Калининградской, Магаданской, Рязанской областях — ни одной.

Также существует проблема во взаимном информировании органов и учреждений системы профилактики о поведении несовершеннолетнего, об условиях его жизни, о нарушении его прав и законных интересов. На практике имеют место случаи, когда ни КДН и ЗП как орган, координирующий деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, ни орган опеки и попечительства как орган, на который возложена обязанность по ведению единого учета, не уведомляются полицией о снятии семьи с ведомственного учета либо о смене семьей места жительства [4, с. 5].

Таким образом, можно утверждать, что несвоевременный обмен информацией негативно отражается на реализации индивидуальной профилактической работы, способствует возникновению проблемных ситуаций связанных с оперативным реагированием и оказанием адресной помощи несовершеннолетним и их семьям, с постановкой на учет и снятием с него указанных лиц.

Следует отметить, что внедрение и использование единой автоматизированной информационной системы позволит решить проблему взаимного информирования субъектов профилактики, не ограничиваясь ведомственными рамками и территорией одного субъекта Российской Федерации. Однако при этом не стоит оставлять без внимания уровень подготовки специалистов, осуществляющих межведомственный обмен информацией.

Еще одной из ключевых проблем межведомственного взаимодействия по предупреждению противоправного поведения несовершеннолетних и семейного неблагополучия является слабая координация деятельности между специалистами разных ведомств. Так, зачастую проблемы, связанные с поддержкой уязвимых семей и несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, решить усилиями только социальных работников или педагогов невозможно. Все это требует скоординированных действий органов власти, социальной защиты, образования и правоохранительных структур. Однако до сих пор отсутствует единая концепция такого взаимодействия, нет четких технологий совместной работы, а нормативная база не всегда соответствует организационным потребностям. Традиционно большое внимание уделяется формальным отчетам и инструкциям, тогда как важность межотраслевого сотрудничества недооценивается [5, с.129].

Также сохраняются проблемы распределения компетенции между ведомствами при организации жизнеустройства несовершеннолетних, нуждающихся в помощи со стороны государства.

В 2021 году Министерством просвещения РФ, Министерством труда РФ, Министерством здравоохранения РФ и МВД России разработана модель межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по жизнеустройству выявленных детей, нуждающихся в помощи со стороны государства, разграничивающая функциональные обязанности между сотрудниками полиции и специалистами социального блока.

Несмотря на принимаемые меры, в регионах сохраняются затруднения в маршрутизации детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

На фоне ежегодного снижения числа обнаруженных безнадзорных детей (2021 год — 38 045; 2022 год — 36 367; 2023 год — 34 962; 6 мес. 2024 года — 16 738), продолжает увеличиваться количество обозначенных несовершеннолетних помещаемых в социально-реабилитационные центры по актам сотрудников полиции (2021 г. — 10 518; 2022 г. — 11 521; 2023 г. — 13 780; 2024 г. — 6987).

Такое положение дел стало возможным ввиду отсутствия у органов опеки и попечительства обеспечительных мер (регламента работы в ночное время, нехватка автотранспорта) по документационному оформлению и транспортировке указанной категории детей. Одновременно продолжают фиксироваться факты отказов специализированными социальными учреждениями в приеме

безнадзорных несовершеннолетних по различным причинам (отсутствие медицинских блоков карантинного содержания, свободных мест, удаленность расположения), вынуждающие помещать их в медицинские организации.

Существуют определенные проблемные моменты в организации межведомственного взаимодействия образовательных организаций высшего образования с КДН и ЗП.

Так, неясность и размытость правового статуса КДН и ЗП не только внутри системы профилактики, но и с точки зрения их взаимодействия с образовательными учреждениями, общественными объединениями и иными организациями кардинально влияет на системность и обязательность проводимой индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними. Отсутствие единых нормативно-правовых основ организации и деятельности КДН и ЗП влечет за собой отсутствие совместных подходов и методов профилактики нарушений в молодежной среде.

Нередко в образовательных организациях высшего образования отсутствует информация о несовершеннолетних, в отношении которых различными органами и учреждениями системы профилактики проводится индивидуальная профилактическая работа.

Отсутствие взаимодействия по данному вопросу объясняется тем, что для образовательных организаций выполнение задач по профилактике правонарушающего поведения несовершеннолетних является не основным, а лишь дополнительным видом деятельности. При этом КДН и ЗП не имеет управленческих механизмов влияния на формы индивидуальной профилактической работы, их актуальность и востребованность [6, с. 63–64].

Одновременно следует обратить внимание на отсутствие нормативного правового акта, регламентирующего порядок организации внутривузовского учета студентов, склонных к совершению правонарушений, а также неиспользование возможностей института советов профилактики.

Обращает на себя внимание серьезные упущения в части в организации внутришкольного учета несовершеннолетних, состоящих на учете в органах внутренних дел (далее — ОВД), а также склонных к противоправному поведению.

Так, в ходе прокурорского надзора часто устанавливаются факты неудовлетворительной организации учета несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, не посещающих или систематически пропускающих по неуважительным причинам занятия. Выявляются нарушения связанные с непостановкой на ответствующий внутришкольный учет подростков, совершивших антиобщественные действия, в результате чего необходимая профилактическая работа с несовершеннолетними не ведется. Нередко образовательные организации не информируют ОВД и иные органы системы профилактики о правонарушающем поведении детей. Такое замалчивание влечет не только безнаказанность, но и укрепление негативных социально-психологических ка-

честв и криминальных установок несовершеннолетнего, иллюзии вседозволенности.

Кроме того, выявляются факты ненадлежащей организации работы по раннему выявлению незаконного употребления и распространения наркотических средств и психотропных веществ среди несовершеннолетних. Как правило, это выражается в несоблюдении установленного порядка социально-психологического тестирования школьников, слабом взаимодействии с ОВД в работе по предупреждению и пресечению правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [7, с. 127].

Не менее актуальной остается проблема организованной занятости детей в период летней оздоровительной кампании, решение которой также требует слаженных совместных действий и заинтересованности ведомств различного уровня.

Критическая ситуация по уровню охвата организованными формами отдыха «трудных» подростков в прошлогодний летний период сложилась в республиках Карелия (охвачено 21,3 % подучетных, Россия: 67,5 %), Марий Эл (33,6 %), Алтайском крае (23,7 %), Астраханской (10,3 %), Московской (23,8 %), Псковской (37,6 %), Ярославской (31,5 %) областях, г. Москве (2,2 %).

Так, например, по информации Министерства образования и спорта Республики Карелия (далее — республика) на территории региона находятся 5 загородных баз отдыха физкультурно-спортивной направленности, деятельность которых в настоящее время приостановлена по причине необходимости их реконструкции и модернизации, а также ввиду отсутствия в региональном бюджете достаточных финансовых средств для проведения данных мероприятий.

Открыть палаточные лагеря в республике для организации отдыха и оздоровления несовершеннолетних также не представляется возможным в связи с запретом Главного государственного санитарного врача Российской Федерации на проведение смен в таких лагерях в условиях ночной температуры воздуха окружающей среды ниже +15 градусов по Цельсию.

Таким образом, летняя оздоровительная кампания ограничивается лишь объектами отдыха на базе образовательных (детских спортивных) организаций и выездами групп детей в частные стационарные лагеря на территории республики, и стационарные лагеря, находящиеся за её пределами.

Отсутствие в республике стационарных лагерей, находящихся в ведомстве региона, исключило возможность организации профильных смен для подучётных несовершеннолетних.

Также следует отметить недостаточную активность субъектов профилактики в работе по внесению предложений, направленных на разрешение проблемных вопросов в деятельности ОВД и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, устранение причин и условий, способствующих безнадзорности и правонарушениям несовершеннолетних.

Так, в Республике Адыгея летом 2024 года из 157 состоящих на учете только 6 человек были охвачены досугом в детских лагерях. Более того, за три года их количество сократилось в 3,5 раза (2022 г.: 19; 2023 г.: 21), при этом вопросы проведения профильных смен, иных площадок труда и отдыха для подучетных несовершеннолетних на межведомственный уровень не выносились.

Как показывает практика, перечисленные проблемы и недостатки, выявляемые в совместной работе органов и учреждений системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, не являются исчерпывающими, что позволяет сделать вывод об отсутствии системного подхода в их работе.

В заключение можно отметить, что большинство проблем в рамках межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних связано с отсутствием единого закона, регулирующего данную сферу общественных отношений.

Основным нормативным правовым актом, определяющим направления деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, является Федеральный закон от № 120-ФЗ. Вместе с тем формы и порядок взаимодействия субъектов профилактики не установлены, алгоритм их действий выстраивается на основании большого количества разработанных Министерством просвещения РФ методических рекомендаций. Соответственно данные рекомендации носят рекомендательный характер и не являются обязательными к исполнению, что позволяет любому органу системы профилактики безнадзорности и правонарушений принимать самостоятельные решения, предусмотренные ведомственными правовыми актами.

Исходя из этого, следует, что порядок взаимодействия органов и организаций системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних остро нуждается в четкой регламентации, которая позволит органам разных уровней управления осуществлять согласованную и методичную деятельность по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Литература:

1. Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 29 мая 2024 года) // <http://consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2024).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 апреля 2025 года № 411 «О государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» — Текст: электронный // URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.09.2025).

3. Смагина, Т. А. Информационная культура сотрудников субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как условие эффективного использования автоматизированных информационных систем / Т. А. Смагина. — Текст: непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь.. — 2022. — № 4. — С. 123–130.
4. Ковалева, Е. Ю. Актуальные аспекты правоприменительной практики между субъектами системы профилактики — Текст: электронный // <http://dpo-smolensk.ru/scientific-activity/files/2022-opeka> — С. 1–6.
5. Власенко, Ю. И. Межведомственное взаимодействие. Оказание помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации / Ю. И. Власенко — Текст: непосредственный // Управление развитием образования. — 2025. — № 2 (34). — С. 127–131.
6. Кузнецова, И. О, Борисова, В. Ф., Спесивов, Н. В. Актуальные проблемы эффективности межведомственного взаимодействия в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в свете новых вызовов / И. О. Кузнецова, В. Ф. Борисова, Н. В. Спесивов — Текст: непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2022. — № 6 (149). — С. 59–67.
7. Раскина, Т. В. Прокурорский надзор за исполнением образовательными организациями законов, регламентирующих вопросы ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних / Т. В. Раскина — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних: сб. материалов круглого стола (Москва, 2 апреля 2021 г.) / под общ. ред. О. С. Капинус; [науч. ред. Д. И. Ережи-палиев; сост. О. В. Морозова, М. Л. Огурцова]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2021. — С. 125–129.

Процессуальные и тактические основы назначения судебной экспертизы и оценки ее результатов в гражданском процессе

Ушкань Анастасия Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бондаренко Юрий Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья рассматривает процессуальные основания и организационно-тактические особенности назначения судебных экспертиз во время рассмотрения по существу гражданских дел. Освещаются вопросы оценивания заключения судебного эксперта и доказательственное значение получаемых результатов.

Ключевые слова: судебная экспертиза, гражданское судопроизводство, доказательство, исследование, суд.

Получение доказательств в гражданском судопроизводстве является для суда приоритетным направлением деятельности, поскольку только после оценки всех имеющихся в деле допустимых доказательств возможно принятие решения по существу относительно предмета спора. В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ГПК РФ) предусмотрены требования к видам и процессуальной форме доказательств. Законом установлены вещественные и письменные доказательства, объяснения сторон и третьих лиц, осмотр доказательств, аудиозаписи и видеозаписи, а также назначение экспертизы.

Судебная экспертиза в разбирательстве гражданско-правовых споров — это единственное допустимое процессуальное действие, благодаря которому суд получает возможность исследовать круг вопросов, прямо выходящих за рамки его профессиональной компетенции. Экспертные знания относятся к разряду специальных, то есть они не общедоступны, и носитель этих знаний — эксперт, получает их после профессиональной подготовки по программам высшего образования и последующей перепод-

готовки. Специальные знания экспертов направлены на исследование вопросов в сфере науки, техники, искусства, ремесла, технологий. Ст. 79 ГПК РФ определяет основные правила по назначению судебной экспертизы в качестве единственного процессуального источника привлечения специальных знаний экспертов в гражданское дело.

После сравнения норм о назначении судебной экспертизы в уголовном и гражданском судопроизводстве мы пришли к выводу о том, что законодателем предусмотрен разный порядок привлечения помощи судебных экспертов в рамках каждого вида судопроизводства. Уголовное судопроизводство момент назначения судебной экспертизы увязывает, как правило, с деятельностью органа предварительного расследования преступлений на досудебном этапе, потому что следователи и дознаватели признаются субъектами собирания, проверки и оценки доказательств. Гражданское судопроизводство наделяет суд правом назначения судебной экспертизы, наделяя стороны по делу правом формулировать вопросы эксперту и одновременно распределяя обязанность оплаты труда эксперта между сторонами.

Процессуальная форма налагает на субъектов назначения экспертизы особенности организационно-тактического характера, с помощью которых решаются вопросы практической реализации работы суда, судебно-экспертного учреждения и, непосредственно, судебного эксперта при назначении, производстве и получении заключения эксперта.

О. А. Яценко отмечает, что в силу ограниченной компетенции суда и сторон гражданского спора в предметной области предстоящего исследования, им бывает сложно сформулировать исчерпывающий круг вопросов для постановки на разрешение экспертизой. Часто эти вопросы носят обобщенный характер, а самостоятельное изменение вопросов не может проводиться экспертом самостоятельно, что приводит к затягиванию рассмотрения спора и назначения дополнительных или повторных экспертиз [1, с. 427].

Судопроизводство по гражданским делам предполагает ведущую роль суда в назначении судебной экспертизы, стороны судебного разбирательства могут заявлять ходатайства суду о необходимости назначения экспертизы и предлагать перечень вопросов эксперту. Противоположная сторона по делу наделяется правом сформулировать и поставить перед экспертом свои вопросы.

В определении суда о назначении судебной экспертизы указываются наименование вида экспертизы, экспертное учреждение, предупреждение об уголовной ответственности эксперта при даче заведомо ложного заключения, список вопросов на разрешение эксперту, предельный срок проведения исследования, перечень материалов дела, передаваемый эксперту для производства экспертизы, требование о перечислении стороной денежных средств на специальный счет для обеспечения финансирования экспертизы.

Гражданская процессуальная форма имеет преимущественное значение в работе суда, так как только ее соблюдение выражает законность всего судебного разбирательства и создает необходимые условия для собирания, проверки, исследования и оценки доказательств по гражданским делам. ГПК РФ предусматривается состязательный характер разбирательства, поэтому сторона истца и сторона ответчика обладают равными правами в формировании предмета назначаемой судебной экспертизы. После проведения экспертизы и возвращения материалов гражданского дела для продолжения разбирательства, в распоряжении суда находится доказательство — заключение эксперта [2].

Научная литература сегодня поднимает проблему привлечения специализированного программного обеспечения, связанного с анализом всех материалов рассматриваемого судом гражданского дела и технического составления на основании этого анализа проекта определения суда по назначению экспертизы. Программное обеспечение должно предложить суду процессуальное решение о назначении экспертизы после анализа сложившейся в материалах дела ситуации, соответствующий вид

экспертного исследования, перечень типичных и индивидуализирующих вопросов, относящихся к предмету исследования [3].

Полагаем, изначально заложенная в нормах процессуального законодательства формализация этапов и стадий судопроизводства, призванная упорядочить работу суда и участников дела по проверке и оценке собранных доказательств, является благоприятным условием для алгоритмизации судопроизводства. Но, кроме этого, имеются и факторы, которые обращены против внедрения систем искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство. Это отсутствие у суда обязанности ведения полностью электронного гражданского дела и требование к свободной оценке доказательств.

Первое означает, что алгоритмы машинного обучения будут лишены возможности полноценного анализа информации по конкретному гражданскому делу, чтобы принять обоснованное процессуальное решение с учетом принципа состязательности сторон и обеспечения прав иных участвующих в деле лиц. Технологии оценки информации функционируют по законам кибернетики, что предполагает наличие прямой и обратной связей между управляющим и управляемым объектом. Нейросети и построенные на их основе решения пока не обладают достаточной рефлексией при определении доказательственных, промежуточных и искомых фактов, образующих сущность представляемых доказательств.

Вторая проблема связана с первой и касается вопроса оценки доказательств по внутреннему убеждению. Ее суть в том, что судом формируется круг доказательств и определяется предмет доказывания на основе требований и возражений сторон гражданского дела. После этого принимаются меры по определению приоритета доказательств в конкретном деле, и обосновывается мотивация по оценке доказательств, для чего указываются связи доказательств внутри собранной системы и с предметом доказывания. Машинные алгоритмы лишены человеческого интеллекта, их работа строится в основном на принципах комбинаторики и механического перебора возможных вариантов, с предложением наиболее вероятного и подходящего под условия поставленной задачи. Таким образом, вместо свободной оценки доказательств произойдет ее подмена на формальную оценку, что прямо противоречит Конституции Российской Федерации. К тому же, неурегулированность технических, технологических, социальных и нравственных проблем использования искусственного интеллекта дает основания нам скептически относиться к внедрению этого инструмента в отправление правосудия.

Тактические вопросы назначения судебных экспертиз в гражданском судопроизводстве складываются вокруг следующих проблем:

- 1) момент назначения экспертизы и выбор экспертного учреждения;
- 2) выбор стороны, обеспечивающей финансирование проведения экспертизы;

3) получение экспертом в свое распоряжение объекта экспертного исследования;

4) получение экспертом разрешения суда на применение разрушающих методов исследования в отношении объекта исследования;

5) нейтрализация противодействия стороны гражданского дела.

М. В. Жижица допускает необходимость выделения в гражданском судопроизводстве криминалистического обеспечения судебных действий, в том числе направленных на назначение судебной экспертизы [4, с. 110]. В нашем понимании, криминалистическое обеспечение строится в основном на тактических средствах воздействия суда на поведение сторон и других участников спора.

Момент назначения судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве определяется выявлением обстоятельств, которые не могут быть установлены судом самостоятельно, без привлечения специальных знаний. При этом, суд и стороны осознают, что требуется проведение исследования с использованием специализированного оборудования и различных подходящих методов изучения объекта-вещественного доказательства или документа.

Практика рассмотрения гражданских дел показывает, что момент назначения экспертизы взаимосвязан с определением стороны дела, которая берет на себя обеспечение расходов на проведение экспертизы. Подавая ходатайство о назначении экспертизы, сторона, помимо постановки вопросов, предлагает суду также экспертное учреждение, в котором предлагается назначить проведение исследования. Выбор экспертного учреждения осуществляется судом для обеспечения независимого и беспристрастного исследования, с обязательным предупреждением эксперта об уголовной ответственности за дачу им заведомо ложного заключения и разъяснения права отказаться от проведения экспертизы при отсутствии у него требуемого уровня компетенции или технических средств проведения исследования.

Суд, руководствуясь принципом состязательности в гражданском судопроизводстве, выясняет у противоположной стороны возражения, просит представить свои вопросы для включения в определение о назначении экспертизы. Также суд вправе самостоятельно дополнить перечень вопросов эксперту, если приходит к выводу о важности установления иных обстоятельств по делу, входящих в компетенцию судебного эксперта.

Организация и тактика передачи определения, материалов дела и объектов исследования проводится через

службу обеспечения деятельности суда. В экспертном учреждении проводится опись полученных документов и материалов, указывается номер гражданского дела. С точки зрения организационно-тактических основ, у суда и в судебно-экспертном учреждении должны остаться учетно-справочные документы о передаче материалов дела экспертному учреждению и приеме их в работу.

Если у эксперта появится необходимость использовать разрушающие методы экспертизы, которые могут изменить свойства или уничтожить признаки объекта, переданного судом на изучение, он обязан до начала применения этих методов оповестить суд в письменной форме, мотивировать свое мнение, и получить разрешение от суда в виде определения о разрешении применить разрушающие методы исследования. Тактически правильно, с точки зрения эксперта, во избежание затягивания времени экспертизы, обращаться за разрешением суда сразу после окончания подготовительной стадии экспертизы, когда он ознакомился с предметом предстоящей экспертизы и приступил к формированию методики предстоящего исследования.

Если для проведения экспертизы необходимо участие стороны спора для получения от нее образцов для сравнительного исследования, тогда эксперт вправе получить необходимые сведения или образцы, уведомив об этом суд и получив такое разрешение. Если обязанная предоставить образцы сторона неоднократно уклоняется от явки к эксперту или специалисту, что делает проведение исследования невозможным, об этом письменно уведомляется суд, и такое письменное доказательство оценивается судом наряду с другими доказательствами, исходя из мотивов противодействующей стороны гражданского спора.

Заключение судебного эксперта и все полученные материалы направляются судебно-экспертным учреждением в суд, назначивший экспертизу. Стороны знакомятся с заключением эксперта и могут ходатайствовать о вызове его в суд для допроса и разъяснения полученных выводов.

Оценка заключения эксперта проводится судом наряду со всеми иными доказательствами, собранными по гражданскому делу, при этом заключение перед началом процедуры оценки имеет равную с другими доказательствами юридическую силу. В своем решении по делу суд мотивирует свое отношение к заключению эксперта, указывает на достоверно установленные с его помощью обстоятельства гражданского дела и, тем самым, конкретизирует фактическую юридическую силу заключения в рамках системы оценивания доказательств по внутреннему убеждению.

Литература:

1. Яценко, О. А. Судебная экспертиза в гражданском процессе / О. А. Яценко., М. П. Злищева. — Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2023. — Т. 9. № 3. — С. 426–429.
2. Чернова, М. Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»: автореферат диссертации на соискание ученой

- степени кандидата юридических наук / Чернова М. Н.; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2016. – 30 с. – Текст: непосредственный.
3. Усцов, Д. К. К вопросу о процессуальной правосубъектности систем искусственного интеллекта в контексте назначения судебных экспертиз в гражданском процессе / Д. К. Усцов. – Текст: непосредственный // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. – 2023. – № 9. – С. 126–131.
 4. Жижина, М. В. Частная теория криминалистического обеспечения гражданского процесса / М. В. Жижина. – Текст: непосредственный // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 5. – С. 99–113.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности и его особенности

Федорова Валентина Андреевна, студент

Научный руководитель: Федорященко Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья направлена на исследование государственного регулирования предпринимательской деятельности и выявление его особенностей. В статье описываются методы регулирования, которые используются государством с целью воздействия на сферу предпринимательства. Автором статьи обращается внимание на принцип сочетания частных интересов предпринимателей и публичных интересов государства и общества как идейной основы государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: государственное регулирование, предпринимательская деятельность, методы регулирования, предпринимательство, контроль (надзор), лицензирование.

Предпринимательская сфера является одним из динамично развивающихся секторов российской экономики, а изменения общественных отношений требует еще раз взглянуть на проблему государственного регулирования предпринимательской деятельности на современном этапе развития.

В условиях демократического правового российского государства с рыночной экономикой предпринимательская деятельность выступает объектом правового регулирования. Ст. 34 Конституции Российской Федерации задает важный вектор развития предпринимательства — это свобода предпринимательской и иной экономической деятельности. Данная норма гарантирует каждому самостоятельно принимать решения о ведении предпринимательской деятельности, об использовании своих способностей и имущества в целях получения прибыли. Вместе с тем, данную свободу нельзя считать абсолютной или безграничной. Так или иначе, именно государству отводится ключевая роль в определении сочетания частных и публичных начал при регулировании предпринимательской деятельности.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что основу регулирования предпринимательских правоотношений в Российской Федерации составляет именно принцип баланса интересов предпринимателей и публичных интересов государства и общества [2, с. 30]. Предпринимательская деятельность осуществляется в государстве, которым и задаются основы ее функционирования,

предпринимательство существует неразрывно от государства и общества, и как следствие, содержание регулирования предпринимательской деятельности не может подчиняться только интересам предпринимателей, что является очевидным. Вместе с тем, гарантии свободы предпринимательской деятельности и экономического развития требуют акцентировать внимание на вопросах государственного регулирования предпринимательской деятельности, насколько гармонично сочетаются частные и публичные интересы в рассматриваемой сфере.

При регулировании предпринимательской деятельности государством используются правовые, административные, экономические методы.

Правовые нормы, регулирующие общественные отношения, исходят от государства, государство выступает главным субъектом, обеспечивающим функционирование системы права путем установления, изменения или прекращения правовых норм. Использование государством правовых методов регулирования позволяет государству стимулировать предпринимательство, обеспечивая «высокие темпы экономического роста и повышение уровня социально-экономического развития страны. Регулирование подразумевает влияние государства на действия экономических субъектов и состояние рынка, направленное на создание условий, способствующих эффективному функционированию рыночных механизмов, а также на решение экологических и социальных вопросов» [3, с.249].

Не заостряя внимание на регулятивной функции государства в предпринимательских отношениях, считаем необходимым подчеркнуть особенности государственного регулирования предпринимательской деятельности, которые могут проявляться как в демократизации отдельных элементов регулирования, так и ужесточении административного воздействия.

Так, например, на современном этапе инструментом стимулирования предпринимательской деятельности и снятия с отдельных субъектов излишнего административного давления следует назвать Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [4], который, во-первых, направлен на обеспечение унификации практики проведения публичного контроля в Российской Федерации, во-вторых, предписывает избирать риск-ориентированный подход, в соответствии с которым предметом контроля (надзора) должна выступать деятельность не каждого субъекта предпринимательства, а по категориям риска, к которым относится объект.

Важно отметить и налоговое регулирование предпринимательской деятельности, которое осуществляется в двух направлениях: первое — определение налогообложения предпринимателей и организаций и второе направление — контроль за правильностью исчисления и уплатой налогов.

В. В. Веревкиным и Л. Н. Дегтяревой обращается внимание на то, что на сегодняшний день является важным использование цифровых технологий, и цифровизацию сферы предпринимательства следует рассматривать в качестве одного из перспективных направлений развития государством. В частности, государство постепенно внедряет использование достижений цифровой революции в предпринимательской сфере, начиная с момента регистрации лиц в качестве субъектов предпринимательской деятельности и до момента прекращения такой деятельности [5, с. 191]. Свидетельством тому является Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [6], который позволяет при регистрации субъекта предпринимательской дея-

тельности направлять сведения для регистрации в форме электронного документа. В данном случае имеет место разрешительный метод регулирования, когда государство позволяет субъектам использовать наиболее удобный и оптимальный для них порядок регистрации в качестве экономического субъекта.

Если государству необходимо усилить внимание за ведением предпринимательской деятельности в целях охраны наиболее значимых публичных интересов, оно прибегает к использованию административных методов регулирования, устанавливая ограничения или запреты. В контексте характеристики данного метода уместно привести Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [7], выступающий важной правовой основой лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности. Лицензирование подразумевает под собой определение ответственности той или иной предпринимательской деятельности особым требованием, предусмотренным законом. В противном случае лицо не может быть допущено к осуществлению соответствующего вида лицензируемой деятельности. Лицензирование в сфере предпринимательства служит своеобразным фильтром в тех случаях, когда осуществление определенной деятельности может быть сопряжено с причинением ущерба особо охраняемым интересам, что и является в данном случае проявлением превальирования публичных интересов над частными.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственное регулирование предпринимательской деятельности — это важный механизм, обеспечивающий сочетание частных и публичных интересов, их баланс. Гарантируя экономическую свободу, с одной стороны, предоставляя возможности для свободного развития предпринимательству, государство, с другой стороны, применяет меры, направленные на защиту интересов общества и самого государства. Посредством использования методов регулирования предпринимательской деятельности государство способно оперативно реагировать в конкретно меняющихся условиях, послабляя режимы в отношении субъектов предпринимательской деятельности и ужесточая их в целях защиты публично-значимых интересов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Морозова, С. Ю. Предпринимательское право: учебник для вузов / С. Ю. Морозова. — 3-е изд. — Москва: Юрайт, 2025. — 592 с.
3. Кучеренко О. И., Бережной Д. Ю. Функции и принципы государственного регулирования предпринимательской деятельности // В сборнике: Трансформация учетно-контрольной и аналитической системы в условиях цифровизации экономики. Материалы национальной научно-практической конференции. Воронеж, 2025. С. 248–252.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

5. Веревкин В. В., Дегтярева Л. Н. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в России: поиск баланса между контролем и свободой экономической инициативы // В сборнике: V научно-педагогические чтения молодых ученых имени профессора С. В. Познышева. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции курсантов и студентов. Воронеж, 2025. С. 189–192.
6. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716

Кредитные карты как вид кредитного договора

Филиппова Виктория Викторовна, студент;

Погребная Евангелина Олеговна, студент

Научный руководитель: Мичурина Елена Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В современном мире кредитные карты стали неотъемлемым инструментом платежа для многих людей. Они предоставляют удобство, гибкость и возможность совершать покупки, даже когда собственных наличных средств недостаточно. Однако за внешней простотой и доступностью скрывается сложная юридическая природа, включающая в себя совокупность прав, обязанностей и потенциальных рисков для пользователей. В данной статье проводится анализ кредитной карты как формы выражения кредитного договора, правовой природы отношений по пользованию кредитными картами.

Ключевые слова: кредитная карта, кредитный договор, банк, кредит, деньги, пластик, кредитная линия, заёмщик, кредитор, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон, дебетовая карта, кредитный лимит, отчётный период, льготный период, минимальный платёж, арбитраж процентных ставок, кешбэк, кредитная история.

Согласно законодательству Российской Федерации, кредитная карта представляет собой электронное средство платежа, предназначенное для совершения операций за счёт денежных средств, предоставленных кредитной организацией-эмитентом клиенту в пределах установленного кредитного лимита на условиях кредитного договора [6]. Кредитные карты прочно вошли в повседневную жизнь современного человека, став одним из наиболее востребованных инструментов платежа и доступа к заёмным средствам. Их популярность объясняется целым рядом преимуществ: удобством безналичных расчётов, возможностью совершать покупки в рассрочку, финансовой подушкой безопасности для непредвиденных расходов, а также наличием льготного периода, позволяющего пользоваться деньгами банка без уплаты процентов.

Рынок кредитных карт в России демонстрирует устойчивый рост. По данным Центрального банка Российской Федерации, на начало 2024 года объём портфеля кредитных карт российских банков превысил показатели прошлых лет, достигнув триллионов рублей [7]. Число активных кредитных карт и объём операций по ним также постоянно увеличиваются, что свидетельствует о высокой степени их проникновения в финансовую систему страны и активном использовании населением. Они активно используются как для повседневных покупок, так и для крупных приобретений.

Несмотря на широкое распространение и кажущуюся простоту использования, кредитная карта по своей правовой природе является лишь материальным носителем

(инструментом) доступа к денежным средствам, предоставленным в рамках кредитного договора. То есть, наличие кредитной карты всегда предполагает существование между банком и клиентом полноценных договорных отношений.

Правовой основой таких отношений является кредитный договор, заключаемый в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), в частности статьями 819–821 ГК РФ [1], а также **Федеральным законом от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»** [2].

Часто пользователи кредитных карт не подписывают традиционный «многостраничный» кредитный договор в бумажном виде. Однако это не означает его отсутствия. Вместо этого договорные отношения формируются на основе принципа оферты и акцепта:

— **Оферта** представляет собой совокупность документов, включающих условия выпуска и обслуживания кредитных карт, тарифы и общие условия предоставления потребительского кредита. Эти документы доступны для ознакомления на сайте банка или в его отделениях.

— **Акцепт** выражается в действиях заёмщика, направленных на принятие условий оферты. Это может быть заполнение заявления на выдачу кредитной карты, подписание анкеты, активация карты, совершение первой операции или использование кредитных средств. В соответствии со статьёй 438 ГК РФ, такие действия считаются акцептом, если иное не предусмотрено законом или офертой [1].

Заключение кредитного договора, даже если его форма выражения для пользователя кажется нетрадиционной, влечёт за собой возникновение полноценного комплекса прав и обязанностей как для банка, так и для держателя карты, а также влечёт ответственность за их нарушение. Зачастую пользователь кредитной карты, не вникая в полные условия договора, не подозревает об этом объёме обязательств.

Права и обязанности сторон:

Права заемщика:

- А) Право использовать кредитный лимит в пределах, установленных кредитным договором.
- В) Право на получение выписки по счёту.
- С) Право на оспаривание несанкционированных операций.
- Д) Право на получение льготного (беспроцентного) периода, если он предусмотрен договором.

Обязанности заёмщика:

- А) Своевременное и полное погашение задолженности, включая основной долг, проценты и комиссии.
- В) Соблюдение условий кредитного договора, в том числе недопущение передачи карты третьим лицам.
- С) Немедленное уведомление банка о потере, краже карты или её несанкционированном использовании.
- Д) Предоставление банку достоверной информации о своём финансовом состоянии.

Права банка:

- А) Взимание процентов за пользование кредитом, а также комиссий, предусмотренных тарифами.
- В) Изменение кредитного лимита в пределах, установленных договором.
- С) Блокировка карты в случае нарушения условий договора или подозрения в несанкционированных операциях.
- Д) Требование досрочного погашения задолженности в случае существенного нарушения условий договора.

Обязанности банка:

- А) Предоставление кредитных средств в соответствии с условиями кредитного договора.
- В) Обеспечение конфиденциальности информации о клиенте.
- С) Выдача выписок по счёту.
- Д) Информирование заёмщика о его правах и обязанностях, а также о рисках, связанных с использованием кредитной карты [1].

Многие граждане, полагая, что «настоящего» договора не было, не до конца осознают юридические последствия своих действий. Нарушение условий кредитного договора влечёт:

- 1. Штрафы и пени:** За просрочку платежа заёмщик может быть привлечён к ответственности в виде штрафов и пеней, которые могут значительно увеличить сумму задолженности.
- 2. Испорченная кредитная история:** Любые нарушения условий кредитного договора фиксируются в бюро кредитных историй (БКИ), что может затруднить получение других кредитов или ипотеки в будущем.

3. Судебное преследование: В случае длительной и значительной задолженности банк имеет право обратиться в суд для её взыскания, что может привести к наложению ареста на имущество или счета заёмщика.

4. Взыскание через коллекторские агентства: Банк может передать или продать право требования долга коллекторским агентствам.

Помимо общих рисков кредитования, кредитные карты имеют свои специфические характеристики:

1. Отображение всего кредитного лимита в кредитной истории: Даже если заёмщик использовал лишь небольшую часть кредитного лимита, информация о полном объёме лимита будет отражена в его кредитной истории. Это может снизить коэффициент долговой нагрузки и затруднить получение крупных кредитов, таких как ипотека или автокредит.

2. Повышенные процентные ставки: Кредитные карты, как правило, имеют более высокие процентные ставки по сравнению с классическими потребительскими кредитами. Это связано с повышенными рисками для банка, так как кредит обычно является беззалоговым.

3. Особый механизм начисления процентов: Льготный (беспроцентный) период действует только на безналичные покупки и прекращается при несвоевременном погашении задолженности.

Теоретические аспекты функционирования кредитных карт включают в себя ряд ключевых принципов и характеристик:

1. Кредитный лимит: Максимальная сумма, доступная для использования держателем карты, определяется на основе анализа финансового состояния заёмщика, его кредитной истории и других факторов.

2. Отчётный период: Это время, за которое банк подводит итоги операций по карте. В конце отчётного периода формируется выписка, где указано, сколько потрачено, какую минимальную сумму нужно внести и до какой даты следует погасить долг, чтобы избежать процентов.

3. Льготный период: Период, в течение которого заёмщик может погасить задолженность без начисления процентов, обычно составляющий от 50 до 100 дней в зависимости от условий банка.

4. Минимальный платёж: Обязательная сумма, которую необходимо внести до определённой даты, обычно составляющая от 3 % до 10 % от задолженности. Несоблюдение данного условия может привести к выходу из льготного периода и начислению процентов [3].

Практические аспекты использования кредитных карт включают различные стратегии, направленные на оптимизацию финансовых потоков и максимизацию выгод:

1) Арбитраж процентных ставок: Стратегия, основанная на разнице между нулевой или низкой процентной ставкой в льготный период и доходностью депозитных продуктов или накопительных счетов.

2) Многоуровневая оптимизация кешбэка: Современные программы лояльности позволяют комбинировать несколько уровней вознаграждений: базовый кешбэк

банка-эмитента, партнёрские акции в выбранных категориях, бонусы платёжной системы «Мир» и другие.

3) Использование кредитной карты для улучшения кредитной истории: Грамотное использование кредитной карты — регулярные траты и своевременные выплаты — положительно влияет на кредитный рейтинг, повышая шанс на одобрение ипотеки, автокредита и других займов.

На сегодняшний день процесс получения кредитной карты стал значительно упрощённым, предлагая как офлайн, так и онлайн-форматы оформления. Однако данная доступность часто приводит к навязыванию кредитных продуктов, что вызывает обеспокоенность среди потребителей.

Существует несколько тенденций, способствующих навязыванию кредитных карт:

а) Агрессивный маркетинг: Использование различных каналов продвижения, включая интернет-рекламу, телевизионные ролики, email-рассылки, SMS-сообщения и телефонные звонки.

б) Партнерские программы: Банки сотрудничают с торговыми сетями, предлагая оформить кредитную карту прямо на кассе, обещая скидки и бонусы.

в) Предложения «специально для вас»: Банки, обладающие информацией о клиентах, рассылают индивидуальные предложения с якобы выгодными условиями.

г) Иллюзия простоты и доступности: Кредитные карты позиционируются как лёгкий способ решения финансовых проблем и достижения желаемого, зачастую умалчивая о рисках и переплатах.

е) Социальное давление: Рекламные кампании, позиционирующие использование кредитных карт как атрибут успешного и современного человека.

Разные возрастные группы подвержены различным методам навязывания кредитных карт, которые учитывают их финансовые привычки и потребности:

1. Молодёжь (18–25 лет): Отсутствие значительного опыта управления финансами, стремление к независи-

мости и покупкам, подверженность рекламному воздействию. Методы навязывания включают акцент на «лёгких деньгах», партнерские программы с молодёжными брендами и программы лояльности, ориентированные на развлечение.

2. Люди среднего возраста (26–45 лет): Сформировавшиеся финансовые привычки, наличие семьи и детей, потребность в крупных покупках. Методы навязывания включают предложения с повышенным кредитным лимитом, кредитные карты с льготным периодом на крупные покупки и программы лояльности, ориентированные на семейные нужды.

3. Люди старшего возраста (46+ лет): Наличие сбережений, но ограниченность дохода, потребность в медицинских услугах и помощи родственникам. Методы навязывания включают акцент на «безопасности и удобстве», предложения с льготным периодом на оплату медицинских услуг и программы лояльности, ориентированные на путешествия.

Для защиты от навязывания кредитных карт необходимо повышать финансовую грамотность, отказываться от участия в рекламных программах, тщательно оценивать свои финансовые возможности и избегать импульсивных решений. Также целесообразно обращаться за консультациями к финансовым экспертам и, в случае выявления недобросовестной рекламы, обращаться в антимонопольные органы и Роспотребнадзор.

Навязывание кредитных карт представляет собой серьёзную проблему, требующую внимания со стороны государства и общественных организаций. Повышение финансовой грамотности населения и защита прав потребителей на рынке финансовых услуг являются ключевыми аспектами в решении данной проблемы. Только осознанный и обдуманный подход к использованию кредитных карт позволит превратить их в полезный инструмент управления личными финансами, минимизируя риски и потенциальные негативные последствия.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)».
3. Вилисова М. Л.; Тишакова В. И. Теоретические аспекты системы безналичных расчётов на основе банковских карт.
4. Староверова О. В.; Крупенко Р. А. Принципы работы и выгода от выпуска и использования кредитных карт.
5. Симонянц Н. Н.; Стрельцова Т. В.; Балоян С. С.; Хастян А. М. Кредитные карты как средство оптимизации платёжного оборота населения.
6. Положение Банка России от 24.12.2004 № 266-П (ред. от 28.09.2020) «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием».
7. Статистика национальной платёжной системы. — Текст: электронный // Банк России: [сайт]. — URL: <https://cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения: 29.11.2025).

Правовая природа земельного участка и система государственного регулирования земельноимущественных отношений в Российской Федерации

Шабанова Татьяна Владимировна, студент

Научный руководитель: Шумаев Дмитрий Геннадиевич, старший преподаватель
Донецкий государственный университет

В статье проводится анализ правовой природы земельного участка как объекта земельно-имущественных отношений в Российской Федерации и особенностям государственного регулирования этих отношений. В работе рассматриваются принципы земельного законодательства, система нормативно-правовых актов, методы регулирования земельных отношений и причины их правового оформления. Анализируется роль государственных органов, организаций и граждан в сфере владения, пользования и распоряжения землёй. Особое внимание уделяется императивным и диспозитивным методам правового воздействия, отражающим уникальность земли как природного ресурса. Доклад направлен на разъяснение законодательной базы и практических аспектов регулирования земельно-имущественных отношений в РФ.

Ключевые слова: земля, земельный участок, государственный кадастровый учет, градостроительный план, землеустройство, категории земель, государственное регулирование.

Земельные отношения представляют собой связи, связанные с применением и защитой земель на территории России как фундаментальной основы существования и функционирования населения в данном регионе [1, 3].

В соответствии со ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), среди объектов земельных связей выделяются три категории: 1) земля в качестве элемента природы и полезного ресурса; 2) земельные участки; 3) фрагменты земельных участков [3, ст.6, п.1].

В качестве объекта общественных отношений в ЗК РФ выступает — земля, поэтому кодекс определяет системный подход к понятию о земле и определяет землю как природный объект — объект охраны; недвижимое имущество — объект гражданских прав; природный ресурс — средство производства и основа хозяйственной деятельности.

Земля, выступая в роли природного элемента (компонента окружающей среды, экосистем и базиса человеческой жизнедеятельности) и одновременно как ресурс, регулируется земельным законодательством с акцентом на ее сохранение и рациональное применение (извлечение полезных качеств) для покрытия различных нужд общества. Как указано в п. 2 ст. 12 ЗК РФ, земля в любой форме (будь то вся земля, отдельный участок или его фрагмент) должна охраняться от истощения, эрозии, загрязнения, нарушения баланса и других негативных последствий, возникающих в ходе экономической активности.

Земельные участки появляются в результате разграничения, консолидации, перераспределения существующих участков или их выделения, а также из государственных или муниципальных земельных фондов [3, ст.11.2].

В академических работах неоднократно отмечается, что термин «земельный участок» в правовом контексте занимает центральное место в земельном праве, поскольку служит основой для норм, управляющих земельными взаимодействиями [2].

Хотя земля и земельные участки связаны диалектически, они выступают как разные субъекты правоотно-

шений. Земля как природный компонент становится объектом экологических связей; в роли ресурса — она участвует в земельно-административных процессах (например, при определении или изменении категорий земель). Лишь земельный участок, как конкретно очерченное на местности недвижимое имущество, может входить в гражданско-правовые отношения и переходить в частную, муниципальную или государственную собственность.

Фрагмент земельного участка также может квалифицироваться как объект земельных отношений (п. 1 ст. 6 ЗК РФ). По законодательству, если такая часть обретает независимый статус, она способна стать самостоятельным земельным участком и объектом гражданского оборота наравне с целым. При этом фрагмент может участвовать в земельных процессах, если его площадь достаточна для использования по назначению, без необходимости смены категории земель [3].

Чтобы земельный участок мог фигурировать в гражданско-правовых сделках, он должен быть материально воплощен. Земельное законодательство определяет механизм его создания. В частности, по ст. 11.2 ЗК РФ, участок формируется через разделение, объединение, перераспределение или выделение из другого участка, а также из государственных или муниципальных земель [3].

Земельные участки, сформированные в соответствии с земельными нормами, признаются недвижимым имуществом, объектами гражданских прав и подлежат сделкам вроде купли-продажи или аренды (см. ст. 128–130, 133, 260 ГК РФ), при условии соответствия требованиям гражданского и земельного права [4].

Из анализа норм следует, что земельный участок может участвовать в гражданско-правовых и земельных отношениях только при условии, если его границы четко описаны и официально подтверждены в установленной процедуре. Это правило распространяется и на возможность установления права собственности, аренды или иных прав на землю.

Фиксация реальных границ земельного участка происходит в рамках землеустройства, которое охватывает изучение его состояния, планирование оптимального использования и защиты, создание новых землеустроительных элементов и их размежевание на местности (включая территориальное землеустройство).

Регулирование землеустроительных процессов осуществляется Федеральным законом от 18.06.2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве», а также ст. 68 и 69 ЗК РФ, другими федеральными законами, нормативными актами РФ (включая министерские), плюс региональными законами и актами субъектов Федерации [5].

Для превращения земельного участка в объект не только земельных, но и гражданско-правовых отношений, включая субъективные права вроде аренды, требуется прохождение государственного кадастрового учета по нормам ст. 70 ЗК РФ. Если землеустройство приводит к разделению участка на несколько частей, каждая из них трактуется как независимый земельный участок — объект взаимодействия земельного и гражданского права, подлежащий кадастровому регистрации по установленным правилам.

Согласно ст. 57.3 Градостроительного кодекса РФ, данные о возможности раздела земельного участка на несколько могут быть отражены в градостроительном плане. Этот план предоставляется для информирования участников градостроительства о ключевых аспектах, необходимых для проектирования, строительства или реконструкции капитальных объектов в пределах участка [6].

Важно подчеркнуть, что в гражданском праве понятия «земля» и «земельный участок» не идентичны. «Земля» в текущем российском законодательстве, в отличие от «земельного участка», лишена индивидуализирующих черт.

В итоге, в российском земельном праве определение земельного участка сформулировано достаточно узко, игнорируя его органическую связь с другими природными элементами на участке.

Более емкое определение ранее было дано в Федеральном законе от 2 января 2000 года № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре»: земельный участок — это часть поверхности земли, границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке уполномоченным государственным органом, а также все, что находится над и под поверхностью земельного участка, если иное не предусмотрено федеральными законами о недрах, о воздушном пространстве и иными федеральными законами (статья 1). Но такой подход позднее отвергнут законодателем. Данный Федеральный закон утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 24 июля 2007 года № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», а ныне — «О кадастровой деятельности», где определение земельного участка отсутствует.

Земельные участки как 4рия недвижимого имущества выступают объектом земельных отношений, а земельные отношения, возникающие в связи с охраной и использованием полезных свойств земли, являются имущественными

отношениями, а значит, во многом они будут родственными гражданско-имущественным отношениям. Следовательно, при регулировании земельно-имущественных отношений применение гражданско-правовых норм допускается с учетом особенностей экологического, земельного и природоресурсного законодательства. В свою очередь, применение при регулировании земельных отношений административно-правовых норм ограничивает сферу государственного контроля и надзора (в том числе и государственного управления) в исследуемой области.

Вместе с этим следует отметить, что в содержании Земельного кодекса РФ от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (далее — ЗК РФ) и других документов федерального уровня не обозначены конструкция и описание непосредственно земельного фонда и, соответственно, не прописаны отношения, связанные с его формированием и регламентацией. Все это свидетельствует о необходимости продолжения земельной реформы и отсутствии общей системы управления земельными участками всех категорий как исходных элементов земельного фонда, что можно обозначить третьей проблемой правового регулирования перевода земель в земли населенных пунктов, а также земель лесного фонда и земель сельскохозяйственного назначения в другие категории земель.

Следовательно, в настоящее время по трем основным направлениям формируется и развивается содержание системы государственного регулирования земельно-имущественных отношений:

- 1) регулирование порядка использования частей земельных участков;
- 2) регулирование сохранности и использования земли как природного ресурса;
- 3) регламентирование оборота земельных участков [7].

Обусловленная взаимосвязь земельного права с гражданской и административной правовыми системами вызвана сходством предмета и целевой направленностью правового регулирования этих отраслей права. В данной связи Ю. Г. Жариков подчеркивает [8]:

- 1) предмет гражданского права в виде имущественных и личных неимущественных отношений;
- 2) предмет административного права в виде отношений по управлению, включая градостроительные отношения;
- 3) предмет земельного права в виде земельных отношений, представляющих собой комплекс имущественно-управленческих отношений, связанных с земельными участками.

Проведенный анализ показывает, что в российском праве земля и земельный участок рассматриваются как различные, хотя и взаимосвязанные объекты: земля — прежде всего как природный ресурс и объект охраны, земельный участок — как индивидуализированное недвижимое имущество и объект гражданского оборота. При этом действующее земельное законодательство довольно узко формулирует понятие земельного участка, фактически игнорируя его связь с иными природными элемен-

тами на этой территории, что усиливает разрыв между экологическим и гражданско-правовым подходами.

Содержание земельноимущественных отношений в современной России формируется по трём ключевым направлениям: регулирование использования частей земельных участков, обеспечение сохранности и рационального использования земли как природного ресурса, а также правовое регулирование оборота земельных участков. Взаимосвязь земельного, гражданского и адми-

нистративного права обусловлена общностью предмета и целей регулирования — сочетанием имущественных и управленческих начал. Вместе с тем отсутствие в Земельном кодексе и актах федерального уровня чётко выстроенной конструкции земельного фонда и механизмов управления им свидетельствует о незавершённости земельной реформы и необходимости дальнейшего развития единой системы государственного регулирования земельных участков всех категорий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.04.2014. ч. 1 ст. 9
2. Крассов О. И. Земельный участок — основа понятийного аппарата земельного права // Экологическое право. 2011. № 4. С. 4.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024).
5. Федеральный закон «О землеустройстве» от 18.06.2001 N 78-ФЗ (ред. от 18.06.2021).
6. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025). ЭКСМО, 2025. 192 с.
7. Романова Г. В. Общая характеристика прав пользователей земельными участками // Юрист. 2006. № 7. 28 с.
8. Земельный участок: вопросы и ответы / Е. Галиновская [и др.]. М.: Юстицинформ, 2015. 300 с.

Исторические аспекты развития института административной ответственности за экологические правонарушения

Шалаева Ольга Евгеньевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится историко-правовой анализ эволюции института административной ответственности за экологические правонарушения в России. Исследование охватывает период от древнерусского законодательства («Русская правда») до современного кодифицированного регулирования (КоАП РФ). Выявлены ключевые этапы становления экологического права: формирование первых природоохранных запретов в средневековый период, институционализация государственного управления природопользованием при Петре I, систематизация административной ответственности в Уставе о наказаниях (1864 г.) и дальнейшее развитие в советский и современный периоды. Особое внимание уделено процессу дифференциации административной ответственности от уголовной, а также анализу специфики санкций и составов правонарушений на разных исторических этапах. Доказано, что, несмотря на позднее оформление экологического права в самостоятельную отрасль, элементы административно-правовой охраны окружающей среды формировались в российском законодательстве на протяжении столетий, демонстрируя преемственность правовых традиций.

Ключевые слова: историко-правовой анализ, административная ответственность, экологические правонарушения, эволюция экологического права, природоохранное законодательство, исторические правовые акты, охрана окружающей среды.

В условиях стремительного технологического развития и роста влияния человеческой деятельности на природу вопросы экологии приобретают особую значимость. Современная цивилизация сталкивается с целым комплексом взаимосвязанных проблем: сокращением запасов природных богатств, ухудшением экологической

обстановки, разрушением традиционных связей человека с природой, негативными последствиями для здоровья населения, а также усилением конкуренции за доступ к ресурсам и территориям.

Для поиска оптимальных путей решения этих сложных задач крайне важно учитывать исторический опыт приро-

доохранной деятельности в России. Изучение эволюции административной ответственности в экологической сфере, анализ исторических материалов и нормативных актов дает возможность критически осмыслить накопленный опыт, выявить как успешные, так и ошибочные подходы к регулированию экологических вопросов. Такой историко-правовой анализ позволяет избежать повторения прошлых ошибок и использовать проверенные временем эффективные механизмы охраны окружающей среды.

История формирования института административной ответственности в области охраны окружающей среды неразрывно связана с развитием экологического законодательства.

Формирование экологического права как самостоятельной отрасли юридической науки произошло относительно недавно в исторической перспективе. В античных правовых системах, средневековом законодательстве и даже в более поздние периоды человеческой истории отсутствовали специализированные нормы экологической направленности. Возникновение данного правового института стало следствием осознания человечеством необходимости правового регулирования антропогенного воздействия на природную среду. Это осознание выразилось в создании системы нормативных требований и ограничений, направленных на минимизацию негативных последствий хозяйственной деятельности и сохранение благоприятной окружающей среды как для современного поколения, так и для потомков. [1]

Многие ученые отмечают, что первоначальный этап формирования экологического законодательства был связан с введением властями первых санкций против лиц, причинявших ущерб природной среде. Однако в ранний период развития российской государственности защита природных богатств осуществлялась преимущественно в контексте охраны имущественных прав, экономических интересов казны, оборонных потребностей страны, фискальных (налоговых) интересов государства.

Анализ историко-правовых источников свидетельствует, что административная ответственность сформировалась как автономная правовая категория (наравне с уголовной) уже на ранних этапах развития российской государственности.

В древнейшем правовом сборнике Киевской Руси «Русской правде», датированной 1016 годом, уже предусматривалась охрана природных ресурсов. Устанавливался штраф за рубку межевых и бортовых деревьев, за уничтожение и повреждение борт (дупла, наполненного медом), за покражу бобров и др. Однако, в данном издании еще не усматривалось признаков существования отделенной от уголовной специальной публично-правовой ответственности членов тогдашнего общества. Все предусмотренные указанным законодательным актом правонарушения и установленные за их совершение наказания, в том числе штрафного характера, имели уголовно-правовую природу. [2]

В русском законодательстве средних веков издавались нормативные правовые акты, предусматривавшие за нарушение ряда правил, в том числе в сфере охраны природных ресурсов, наряду с уголовными наказаниями физического характера, также публично-правовые имущественные взыскания (штрафы, пени) в пользу государя. Предусматривался довольно широкий набор санкций за нарушение правил, касающихся природных объектов: штраф, битье батогами, отсечение левой кисти рук и т. д. При наказании принимался во внимание факт повторения нарушения, например, за лов рыбы в чужом пруду пойманный с поличным подвергался в первый раз битью палками, во второй раз — кнутом, а в третий раз — отрезанию уха. Широко применялась смертная казнь (за порубку деревьев в заповедном засечном лесу, лов мелкой сельди и др.) [3]. Историко-правовой анализ свидетельствует, что характер отдельных санкций существенно отличался от традиционных уголовных наказаний, применявшихся в тот период. Как справедливо отмечает П. И. Кононов, это дает основания рассматривать определенные виды взысканий как прообраз административно-штрафных мер. Однако важно учитывать, что правовые акты того времени отличались смешением норм различных отраслей права при отсутствии четкой систематизации.

В период правления Петра I началось формирование в качестве самостоятельных отраслей законодательства о государственном строе и административного законодательства. Возникновение системы публичного законодательства создало предпосылку для установления специальных мер публично-правовой ответственности за нарушение его положений, отличных от традиционно применявшихся в Русском государстве мер уголовной ответственности. Такой мерой ответственности стал штраф, взыскиваемый в пользу государства и применяемый во внесудебном — административном порядке [2].

В период правления Петра I произошла институционализация государственного управления природопользованием. Особое внимание уделялось регулированию лесного хозяйства, для чего была создана специализированная служба контроля. В сфере охотничьего и рыболовного хозяйства внедрялись принципы рационального природопользования. В частности, вводились меры юридической ответственности, включая систему штрафных санкций за незаконный отстрел лосей и иных ценных видов животных, нарушения установленных правил содержания городских и сельских поселений. Данные преобразования свидетельствуют о формировании в петровскую эпоху элементов будущей системы экологического законодательства [1].

В эпоху Екатерины Великой был принят первый систематизированный нормативный акт административного характера — Устав благочиния (Полицейский устав), введенный в действие 8 апреля 1782 года. Этот законодательный документ ввёл, помимо уголовного преследования за преступления, особую форму ответственности за

правонарушения, которая применялась полицией в упрощённом (внесудебном) порядке. Касалась она преимущественно нарушений общественного порядка, городского благоустройства и включала следующие санкции — денежные взыскания (пени), арест, помещение в исправительные учреждения (смирительные и рабочие дома). По своей юридической природе данная полицейская ответственность соответствовала современному пониманию административной ответственности, так как осуществлялась уполномоченными органами (полицией) и применялась за менее опасные правонарушения (проступки) и имела внесудебный характер реализации.

Как отмечает П. И. Кононов разграничение преступлений и проступков и соответствующих им мер уголовной и административной ответственности прослеживается также и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года. Особого внимания заслуживает тот факт, что данный нормативный акт содержал специальные положения, направленные на охрану ключевых компонентов природной среды — диких животных, рыб, птиц, атмосферного воздуха, водных ресурсов, растительности, лесов и земельных угодий.

В Уложении были детально прописаны конкретные составы экологических правонарушений. Так, статья 1053 предусматривала ответственность за загрязнение воздуха и воды промышленными предприятиями, обязывая их владельцев не только выплачивать значительный штраф в размере 100 рублей, но и прекращать вредоносную производственную деятельность. Статья 1057 регламентировала наказание за ухудшение качества питьевой воды при обработке льна или конопли, что свидетельствует о внимании законодателя к вопросам санитарно-экологического благополучия населения.

Примечательной особенностью Уложения 1845 года являлась дифференцированная система наказаний, учитывающая как степень тяжести экологического правонарушения, так и сословную принадлежность нарушителя. Такой подход демонстрирует формирование в середине XIX века элементов современной системы экологического права, где учитывается характер и масштаб причиненного природе вреда. Таким образом, Уложение заложило важные правовые основы для последующего развития института административной ответственности за экологические правонарушения в России.

В ходе судебной реформы 1864 года в России был принят значимый нормативный акт — Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Этот документ, представляющий собой исторический прообраз современных кодексов об административных правонарушениях, включал в себя два ключевых компонента — процессуальные нормы, регулирующие отдельные аспекты процедуры привлечения к ответственности и материально-правовые положения, содержащие 150 составов проступков. Все предусмотренные Уставом правонарушения были систематизированы по 12 категориям в зависимости от объекта противоправного посяательства. Такая струк-

тура свидетельствует о стремлении законодателя к созданию упорядоченной системы административной ответственности.

Указанный нормативный акт занял особое место в процессе становления российского административного права, выполнив роль связующего звена между ранними формами правового регулирования (в частности, Уложением 1845 года) и современной системой административной ответственности. Его историческое значение заключается прежде всего в том, что он заложил концептуальные и нормативные основы для последующей кодификации законодательства об административных правонарушениях [4].

Согласно данному Уставу, все противоправные действия, за которые устанавливалась ответственность, назывались проступками. Большинство из них не представляли значительной угрозы для общества и не могли считаться преступлениями. В качестве мер наказания за такие нарушения применялись выговоры, замечания, предупреждения или небольшие штрафы. Так, в главе 4 Устава «О проступках против общественного благоустройства» статья 52 предусматривала наказание за загрязнение рек, каналов, родников или колодцев путем бросания в них камней, песка и других веществ, не ухудшающих качество воды, а также за несоблюдение обязанностей по очистке и поддержанию колодцев в надлежащем состоянии. Виновные лица подвергались денежному взысканию в размере не более 10 рублей. Хотя наказания за проступки определялись мировыми судьями, а не полицейскими чиновниками, есть веские основания считать, что такая ответственность по своей юридической природе была административной, а не уголовной.

В поздний имперский период (конец XIX — начало XX века) в Российской империи активно разрабатывалось экологическое законодательство, включающее акты о защите лесов (1883–1913), недр (1864–1893), земель (1893) и охотничьих ресурсов (1892). К 1917 году оформились основные институты отечественного природоохранного права, а также его нормативная база. Параллельно наблюдался процесс постепенной кодификации законодательства в сфере охраны окружающей среды.

В досоветской правовой традиции России уже прослеживалось становление самостоятельного вида публично-правовой ответственности, соответствующей современной административной ответственности. Несмотря на отсутствие четкого законодательного разграничения между уголовной и административной ответственностью, последняя объективно существовала, что проявлялось в следующих характерных признаках — субъектами применения выступали административные (несудебные) органы; основанием привлечения служили не уголовные преступления, а административные проступки; меры воздействия носили преимущественно штрафной характер, отличаясь от уголовных наказаний.

С установлением советской системы государственного управления институт административной ответствен-

ности приобретает автономное нормативно-правовое регулирование, окончательно институционализировавшись как самостоятельная правовая категория, отличная от уголовной ответственности.

Массив кодификационного природоресурсного законодательства сложился в основном в период с 1970 по 1982 гг. Он включал такие акты, как Земельный кодекс РСФСР (1970 г.), Водный кодекс РСФСР (1972 г.), Кодекс РСФСР о недрах (1976 г.), Лесной кодекс РСФСР (1978 г.), Закон РСФСР об охране атмосферного воздуха (1982 г.), Закон РСФСР об охране и использовании животного мира (1982 г.). Эти Законы были приняты в соответствии с Основами земельного, водного, лесного и горного законодательства Союза ССР и союзных республик, Законами СССР об охране атмосферного воздуха и об охране и использовании животного мира [3].

Таким образом, данный этап характеризовался созданием комплексной правовой базы, заложившей основы современного природоресурсного законодательства. При этом развитие административной ответственности за экологические правонарушения, рассмотренное ранее, происходило параллельно с этой кодификационной работой, формируя целостный механизм правового регулирования экологических отношений.

Принятие КоАП РСФСР имело принципиальное значение для правовой системы. Во-первых, он окончательно институционализировал административную ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности. Во-вторых, осуществил комплексную кодификацию разрозненных ранее норм. В-третьих, заложил системные основы административно-деликтного законодательства как особой отрасли.

Современный этап развития правовой системы Российской Федерации характеризуется последовательным совершенствованием института административной ответственности, особенно в сфере экологического права.

Этот процесс нашел отражение в принятии ряда основополагающих нормативно-правовых актов, включая:

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (2002 г.), Земельный кодекс РФ (2001 г.), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (2002 г.), Лесной кодекс РФ (2006 г.) и Водный кодекс РФ (2006 г.).

Особое значение в системе административно-деликтного законодательства занимает действующий КоАП РФ, который на протяжении более чем двадцати лет эффективно регулирует вопросы привлечения к административной ответственности. Глава 8 кодекса «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» содержит систематизированный перечень составов правонарушений и соответствующих санкций, направленных на защиту экологического правопорядка и обеспечение рационального использования природных ресурсов.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет констатировать, что институт административной ответственности за экологические правонарушения в России прошел длительный путь эволюционного развития, насчитывающий несколько веков. Генезис данного правового института осуществлялся в тесной взаимосвязи с развитием всей системы российского законодательства, демонстрируя характерную для отечественной правовой традиции диалектику взаимодействия административных и уголовно-правовых средств охраны окружающей среды.

Важно отметить, что процесс институционализации административной ответственности за экологические правонарушения изначально развивался в рамках единого массива деликтного права, где не проводилось четкого разграничения между уголовными преступлениями и административными правонарушениями экологического характера. Однако к началу XX века в результате системной трансформации правовой системы произошло окончательное выделение административной ответственности в самостоятельный правовой институт, что нашло свое нормативное закрепление в первых кодифицированных актах советского периода.

Литература:

1. Саркисов, О. Р. Экологическое право: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / О. Р. Саркисов, Е. Л. Любарский. — Казань: Центр инновационных технологий, 2014. — 345 с. — Текст: непосредственный.
2. Кононов, П. И. Административная ответственность: учебное пособие / П. И. Кононов. — Москва: Проспект, 2024. — 208 с. — Текст: непосредственный.
3. Бринчук, М. М. Экологическое право / М. М. Бринчук. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/brinchuk_mm_ekologicheskoe_pravo/ (дата обращения: 12.10.2025).
4. Авдеенкова, М. П. Особенности развития административно-правовой ответственности в российском праве / М. П. Авдеенкова. — Текст: непосредственный // Современное право. — 2008. — № 3. — С. 69–76.

Тактико-процессуальные аспекты использования защитником технических средств фиксации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Шеина Мария Вячеславовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье изучаются тактико-процессуальные аспекты использования технических средств фиксации, к которым может обращаться защитник при участии в досудебных стадиях уголовного производства. Анализируются правовые основы, особенности и ограничения применения таких средств, а также их значение для обеспечения законности, эффективности защиты и соблюдении прав участников процесса.

Ключевые слова: тактико-процессуальные аспекты, технические средства фиксации, досудебное судопроизводство, уголовно-процессуальная деятельность, защитник, законность.

Применение технических средств фиксации защитником на досудебных стадиях уголовного судопроизводства представляется актуальным вопросом, представленным в современной науке уголовно-процессуального права. Так, необходимость его рассмотрения обусловлена усиливающейся тенденцией внедрения современных технологий в досудебную деятельность (она служит проявлением происходящего процесса цифровизации, затрагивающего, в том числе национальную правовую систему) и необходимостью установления и поддержания баланса интересов расследования и прав граждан.

В нынешних реалиях, когда объём правовой информации, подлежащей комплексному исследованию с целью установления истины по уголовным делам, постоянно увеличивается, применение технических средств фиксации становится важным инструментом процессуального арсенала защитника как одного из важнейших участников уголовного производства. Закрепляется оно нормой пункта 6 части 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1].

Среди тактико-процессуальных аспектов, определяющих возможности и порядок использования защитников технических средств фиксации, можно выделить несколько обширных категорий.

1. Обоснование необходимости обращения к техническим средствам фиксации, как правило, имеющее следующие вариации:

— объективное закрепление обстоятельств рассматриваемого дела, в том числе результатов следственных действий, в которых участвовало лицо, интересы которого представляет защитник. Это основополагающий фактор, основанный на необходимости полного, точного, конечно, соответствующего правовой действительности материального отражения каждой значимой для обеспечения защиты участников процесса категории.

Именно посредством данной формы фиксации становится возможным исключение субъективного восприятия действий органов, которые участвуют в процессуальной деятельности на досудебных стадиях судопроизводства, сохранение доказательственной ценности полученной информации, а также её последующее использование уже на стадиях судебного разбирательства [2, с.

76]. Иными словами, объективное закрепление результатов следственных действий посредством технических средств фиксации позволяет защитнику исключать искажение рассматриваемой ситуации, равно как фальсификации доказательств, посредством чего он предпринимает активные меры в части защиты подозреваемого (обвиняемого), непосредственно влияя на качество проводимого расследования;

— пресечение всех неправомерных действий органов предварительного расследования и обеспечение возможности их обжалования. Основываются указанные процессуальные прерогативы защитника на наличии достаточной доказательственной базы, которая свидетельствует о допущенных органами следствия нарушениях процессуальных положений.

Например, зафиксировав посредством аудиозаписи факт превышения должностных полномочий (условно, когда следователь в ходе неформального разговора признаёт неправомерность проведённого им допроса, к которому по его указанию не допускался адвокат), защитник на основании полученных сведений может подготовить и подать соответствующую жалобу в порядке, регламентированном нормами статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3]. В ней он должен определить свои требования о признании незаконными действия следствия и устранении последствий таких нарушений (оспаривание законности проведённого следственного действия и исключение возможности использования в качестве отдельных доказательств результаты, которые были получены вследствие его осуществления);

— значительное укрепление гарантий соблюдения прав подозреваемого (обвиняемого). В рассматриваемом нами значении применение технических средств фиксации тесно связывается с обеспечением достаточного уровня правовой защищённости отмеченной группы участников процесса, и, как мы отмечали, служит доказательством того, что процессуальная деятельность осуществлялась в строгом соответствии с нормами закона.

2. Обращение к системе принципов использования технических средств фиксации, которые хоть и не получили своего исчерпывающего закрепления на уровне уголовно-процессуального законодательства, однако в достаточной

степени проработаны наукой. Обращение к фундаментальным установкам, в которых концептуально определены особенности использования технических средств фиксации, как мы полагаем, позволяет защитнику обеспечивать их законный, соответствующий задачам уголовного производства, характер.

Среди принципов использования технических средств фиксации С. С. Епифанов, С. Н. Кленов, В. В. Попов и А. А. Иванов, позицию которых мы разделяем, отмечают:

— целесообразность, подразумевающая, что применение технических средств фиксации должно быть мотивированно существенными основаниями и необходимостью для достижения целей защиты (которые были приведены выше). Иными словами, защитник обращается к технической фиксации лишь тогда, когда обладает основаниями полагать, что они смогут способствовать сохранению важной для защиты подозреваемого (обвиняемого) информации;

— активность, определяющая, что защитник инициативен в направлении использования технических средств фиксации. Условно, в отношении него не предусмотрены ограничительные установки, которые обязывают получать разрешение иных участников производства или государственных органов для применения технических средств;

— наступательность, отмечающая своевременность применения такого рода средств и в некотором смысле обращение к их предупредительной составляющей, которая позволяет пресекать возможные нарушения порядка досудебного производства. Принцип предполагает, что защитник не занимает пассивную позицию, становясь в некотором значении участником уголовно-процессуальных правоотношений, лишь ожидающим разрешающих действий со стороны органов предварительного

расследования. Более этого, напротив, он самостоятельно предпринимает действия по материальному закреплению обстоятельств и в этом смысле усиливает собственную доказательственную базу, вместе с тем, дополняя материалы, собранные властными субъектами [4, с. 12–13].

Иными словами, наступательность выражается в том, что технические средства должны применяться на основе прогнозирования противоправного поведения, которое потенциально может допускаться органами следствия и дознания. В этом значении защитник обращается к дополнительному способу правовой защиты, которая

3. Обеспечение соблюдения прав участников производства, которые потенциально могут затрагиваться при применении защитником технических средств фиксации. Как отмечает Ф. В. Козлов, такая деятельность защитника не должна касаться третьих лиц, равно как препятствовать ходу проведения следственных действий [5, с. 238].

Следует, что перед защитником, принимающим решение обратиться к использованию технических средств, ставится задача — соблюдать пределы, определяющие дозволенность применения им указанного вида фиксации. В этом смысле он должен руководствоваться не столько приоритетом защиты прав подозреваемого (обвиняемого), сколько необходимостью поддержания стабильности уголовно-процессуальной деятельности. Защитники, будучи представителями правовой системы должны в своей деятельности исходить из стремления обеспечения законности, справедливости и восстановления социальной справедливости, ввиду чего их действия, которые содержательно сводятся, как отмечалось, к защите подозреваемых лица ни в коем случае не должны становиться преградой для деятельности органов предварительного расследования.

Литература:

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024).
2. Оленев, А. Б. Право адвоката-защитника применять технические средства в рамках профессиональной деятельности: некоторые вопросы регламентации и реализации // Евразийская адвокатура. — 2020. — № 6 (49). — С. 76–80.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025).
4. Специальная техника правоохранительной деятельности / С. С. Епифанов, С. Н. Кленов, В. В. Попов, А. А. Иванов. — Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2007. — 142 с.
5. Козлов, Ф. В. Актуальные аспекты проблемы воспрепятствования правоохранительными органами деятельности адвоката-защитника по фиксации хода следственного действия при помощи технических средств по уголовному делу / Ф. В. Козлов // Молодой ученый. — 2021. — № 41 (383). — С. 236–238.

Надзор за законностью применения мер процессуального принуждения на стадии проверки сообщения о преступлении

Шишкина Полина Валерьевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты надзора за законностью применения мер процессуального принуждения на стадии проверки сообщения о преступлении. Исследователи обращаются к основным нормативно-правовым предписаниям, существующим механизмам регулирования и особенностям их осуществления в отношении современной правоохранительной системе.

Ключевые слова: надзорная деятельность, формы процессуального принуждения, проверка сообщения о преступлении, законность задержаний, защита прав граждан, уголовное производство.

Надзор за законностью применения мер процессуального принуждения на стадии проверки сообщения о преступлении представляется актуальной для анализа сферой научного исследования, значимость которой определена современными требованиями, который законодатель выделяет по отношению к действующей системе обеспечения защиты прав и свобод граждан, а также к показателям результативности правоприменительной практики. Учитывая, в частности, происходящие изменения, предполагающие усиление надзорной деятельности, важным аспектом является обеспечение законности в момент применения процессуальных мер, которые регламентированы положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1].

Недостаточный надзор может привести к злоупотреблениям со стороны правоохранительных органов, нарушению прав граждан и снижению доверия к правоохранительной системе. В это же время, установление и применение действенных механизмов позволяет в значительной мере совершенствовать деятельность правоохранительных органов, обеспечивая надлежащий баланс между задачами предварительного расследования и концепцией защиты прав участников уголовного производства. На основании отмеченного, мы можем определить, что надзорная деятельность в части законности применения мер процессуального принуждения — это важное направление современной науки, обращение к которой признаётся неотъемлемым условием для повышения эффективности правоохранительной деятельности, а равно — для обеспечения справедливости при осуществлении правосудия.

Содержание надзорной деятельности, предмет которой, как логически следует, составляет законность применения мер принуждения при проверке сообщения о преступлении, раскрывается в ведомственных актах, в первую очередь, — приказах Генеральной прокуратуры Российской Федерации. К ним относятся, например:

1) приказ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [2];

2) приказ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [3].

Так, направлениями надзора в обозначенных пределах регулирования, исходя из смысла приведённых нормативно-правовых актов, выступают:

1) своевременное реагирование на необоснованное и потому, очевидно, незаконное применение мер процессуального принуждения к подозреваемым и обвиняемым лицам. Так, в случаях выявления прокурором неправомерных действий, допущенных правоохранительными органами при применении мер процессуального принуждения (преимущественно задержания или обыска), к его непосредственным задачам относятся необходимость пресечения данных нарушений. Реализуется она за счёт проведения прокурорских проверок, по своей сущности, предполагающих подтверждение неправомерного характера, допущенных органами следствия или дознания, действий;

2) проверка соблюдения органами предварительного расследования на этапе проверки сообщения о преступлении предусмотренного законодателем порядка задержания, обеспечения законных прав задержанного лица (равно как и уголовно-процессуальных гарантий, предоставляемых ему в указанный период производства) и соответствия сведений, изложенных в протоколе, как материалам уголовного дела, так его фактическим обстоятельствам.

Проверочные действия, осуществляемые прокурором в приводимом аспекте, предполагают комплексную оценку деятельности органов дознания или следствия, позволяющую дать ответ на вопрос о том, насколько решения правоохранительных органов при задержании соответствуют слову закона и содействуют достижению основополагающих задач процесса. Так, отдельное внимание уделяется следующим положениям:

- оформление имеющихся процессуальных документов на предмет их соответствия (в содержательном аспекте) предусмотренной форме;

- соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства, охватывающих вопросы задержания лица, предполагающее подтверждение наличия законных оснований осуществления данной процессуальной меры и соблюдения его сроков (рассмотрение положений статей 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации);

- ознакомление задержанного лица с его правами, предполагающее, во-первых, убеждение в своевремен-

ности реализации этой задачи, возложенной на органы предварительного расследования, и, во-вторых, в её достаточности (информирование затронуло все положения, обеспечивающие защиту прав и свобод субъекта, подвергнутого этой процессуально-принудительной мере). Данное направление надзорной деятельности имеет значение, поскольку его действие охватывает необходимость обращения не только к предписаниям, регламентированным на уровне уголовно-процессуального законодательства, но и положениям, имеющим конституционно-правовую природу (например, статьей 51 Конституции Российской Федерации определено право субъекта не свидетельствовать на момент задержания против самого себя [4]).

– соблюдение требований, сводящихся к недопущению использования физической силы, иных средств физического воздействия. Важно убедиться, что в действиях сотрудников правоохранительных органов при проведении задержания отсутствовали факты применения насилия;

3) организация незамедлительного рассмотрения жалоб, поступающих от заинтересованных лиц, указывающих на допущение со стороны властных субъектов нарушения прав задержанных лиц. Эта деятельность предполагает реализацию надзорных механизмов, посредством которых обеспечивается не только своевременное реагирование на обращения граждан, но и их защита в аспекте восстановления затронутых интересов (которые стали, как логически можно определить, предметом посягательства со стороны органов следствия или дознания, проводивших задержание).

Разграничение данной формы надзора с ранее отмеченной вариацией выражается в характере инициирования такой деятельности. В данном случае первостепенной причиной обращения прокурора к соблюдению законности в действиях органов предварительного расследования является именно жалоба лица (его законных представителей), тогда как в предшествующей ситуации надзор реализуется по самостоятельному усмотрению прокурора (условно, если у него имеются подозрения о нарушении предусмотренного порядка по осуществлению задержания подозреваемого);

4) обеспечение немедленного освобождения незаконно задержанного или содержащегося под стражей свыше установленного законом срока лица;

5) проверка доводов задержанного о применении незаконных методов, которые сопровождали процессуальную деятельность органов дознания или следствия. При её непосредственном осуществлении прокурор рассматривает содержание заявления задержанного, сопоставляя его с материалами дела, в частности, протоколами досудебных следственных действий, которые стали причиной инициирования надзора.

Отмечая достаточные доказательства, объективно свидетельствующие о применении в рамках процессуальной деятельности недопустимых методов воздействия на участников процесса, прокурор принимает соответствующие меры реагирования. Например, выносит предписания руководителям органов следствия или дознания, требуя о проведения служебных проверок, а также привлечения к правовой ответственности представителей структур, которые допустили нарушение прав и свобод граждан, нарушив основополагающие принципы их защиты и поставив под угрозу результативность проводимой в целом деятельности, направленной на проверку сообщения о преступлении.

Прокурор, в частности, может давать разъяснения по устранению нарушений, которые были выявлены, содействуя координации контроля за исполнением принятых мер и их достаточностью для последующего пресечения смежных нарушений (выполнение превентивной функции).

Как отмечает Я. Н. Нарзиева, требования прокурора должны в каждом случае основываться исключительно на основании предоставленных ему для ознакомления материалов [5, с. 285–286]. Проявления субъективизма в этом аспекте признаются совершенно недопустимыми (это возможная проблема, отражающаяся на качестве надзорной деятельности, требующая разрешения в случае явного её проявления в деятельности сотрудников прокуратуры).

Следовательно, именно от качества осуществления приведённых форм надзорной деятельности зависит возможность полноценного обеспечения и поддержания законности при проверке сообщений о преступлениях. Ровно также их содержание отражается на недопущении неправомерных действий и решений органов предварительного расследования в части процессуального принуждения и применения его составляющих мер.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025).
2. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: Приказ Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 (ред. от 22.02.2023).
3. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 (ред. от 22.02.2023).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
5. Нарзиева, Я. Н. Надзор прокурора за исполнением закона при приеме и проверке сообщения о преступлении / Я. Н. Нарзиева // Молодой ученый. — 2023. — № 9 (456). — С. 284–287.

Особенности участия защитника в процессе предъявления обвинения и в допросе обвиняемого

Шумен Бэлла Шихамовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В рамках данной работы будут рассмотрены нормы уголовно процессуального законодательства, которые определяют порядок участия защитника в процессе предъявления обвинения и допросе обвиняемого. В качестве методологических основ, при написании работы были исследованы научные статьи отечественных авторов, действующая редакция уголовно-процессуального законодательства РФ, а также экспертные мнения в данном вопросе.

Ключевые слова: защитник, обвинение, допрос, обвиняемый, участие защитника в уголовном процессе, уголовный процесс, УПК.

Features of the defender's participation in the prosecution and interrogation of the accused

Within the framework of this work, the norms of criminal procedure legislation will be considered, which determine the procedure for the participation of a defender in the process of bringing charges and interrogating the accused. As a methodological basis, when writing the work, scientific articles by domestic authors, the current version of the criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as expert opinions on this issue were studied.

Keywords: defender, prosecution, interrogation, accused, participation of the defender in the criminal process, criminal procedure, CPC.

В уголовном судопроизводстве адвокат исполняет двойственную роль. С одной стороны, он выступает в качестве защитника подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного (ч. 1, 2 ст. 49 УПК РФ). С другой стороны, адвокат может представлять потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя в уголовных делах (ст. 43, 45, 55 УПК РФ).

Участие адвоката в следственных действиях способствует соблюдению процессуального закона и защите прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого), гарантируемых не только УПК РФ, но и Конституцией РФ, в частности, статьей 48. Допрос, как одно из первых следственных действий, требует активного участия адвоката для обеспечения корректности процесса получения доказательств.

Процедура допроса подозреваемого (обвиняемого) должна строго соответствовать требованиям статей 46, 47, 189 и 190 УПК РФ. До начала допроса подозреваемый имеет право на конфиденциальную встречу со своим защитником. В случае необходимости проведения процессуальных действий продолжительность такой встречи может быть ограничена следователем или дознавателем, но не менее чем на два часа, с обязательным предварительным уведомлением об этом. Ограничение времени встречи адвоката с подозреваемым можно рассматривать как попытку поставить стороны уголовного процесса в неравное положение, что ставит под сомнение справедливость приоритета производства следственных действий над законными правами подозреваемого и его защитника.

Эта ситуация подчеркивает актуальность проблемы принципа состязательности сторон, закрепленного в статье

15 УПК РФ. Хотя сторона обвинения имеет превосходство в правах и возможностях, сторона защиты все же может эффективно противодействовать, если соблюдены все процессуальные нормы и права подозреваемого [1].

Основанием для участия адвоката в уголовном судопроизводстве является соглашение с клиентом, оформленное в виде договора поручения (п. 1, 2 ст. 25 Закона об адвокатуре). Адвокат также обязан участвовать в уголовном деле по назначению органов дознания, предварительного следствия, прокурора и суда, если они обеспечивают его участие по просьбе подозреваемого, обвиняемого или подсудимого (п. 10 ст. 25 Закона об адвокатуре, ч. 2 ст. 50 УПК РФ) [2].

Таким образом одним же из важных механизмов, обеспечивающих защиту прав подзащитного на стадии предварительного следствия, является право адвоката присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросах обвиняемого и подозреваемого, а также принимать участие в иных следственных действиях, проводимых с их участием (ст. 53 УПК РФ) [3]. Эти права адвоката должны быть гарантированы следователем, который обязан создавать все необходимые условия для работы адвоката по делу. Это включает, например, своевременное уведомление адвоката о времени и месте проведения следственных действий, в которых он может принять участие. Однако прямого указания на эту обязанность в законе нет, что вызывает определенные сложности [4].

Пример из практики показывает, как адвокат, заметив нарушения в действиях следователя при предъявлении обвинения, настоял на выполнении всех процессуальных требований, что привело к отложению предъявления об-

винения. Такая активная позиция адвоката демонстрирует важность его роли в обеспечении справедливости и законности в уголовном процессе.

Порядок предъявления обвинения, согласно ст. 47 УПК РФ, требует, чтобы обвинение было предъявлено не позднее трех суток с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Постановление следователя должно быть законным, обоснованным и мотивированным, что подтверждается требованиями ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Если адвокат обнаруживает, что предъявленное постановление не отвечает этим требованиям, он обязан внести соответствующие замечания в протокол или обжаловать постановление.

Другой пример из практики иллюстрирует, как адвокат успешно оспорил формулировку обвинения, что привело к освобождению обвиняемого из-под стражи. Этот случай подчеркивает важность активного участия адвоката в процессе предъявления обвинения и его способность влиять на ход расследования.

Допрос обвиняемого является важным следственным действием, которое требует от адвоката тщательной подготовки как к самому допросу, так и к нейтрализации попыток следователя склонить обвиняемого к нужным

для обвинения показаниям. Отказ от дачи показаний не всегда является эффективной стратегией, так как может лишить защиту возможности использовать протокол допроса в качестве доказательства.

Пример из практики показывает, как адвокат, сталкиваясь с провокационными вопросами следователя, успешно защищал права обвиняемого, фиксируя свои возражения и заставляя следователя соблюдать законные процедуры. Этот случай демонстрирует важность профессиональной подготовки и активного участия адвоката на всех этапах допроса.

Профессиональный защитник должен уметь предвидеть тактику следствия и подготавливать своего подзащитного к даче показаний. Это включает в себя понимание юридических фактов, специфических для состава инкриминируемого преступления, и умение ограничиваться положениями уголовного закона при ответах на вопросы [5].

Таким образом, участие адвоката в допросе и других следственных действиях является фундаментальным элементом уголовно-процессуальной защиты, обеспечивая соблюдение законных прав подозреваемого и создавая условия для справедливого судебного разбирательства.

Литература:

1. Ильментьева, А. Н. Участие адвоката в допросе как средство защиты подозреваемого (обвиняемого) // Молодой ученый. 2022. № 50 (445). С. 246–248.
2. Адвокатура в России. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://be5.biz/pravo/a026/11.html> (дата обращения 20.06.2024).
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
4. Участие адвоката-защитника в следственных действиях. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://advokatsidorov.ru/uchastie-advokata-zashhitnika-v-sledstvennyx-dejstviyax.html> (дата обращения 20.06.2024).
5. Особенности действий защитника при предъявлении обвинения и допросе обвиняемого. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://e.ugpr.ru/321616> (дата обращения 20.06.2024).

Тактика осуществления защиты обвиняемого с момента предъявления обвинения

Шумен Бэлла Шихамовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье произведен анализ особенностей, существующих тактик осуществления защиты обвиняемого с момента предъявления обвинения. На основе формально-юридического, сравнительно-правового методов проведён анализ процессуально-правовых норм. Выделены этапы защиты, для каждого этапа систематизированы тактические приёмы — от оперативного получения и проверки документов до разработки защитной гипотезы, проведения экспертиз, процессуальных ходатайств и методики кросс-допроса.

Ключевые слова: тактика защиты, предварительное следствие, обвинительное заключение, защитная гипотеза, кросс-допрос, апелляционно-кассационная практика.

В современных условиях усложнения процессуального законодательства и роста числа уголовных дел роль защитника становится ключевой для обеспечения кон-

ституционного права на защиту. Непосредственно с момента предъявления обвинения защитник должен владеть комплексом тактических приёмов, позволяющих своевре-

менно выявлять нарушенные права подзащитного и эффективно противостоять обвинению.

Процедура задержания регламентирована ст. 91–97 УПК РФ и носит исключительный характер, поскольку ограничивает конституционные права гражданина. Согласно ч. 1 ст. 91 УПК РФ задержание возможно лишь при наличии достаточных оснований полагать лицо причастным к преступлению, а ч. 2 этой же статьи обязывает немедленно сообщить ему о причинах задержания и разъяснить права. Крайний срок нахождения обвиняемого под стражей без решения суда не должен превышать 48 часов (ст. 97 УПК РФ), что неоднократно подчёркивается в доктринальной литературе [1].

Нарушения порядка задержания — несвоевременное доведение мотивировки, отсутствие фиксации времени и обстоятельств — прямо влияют на допустимость доказательств и могут быть основанием для их исключения из материалов дела. При анализе законности задержания защитник должен оценить:

- наличие оснований задержания (приметы, показания свидетелей, результат ограждающих мероприятий);
- сроки доставки лица в орган предварительного следствия и представления его следователю;
- своевременность и полноту разъяснения прав (право на адвоката, на молчание, на переводчика).

Сразу после уведомления о задержании защитник запрашивает следующие документы:

1. Протокол задержания, отражающий время, место и обстоятельства задержания;
2. Постановление о доставлении (если задержание произошло вне здания следственного органа);
3. Журнальные записи (журнал регистрации доставленных лиц) [5].

Детальное изучение этих документов позволяет выявить противоречия между реальными фактами и формулировками следователя. При обнаружении расхождений подаётся ходатайство о видеозаписи процесса задержания и участия понятых для установления объективной картины событий.

На стадии первичного допроса ключевая задача защитника — минимизировать риски получения заведомо неблагоприятных для клиента показаний. Для этого проводится:

- Предварительная проработка возможных вопросов следователя и выработка «тезисов защиты»;
- Моделирование допроса с прогнозом реакций обвиняемого на провокационные формулировки;
- Контроль формулировок вопросов и ответов для исключения двусмысленностей.

Защитник должен активно участвовать в процессе: задавать уточняющие вопросы, добываясь конкретики, и фиксировать любые нарушения процессуальных норм.

Незнание своих прав часто приводит к их нарушению на практике. Поэтому защитник обязан:

- Разъяснить право на молчание и право на адвоката согласно ст. 46 УПК РФ;

- Обеспечить доступ к услугам переводчика для иностранных граждан;

- Инициировать присутствие независимого специалиста (например, психолога при сомнениях в психическом состоянии обвиняемого).

Отсутствие адвоката при допросе признаётся грубейшим нарушением, влекущим недопустимость полученных показаний [2, 3].

При выявлении нарушений защитник заявляет:

- Ходатайство о признании протокола задержания недопустимым доказательством и о исключении всех материалов, полученных с его нарушением;
- Жалобу прокурору на действия следователя или дознавателя;
- Жалобу в суд на несоблюдение сроков доставки и разъяснения прав.

Результатом грамотного ходатайства может стать отмена постановления о задержании и освобождение обвиняемого либо возложение на следственные органы обязанности повторить процедуру с соблюдением всех требований закона.

На этапе предварительного следствия защитник должен прежде всего сконцентрироваться на всестороннем анализе исходных материалов дела: протоколов осмотра места происшествия, изъятых вещественных доказательств, заключений ведомственных экспертиз и показаний свидетелей. Цель — установить пробелы и противоречия в изобличительных доказательствах обвинения. Для этого применяются следующие приёмы:

1. Комплексное исследование материалов дела с идентификацией «белых пятен» (например, отсутствие протоколов опроса ключевых свидетелей или недостаточная детализация вещественных доказательств).
2. Ходатайство об истребовании дополнительных документов: медицинских справок, договоров, банковских выписок, телефонных переговоров, необходимых для проверки версии обвинения и выстраивания альтернативной гипотезы.
3. Сравнительный анализ фактов: сопоставление данных разных источников (протоколы, электронная переписка, результаты экспертиз) для выявления несоответствий [2, 4].

Активная работа защитника с процессуальными ходатайствами позволяет оспаривать и уточнять доказательства. В соответствии со статьями 125–126 УПК РФ подаются ходатайства об исключении из материала дела недопустимых протоколов и заключений, полученных с нарушением порядка их оформления и приобщения. Одновременно заявляются ходатайства об истребовании недостающих доказательств (переписки, аудио- и видеозаписей), обосновывая их релевантность для версии защиты. В случае отказа в удовлетворении ходатайств подаются жалобы в суд и прокурору на бездействие или противоправные действия следователя.

Допросы обвиняемого и свидетелей на предварительном следствии представляют собой рубеж защиты.

Для нейтрализации провокационных вопросов защитник заранее составляет перечень возможных ходов следователя и отрабатывает с доверителем «контратаки». При работе со свидетелями используется карта возможных участников процесса с характеристиками их отношения к обвиняемому, лояльности и кругом вопросов, благоприятных для защиты, что позволяет направлять допрос в выгодное направление. Техника «мягких вопросов» («подводящие вопросы») применяется для выявления противоречий в показаниях и обоснования заявлений о недостоверности свидетельских утверждений.

Тщательный анализ обвинительного заключения выявляет нарушение требований ч. 1 и ч. 2 ст. 220 УПК РФ, обязывающих документировать квалификацию деяния, перечень доказательств и обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Формулировка защитной гипотезы служит основой дальнейшей стратегии. Гипотеза должна быть целостной, отражая единую логическую схему событий и не противоречить фактическим и экспертным данным; альтернативной, предлагая версию, снижающую степень вины (например, необходимая оборона или отсутствие прямого умысла); проверяемой, опираясь на документальные и экспертные доказательства, которые можно запросить дополнительно. Логико-системный анализ помогает выявить причинно-следственные связи и «узкие места» позиции обвинения [3, 5].

Психологическая подготовка клиента и выработка тактики его поведения в суде существенно повышают шансы на успех. Проводятся тренинги и репетиции дачи показаний для отработки чётких, непротиворечивых формулировок и контроля эмоций. Оцениваются риски ответов по матрице «возможный вопрос — возможный ответ»

с учётом психологических особенностей обвиняемого. Разрабатывается инструкция по поведению в зале суда: жестикуляция, интонация, паузы и экспрессия при представлении защитной версии.

До начала судебного заседания подаются предварительные ходатайства, укрепляющие защитную позицию. Заявляются обращения о признании доказательств недопустимыми (ст. 75–76 УПК РФ) в отношении материалов, полученных с нарушением прав обвиняемого; об исключении отдельных материалов (ст. 226 УПК РФ), например, характеристик свидетелей, заранее дискредитируемых в кросс-допросе; о допуске дополнительных экспертов или проведении независимой экспертизы (ст. 195 УПК РФ) для подтверждения альтернативной версии событий; о применении института соглашения о сотрудничестве (ст. 317 УПК РФ) при готовности клиента содействовать расследованию в обмен на смягчение ответственности. Эти шаги не только ослабляют доказательную базу обвинения, но и формируют благоприятный контекст для представления защитной гипотезы в судебных прениях.

Интеграция формально-юридических, сравнительно-правовых, эмпирических и психологических методов обеспечивает всесторонний анализ доказательственной базы. Это позволяет выявить «узкие места» обвинения, сформулировать альтернативные версии развития событий и усилить позицию защиты путём назначения независимых экспертиз и применения психологических приёмов кросс-допроса [4].

Таким образом, внедрение сквозной модели тактики защиты позволит повысить уровень профессиональной подготовки адвокатов и качество уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Егоров Н. Н., Ищенко Е. П. Криминалистика. М: Юрайт, 2023. 618 с.
3. Александров И. В. Криминалистика: тактика и методика. М: Юрайт, 2024. 314 с.
4. Александров И. В. Криминалистика: тактика и методика. М: Юрайт, 2024. 314 с.
5. О праве на защиту в уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_58/activity/legal-education/explain?item=72767910 (дата обращения 02.07.2025).

Уголовная ответственность в системе юридической ответственности нотариусов, занимающихся частной практикой

Щучкина Светлана Алексеевна, студент

Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

В статье рассматривается уголовная ответственность в системе юридической ответственности нотариусов, занимающихся частной практикой. Также охарактеризованы полномочия частных нотариусов, злоупотребление полномочиями частными нотариусами в Российской Федерации по Уголовному кодексу Российской Федерации.

Ключевые слова: правовой статус, частный нотариус, нотариат, уголовная ответственность, злоупотребление полномочиями, преступление, специальный субъект преступления.

Criminal liability in the system of legal liability of private practice notariuses

The article discusses Criminal liability in the system of legal liability of private practice notaries. It also describes the powers of private notaries, the abuse of authority by private notaries in the Russian Federation under the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: legal status, private notary, notary, criminal liability, abuse of authority, crime, special subject of crime.

В российском законодательстве для нотариусов, занимающихся частной практикой, предусмотрены четыре типа ответственности за их действия: дисциплинарная, административная, гражданско-правовая и уголовная. Каждая из них имеет свои особенности и последствия.

Дисциплинарная ответственность регулируется Кодексом профессиональной этики нотариусов РФ, который начал действовать с 1 января 2016 года. Этот кодекс устанавливает множество оснований для возбуждения дисциплинарного производства. Это могут быть жалобы от граждан, организаций или других нотариусов, уведомления от нотариальной палаты, обращения из Министерства Юстиции России или его региональных подразделений, запросы от органов госвласти или местного самоуправления, представления от следственных органов или прокуратуры, судебные решения, информация из СМИ, определения суда, а также сообщения от комиссий, которые проводили проверки деятельности нотариуса и соблюдения им правил нотариального делопроизводства.

Важно отметить, что правление нотариальной палаты имеет право привлекать нотариуса к дисциплинарной ответственности даже без возбуждения дисциплинарного производства в некоторых случаях. Если нотариус неоднократно нарушает дисциплину, нотариальная палата может ходатайствовать перед судом о лишении его права заниматься нотариальной деятельностью.

Административная ответственность наступает в соответствии с пунктом 2 статьи 15.6 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Она касается случаев, когда нотариус несвоевременно предоставляет сведения, нужные для налогового контроля, искажает эти сведения или предоставляет их не в полном объеме. За такое нарушение предусмотрен штраф в размере от 500 до 1000 рублей. Это означает, что нотариусы должны внимательно и своевременно предоставлять всю информацию, связанную с учетом организаций и физлиц, чтобы избежать административных санкций.

Гражданско-правовая ответственность регулируется статьей 17 Основ законодательства о нотариате. В соответствии с ней, нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную материальную ответственность за ущерб, который он нанес имуществу гражданина или организации в результате неправомерных действий при исполнении своих профессиональных обязанностей. Это может быть нарушение закона, необоснованный отказ в совершении нотариального действия или разглашение нотариальной тайны. Важно отметить, что за действия го-

сударственного нотариуса ответственность несет государство.

Уголовная ответственность предусмотрена статьей 202 Уголовного кодекса РФ, которая называется Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами. Она наступает в том случае, если нотариус использует свои полномочия в нарушение закона и в своих интересах, и это наносит ущерб правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства. Иными словами, если нотариус злоупотребляет своим положением ради личной выгоды, он может быть привлечен к уголовной ответственности.

Исходя из смысла статьи 202 Уголовного Кодекса Российской Федерации, субъектом преступления признается частный нотариус. Ввиду того, что частный нотариус имеет специальные права и обязанности, он является специальным субъектом, а значит обладает особым правовым статусом.

Чтобы стать нотариусом в России, нужно соответствовать требованиям закона о нотариате. Во-первых, необходимо не менее года стажироваться у частного нотариуса. Во-вторых, успешно сдать квалификационный экзамен. Только после этого можно получить лицензию на нотариальную деятельность. Лицензированный нотариус обладает особыми полномочиями по защите прав и законных интересов граждан и организаций, то есть является специальным субъектом права.

Работа нотариуса контролируется государством и носит государственно-властный характер [7]. В России нотариусы действуют от имени государства, заверяя сделки и документы. Каждый нотариус имеет свой личный бланк и печать с гербом России, где указаны его фамилия, инициалы, должность и адрес. Место работы нотариуса утверждается совместно органами юстиции и нотариальной палатой. Все нотариусы, независимо от места работы, обладают равными правами и обязанностями при совершении нотариальных действий, и все оформленные ими документы имеют одинаковую юридическую силу.

Работа нотариуса строго регламентирована законом. В своей деятельности нотариусы опираются на Конституцию, Гражданский, Семейный, Уголовный кодексы и процессуальные нормы, а также положения арбитражного производства. Чтобы правильно оформлять документы, нотариус вправе запрашивать необходимые справки и бумаги у граждан и организаций.

Уголовный кодекс Российской Федерации, в частности статья 202, выделяет частного нотариуса как осо-

бого субъекта ответственности. Хотя в Основах законодательства о нотариате используется термин нотариус, занимающийся частной практикой, речь идет об одном и том же лице. Важно отметить, что лицо, временно замещающее отсутствующего нотариуса, также может быть привлечено к уголовной ответственности, так как на время исполнения обязанностей ему передаются все полномочия. Однако стажеры и сотрудники нотариуса, работающие по трудовому или гражданско-правовому договору, не являются субъектами преступления, предусмотренного статьей 202 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Особое внимание следует уделять ситуациям, когда частный нотариус злоупотребляет своими полномочиями. Оценка действий нотариуса, который не исполняет или ненадлежащим образом исполняет свои обязанности, может быть дана как с точки зрения уголовного, так и с точки зрения других отраслей права. Признаки преступления содержатся в статьях 202 и 285 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Но для полного понимания этих признаков необходимо учитывать и другие нормативные акты, не относящиеся к уголовному праву, что может вызывать вопросы при квалификации преступлений.

Чтобы установить, совершил ли частный нотариус незаконное действие или бездействие, необходимо точно знать его обязанности и полномочия, а также способ их нарушения. Поэтому, прежде чем судить о незаконности действий нотариуса с точки зрения Уголовного Кодекса Российской Федерации, необходимо тщательно изучить законодательство о нотариальном делопроизводстве, чтобы понимать границы его полномочий. Только тогда можно дать правильную оценку его действиям или бездействию [8].

Положения уголовного законодательства и законодательства о нотариате и нотариальной деятельности должно иметь взаимодействие при правильной квалификации преступлений, совершаемых частными нотариусами. Исходя из смысла п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», суду необходимо конкретизировать, какими нормативно-правовыми актами обозначены права и обязанности субъекта преступления, злоупотребление каких прав и обязанностей было допущено, какая вина ему вменяется, со ссылкой на конкретную норму. Такое разъяснение переносится и на квалификацию злоупотребления полномочиями нотариуса.

Злоупотребление властью среди нотариусов, к сожалению, не является чем-то невозможным. Иногда недобросовестные нотариусы, намереваясь обогатиться, оформляют сомнительные сделки с недвижимостью, закрывают глаза на мошеннические схемы и даже помогают отмывать нечестно заработанные деньги. В особо серьезных случаях нотариус может стать частью организованной преступной группы. Тогда его рассматривают как

соучастника преступления, который использовал свои полномочия во зло. Тут возникает сложность: как определить, сам ли нотариус совершил преступление, или преступление совершили другие люди, а он лишь невольно им поспособствовал?

По закону нотариус — это представитель государства, поэтому к нему предъявляются строгие требования в плане морали и честности. Понятно, что его действия не должны бросать тень на репутацию государства. Именно поэтому случаи, когда нотариуса привлекают к уголовной ответственности, достаточно редки. Российское законодательство устроено так, что привлечь нотариуса к ответственности — задача не из легких. Чтобы привлечь его к гражданской ответственности, нужно доказать, что он виновен в совершении какого-либо деяния. А в случае, если договор, который он заверил, признают недействительным, получить компенсацию практически нереально. Дело в том, что нотариус, заверяя сделку, несет ответственность за ее законность и соответствие требованиям, но доказать его умысел в совершении незаконной сделки очень сложно. Более того, в большинстве случаев у нотариуса есть страховка профессиональной ответственности, что помогает покрывать убытки от его ошибок, а не злого умысла.

В конечном счете, такие ситуации подрывают доверие к нотариату и требуют более тщательного контроля за деятельностью нотариусов, а также совершенствования законодательства в этой сфере. Необходимо ужесточить требования к отбору кандидатов на должность нотариуса, а также усилить контроль за их работой со стороны нотариальных палат и государственных органов. Важно создать условия, при которых нотариус будет нести реальную ответственность за свои действия, чтобы исключить возможность злоупотреблений и защитить интересы граждан и государства [4]. Привлечением к гражданской ответственности заканчиваются лишь 10 % случаев обращения граждан [6].

Для привлечения к уголовной ответственности должен быть состав преступления. Оконченным такое преступление считается в случае причинения существенного вреда правам и интересам граждан, организаций, обществам или самого государства [2].

За последние годы случаев обвинения нотариусов в злоупотреблении полномочиями было немного. Так, в 2013 году в Челябинской области судили банду черных риелторов, в которую входил нотариус. Они воровали деньги от продажи жилья сирот, психически больных людей и пенсионеров. Один из пострадавших покончил с собой. Банду обвиняли в 42 случаях мошенничества с недвижимостью, 15 из которых совершили с участием нотариуса. Члены банды оформляли сделки от имени жертв, притворяясь риелторами, и забирали деньги себе. Некоторые сделки заверял нотариус из Челябинской областной нотариальной конторы. Например, они напоили пенсионера и оформили договор купли-продажи. Когда тот трезвел и понял, что произошло, он совершил самоубий-

ство. Расследование включало более 200 экспертиз, а дело разрослось до 130 томов [5].

В Курганской области суд рассмотрел дело нотариуса из Лебяжьевского района. Её обвиняли в том, что она, злоупотребив служебным положением, оформила доверенность за человека, который не мог этого сделать сам. По версии следствия, в декабре 2019 года нотариус выдала доверенность на распоряжение суммой свыше 500 тысяч рублей без согласия этого человека и без рукоприкладчика. При этом нотариус точно знала о психическом состоянии человека, из-за которого он был признан недееспособным. Несмотря на это, она заверила завещание на дом и землю в пользу брата этого человека [1].

Точно сказать, почему так мало дел заводят о привлечении нотариусов к ответственности, трудно. Возможно, большинство из них строго соблюдают закон в своей работе. Но нельзя исключать и то, что многие нарушения

просто остаются незамеченными, особенно если ущерб невелик. К тому же, как отмечают некоторые исследователи, многие преступления в этой области остаются скрытыми [3].

Отсутствие единообразия судебной практики и вариативность правоприменения, оставляет чрезмерно большое пространство для принятия решения по делам анализируемой категории.

Таким образом, применение уголовной ответственности частного нотариуса за злоупотребление полномочиями становится возможным на базе законодательства о нотариате, нотариальной деятельности и нотариальном делопроизводстве. Правильная квалификация преступления может быть только при детальном выяснении установлений фактов нарушения возложенных на нотариуса, занимающегося частной практикой прав и обязанностей, его полномочий.

Литература:

1. В Зауралье будут судить нотариуса за оформление доверенности за недееспособного// URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4878712> (дата обращения 25.11.2025).
2. Донская О. Г., Москалева Е. Н. Уголовная ответственность нотариуса // Юридические науки. 2020. Т.6(72), № 4. С. 101–109.
3. Зейналов М. М., Османов Г. З. О некоторых вопросах квалификации уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями частными нотариусами // Закон и право. 2022. № 1. С. 171–173.
4. Кириллова Е. А. Нотариат. Учебное пособие /под. ред. Р. А. Курбанова. Москва: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2024. 115 с.
5. Нотариуса судят за 15 преступлений в составе группировки «черных риелторов» // URL:<https://pravo.ru/news/view/86355/> (дата обращения: 25.11.2025).
6. Пластилина Н. Ошибки и мошенничества нотариусов // Жилищное право. 2016. № 9. С. 78.
7. Погосян Е. В. Современные проблемы нотариальной практики: учебное пособие для магистрантов. М.: Статут, 2018. 48 с.
8. Ралько В. В., Репин Н. В., Дударев А. В., Фомин В. А. Нотариат: учебник. М.: Юстиция, 2016. 214 с.

ИСТОРИЯ

«Непонятные, синкретические, странные»: феномен, анализ и историческая роль малых партий и общественных движений России в 1990-е годы на примере Партии любителей пива

Рыжков Арсений Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Киприянова Наталья Владимировна, доктор исторических наук, доцент
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Данная статья представляет собой анализ феномена так называемых «странных», «синкретических» и «малых» политических партий, возникших в Российской Федерации в 1990-е годы, в качестве предмета исследования выбрана Партия любителей пива (ПЛП). В условиях неразвитой многопартийности, фрагментации политического поля и низкой политической культуры, эти движения выполняли уникальные функции: от сатирической критики политического поля до выражения общественного протеста через абсурд. Исследование фокусируется на изучении структуры, программы и деятельности ПЛП, а также на определении ее исторического места и роли в формировании постсоветской политической системы, рассматривая ее как яркий пример «политического хэппенинга» и показателя массового политического отчуждения граждан.

Ключевые слова: 1990-е, Партия любителей пива, российская политика, политические партии.

Неразвитость политической жизни в условиях однопартийности и безальтернативности власти привела российское общество в 1990-е годы к желаниям попробовать все и сразу, всего по чуть-чуть, — познакомиться с бывшим капиталистическим врагом, — демократией; радикализировать различные течения или довести их до абсурда. Слабость партийной системы, отсутствие устойчивых связей между политическими элитами и широкими социальными слоями, а также низкий уровень политической культуры [7] создали уникальное пространство для возникновения политических субъектов, не вписывающихся в классические идеологические рамки. Так появились Партия любителей пива и многие другие. Возьмем для изучения именно это объединение — ПЛП имеет достаточно большое количество источников всего спектра — от «шутливости» до «серьезности». Также Партия любителей пива совершила не мало политических акций и действий. Рассмотрим конкретные причины появления подобных движений, их идеологии и состав, их влияние на политическое и историческое направление нашей страны на примере данной партии.

Как, спрашивается, партия, ставящая своей целью «отражение прав любителей пива» и использующая заведомо шутливый, несерьезный лозунг, смогла стать участником федеральных выборов, да еще и мобилизовать общественное внимание к своей организации? Вот мы и попробуем проанализировать Партию любителей пива

как необычный политический субъект, чья деятельность была весьма нехарактерной не только для 1990-х, но и для наших дней.

Для этого исследования нам потребуются источники, связанные с ПЛП. Так, мы располагаем двумя группами источников. Так как вопрос связан с политическим движением, то и источники для этого характерные — агитационный материал и «документальный», «декларационный». Наши первые источники — агитационные материалы, — листовки, плакаты и календарь Партии любителей пива. В этой группе источников будет представлено 7 экземпляров. Опишем их общие черты: все они подлинны, субъективны, ибо созданы с целью агитации, но при этом и исторически весомой для опровержения информации в них нет. Так что и критерий «достоверность» не совсем подходит для этих источников. Все эти источники появились в 1995 году. Среди них 4 листовки, одна наклейка, календарь и плакат. Другая группа источников — официальные документы партии — две декларации и программа. Есть и третья группа — СМИ и периодика, куда мы внесли газету «Вечерняя Москва», издававшаяся каждый день, отчего мы и сможем узнать о деятельности ПЛП, кроме того, имеется взятое нами интервью с одним из основателей Партии, Константином Калачевым.

На заре демократии, в 1993 году, молодые Константин Калачев и Дмитрий Шестаков пытались стать депута-

тами от партий ПРЕС и «Гражданский союз». Потерпев неудачу, коллеги стали обсуждать, что партий, отвечающих их интересам и интересам всего народа, — нет. Константин Калачев спросил друга, а за какую бы партию тот точно проголосовал. Ответ поступил шуточный — за Партию любителей пива. Тогда первый разослал по своим знакомым в газетах и журналах новость, что произошел Учредительный съезд Партии любителей пива, генсеком избран Константин Калачев, председателем — Дмитрий Шестаков. Шутка зашла слишком далеко, и на следующее утро все СМИ трубили о появлении новой партии. Было решено дать пресс-конференцию в баре. Там, во время общения с журналистами и была создана «Политико-питейно-закусочная декларация». [12] Все это происходило 13–14 декабря 1993 года. Так, фактически, и появилась Партия любителей пива.

Дальнейшее развитие мы будем рассматривать и со слов К. Калачева, и с материалов газет, где упоминалась ПЛП. Ни наш интервьюируемый, ни газеты не упоминают Партию, кроме как в 1993 — о ее создании и пресс-конференции. Судя по всему, развитие продолжилось с весны 1994 года, когда начались агитация и первые акции. По нашим предположениям, друзья искали финансовую поддержку в эти сроки «бездействия», так как уже спустя полгода, Партия проводила не самые дешевые кампании. Например, концерты, футбольные матчи и даже субботники. Так прошел 1994 год в истории Партии любителей пива: раздача интервью основателями, открытие региональных отделений, проведение акций и агитаций. 10 апреля 1994 года, Партия любителей пива была официально зарегистрирована Минюстом РФ.

Перейдем к Выборам-1995 в Госдуму второго созыва. Вся кампания, по словам Константина Калачева, стоила «300 тысяч долларов». [12] Откуда появились эти деньги, не совсем ясно. Но, предположительно, — это средства спонсоров, в основном предпринимателей. Также, взносы членов и неравнодушных. Так или иначе, кампания завершилась. Имеются данные о количестве членов на лето 1994 года: 50.000 человек, имелись отделения в 60 субъектах Российской Федерации. «Шуточная» партия стала самой быстрорастущей в стране. Но все же выборы 1995-го года считаются для Партии любителей пива проигранными: всего 0,62 %, 486673 голоса, из которых 428.727 по партийным спискам и 57.946 по одномандатным округам. Константин Калачев и Дмитрий Шестаков разочаровались результатами. В то время в политологии считалось, что если партия проиграла первые выборы, то дальнейшая ее судьба будет той же. Поэтому, история Партии в рамках XX века постепенно завершалась. В 1998 году, к сроку обновления документов, подтверждения и продления, в Минюст даже не явились представители Партии любителей пива, посчитав это дело в будущем бессмысленным. Так и окончилась единственная кампания ПЛП.

Давайте обратимся к самой кампании Партии. Основана она была на двух, как нам кажется, вещах: иронии, абсурде и создании уникального образа «простых парней»,

уставших от большой политики, что контрастировало с возрастными коммунистами и академиками-либералами. Итак, ПЛП не редко обращалась к «политическому хэппенингу», как его называет в своей работе Д. А. Левчик [3]. Другими словами, это создание определенных событий, ивентов, как сейчас стало говорить, направленных на какое-либо политическое высказывание. Это не связано с митингами или акциями, ибо зачастую такой «хэппенинг» — заведомо шуточен и не до конца серьезен. Он часто характеризуется каким-либо высказыванием на тему политики. Не имея больших денег, а также желая «выделиться» на фоне тех массовых и слишком обычных для них партий, малые объединения не редко используют подобные событийные акции. Наверное, можно назвать это перформансом. Мы и задали такой вопрос Константину в интервью — какие перформансы ПЛП вы можете вспомнить? В ответ мы услышали — «Помню, мы хоронили демократию». [12] Мы не смогли получить подробностей, но нашли их сами в газете — так, было это 13 января 1995, имеется лишь заметка о «Символических похоронах договора»: «Партия любителей пива провела похороны Договора об общественном согласии у здания Российского общественно-политического центра. После начала боевых действий об этом «эпохальном» документе благополучно забыли». [15] Данный Договор явился следствием разобщения и несоворчивости в Думе, более 800 политиков поставили подписи под этим документом, обещав друг другу содействие и составление необходимого законодательства. Не совсем понятно, какое такое влияние данный документ оказывает на демократию, но именно такое название этой акции дал Константин Калачев. Тем не менее, возможно на тот момент Договор имел какую-то весомую роль как минимум в новостном поле. Но сейчас, в наше время, об этом Договоре даже не вспоминается и нигде не упоминается ни в учебниках, ни в речах, самих подписавших это соглашение, политиков. Рассмотрим же саму акцию. Такие пиар-события другие партии ранее не совершали, — устроить «похороны» забытого документа, это, во-первых, смело (может, с перспективы нашего времени), во-вторых, оригинально и необычно, и, в-третьих, весьма остросоциально, — указывает на ошибки и ложь правительства.

Имелись и другие «акции» ПЛП, перечислим и кратко опишем их: Заметка «Кто не работает, тот не пьет» на главной странице «Вечерней Москвы» от 22 апреля 1994 года сообщает нам об организации субботника в 9 утра на Поклонной горе под руководством ПЛП. Здесь же Партия и будет принимать новых членов. «Вступительный взнос — 12 бутылок пива (можно дешевого) или пять тысяч рублей». Там же обещается и разлив пива по кружкам по цене ниже рыночной. [13] Анализируя, видим на первый взгляд вполне обыкновенную политическую акцию, даже можно сказать советскую. Но со своим уклоном — приемом и розливом пива. В целом же, считаем конкретно это действие Партии «пробой пера», ибо в дальнейшем увидим уже более самобытные «выходки».

22 августа 1994 все в той же газете имеется заметка: «Решен вопрос с тарой», где и рассказывается как Партия любителей пива избавилась от стеклотары и успешно применила это абсолютно, казалось бы, никак не связанное с политикой обыденное действие в свою пользу. Путем взаимодействия с некоей «Партией бедноты», наш изучаемый субъект смог «прорекламировать» себя и сыграть на важной в то время проблеме общества — слабой экономике, социальной политике и нищете. Также, в газете красуется цитата «политбюро Партии любителей пива», а именно: «передача бутылок способствовала сближению истинно двух народных партий...». [14] И здесь умелая публичная политика ПЛП, колющая государство.

Следующая акция ПЛП на этот раз описана не просто заметкой на первой странице газеты. Рассказ о проведенном концерте удостоен целой статьи и двух фотографий. Называется она: «Песня без похмелья». 26 марта ПЛП провела концерт с исполнением «шлягеров 20–70-х годов», на него были приглашены звезды разного «статуса звездности», разливалось бесплатное пиво, проведлся конкурс на лучшую группу. Казалось бы, обычное для партий политическое действие, но то, что происходило на концерте, а именно голый Бари Алибасов, поющий «Песню про зайцев», а также участие группы из грузинских дипломатов и послов. [16] Весьма простая внешне, но «оригинальная» внутри политическая акция. Мы могли бы и не брать данный пример, но он выступает как подтверждение слов Константина Калачева в интервью о проведении концертов.

И последний имеющийся об акциях источник — газета от 1 августа 1995, самая близкая к выборам. На этот раз Партия устроила пикет у ворот Посольства Германии в Москве. Связано это с тем, что якобы выдача виз в упомянутое государство происходит в атмосфере хамства и недоброжелательности. Представители ПЛП напоминают об объединяющем и немцев, и русских факторе, — «напитке янтарного цвета». К данному пикету проявили интерес АП, чешское телевидение, местные каналы и СМИ. [17] Увы, но на этот политический протест в Посольстве никак не отреагировали. Как видим, Партия любителей пива не всегда даже ждала повода для действий, а создавала и искала их сама. Так и в данном случае, — просто заметила небрежное отношение Посольства к гражданам — и тут же организовала пикет, обратив на себя внимание даже иностранных журналистов.

Были у партии и напрямую агитационные материалы. Вкратце проанализируем их. Единственная наклейка Партии играет на массовость — на ней изображены люди разных возрастов и профессий, все с кружкой пива, над ними лозунг: «Пиво объединяет!». Весьма простая идея с простым посылом и исполнением. [1] Четыре листовки сделаны уже оригинальнее, играют со «спецификой» Партии, так, например, листовка с пивной крышкой гласит: «Только свежие решения» [3], имеется и листовка с частью «Политико-питейно-закусочной декларации» [6]. Третья листовка изображает помятого вида мужчину в рваном ватнике и гласит: «Последний шанс». [4] Тут уже

никаких намеков на уникальность Партии, а лишь игра на бедности населения. Последняя в нашей подборке листовка отвечает на сам по себе возникающий, по мере знакомства с Партией, вопрос — а это вообще серьезно? И вот, мужчина с флагом ПЛП на листовке дает ответ — «Это серьезно!». [2] Как нам кажется, весьма оригинально, и, самое главное, — предусмотрительно. Единственный календарь ПЛП, доступный нам, что не удивительно, имеет изображение кружки пива и лозунг: «Голосуя за нас, вы голосуете за себя!». [5] Лозунг, безусловно, не самый уникальный, но вот феномен использования календарей для агитации, вроде бы, появился в истории современной России, впервые. Может, именно Партия любителей пива привнесла это нововведение в политическую агитацию Российской Федерации? Остается последний материал — плакат со стихотворным лозунгом «Пива любитель! Крепи единство. Долой нищету, безработицу, свинство!». Между этими двумя строками изображен сжатый кулак. [7] Весьма остросоциально, хоть и абстрактно. И так, что можно сказать, проанализировав семь данных агитационных материалов Партии? Во-первых, Партия любителей пива пыталась использовать свою особенность, — пиво. Благодаря этому, Партия могла применять юмор и абсурд в своих лозунгах, да и в другой агитации в целом. Это и отделяло их от остальных партий. Также, можно сказать, что данный хмелевой напиток выступал как символ свободы. Свободы личной, свободы политической, выступал как право на досуг, право на независимость от государственного контроля. Пиво давало простой способ протеста без сложных идеологических споров и форм. Во-вторых, все материалы построены чрезвычайно просто — без серьезных лозунгов, призывов, агитация говорила языком народа и масс, чем также выделялась на фоне «партий власти».

Что же насчет программных документов Партии любителей пива? Что провозглашала Партия, за какие идеи стояла? Узнать это мы можем на основе двух деклараций, программы, и, менее всего, устава. Декларация любителей выборов, написанная вечером на кухне [12], имеет несколько посылов. Авторы, К. Калачев и Д. Шестаков, провозглашают республиканские идеи — о выборе политиков и политики, идей и партий, и, конечно, выпивки и закуски. Партия провозглашает стремление к смене власти, к прекращению продлений политиков, «к основанию государства на основе выбора граждан, а не дубинок ОМОНа». В конце авторы призывают граждан России «полюбить выборы». [10] И так, как видим, намеков на пиво здесь крайне мало — лишь в первых двух строках документа. О чем это может говорить исследователю? О том, что, не смотря на шутовскую Партию, за этим стоят весьма серьезные мысли и идеи, и, что не мало важно, идеалы. Декларация пропитана либеральными тезисами и либеральным духом. Даже на основании одной шуточной декларации мы можем сказать, что идеалы ПЛП — либерально-демократические.

Далее, уже на пресс-конференции, проведенной на следующий день после «шутки» Константина и Дмитрия, ос-

нователи Партии написали следующую декларацию — Политико-питейно-закусочную декларацию. [12] В ней требовалось уже представить что-то по типу программы. Не будем перечислять каждый тезис данного документа, представим лишь провозглашаемые идеи: либерализм, плюрализм, рыночная экономика, антибюрократизм, верховенство закона, социальная политика, и даже нотка патриотизма. [8] Что, безусловно, похвально.

Далее, следуя хронологии событий, выходит Программа ПЛП. Она куда больше, чем предыдущие документы. В ней даже несколько глав: преамбула, главы «Взгляды на общество», «Права человека», «Отношение к государственной власти», «Демократия и ответственность», «Труд и занятость», «Охрана окружающей среды», «Экономика», «Внешняя политика» и «Наука, культура, народное образование». [9] Что можно выделить из этого? Во-первых, в программе диктуются социально-культурные положения: защита гражданского общества, борьба с авторитаризмом, поддержка культуры и науки. Во-вторых, экономические положения: поддержка малого и среднего бизнеса, снижение бюрократического давления, упрощение налоговой системы, борьба за качество пива и против монополий в этой сфере. Последнее, будучи смешным на поверхности, по сути является метафорой борьбы за рыночные механизмы и антимонопольное регулирование. В-третьих, все еще используется политическая сатира — таким образом ПЛП проводила деконструкцию чрезмерно манифестационной и оторванной от жизни российской политики.

Что же касается Устава — это сугубо официальный документ, как и у всех других партий. [11] Смеем предположить, что создан он для регистрации в Минюсте РФ, без чего бы Партию не позволили бы создать.

Все же, странные и малые партии Российской Федерации начала ее рождения имеют влияние на то время и на историю нашего Отечества. Эти объединения отражали то многообразие мнений на тот момент в государстве, то непонимание, как работает политика и демократия в целом. Эти партии и движения — итог, концентрация перемен в стране, вылившихся в появление более чем 200 партий на всей территории России. Не смотря на поражение Партии любителей пива, правительство заметило относительную успешность подобных партий и их лозунгов. Партия любителей пива — это лишь один из примеров широкого феномена «малых» партий. У таких партий и движений были свои функции в истории нашей страны, была своя роль и место. Во-первых, они являлись отражением свободы и политического «бума» 90-х. Можно даже сказать, отра-

жением неразвитости партийной системы. Во-вторых, служили неким показателем политического отчуждения населения — голосование за такие партии, в том числе и за ПЛП, было своего рода голосованием «против всех». В-третьих, малые партии были важным примером критики власти и политики того времени, не имея за собой «серьезных» идеологий, они могли критиковать и даже высмеивать политиков и их действия, — выступали «шутком», если можно так выразиться. Под маской шутливости говорили весьма колкие и важные вещи в сторону власти. В-четвертых, такие малые партии позволяли выйти из рамок официоза и быть по-настоящему лабораториями и полем для испытаний новых политтехнологий, чего не могли себе позволить крупные и серьезные партии.

Были и последствия деятельности малых партий и конкретно ПЛП. Вероятно, во власти оценили политику создания и участия в выборах «малых партий». Это вылилось в участие в выборах-1995 44 партий, а на выборах-1999–28. Это — пример создания властью партий-спойлеров для «оттягивания» голосов у своих конкурентов. Безусловно, это итог деятельности «малых партий». Даже в наше время власть прибегает к созданию подобных партий и даже кандидатов в президенты. Еще одной целью создания таких партий и кандидатов является создание иллюзии альтернативности. Мол, вот вам кандидаты всех политических направлений — голосуй не хочу.

Партия любителей пива, не добившись громкого политического успеха в виде прохождения в парламент, все равно навсегда вошла в историю как одно из самых ярких и характерных проявлений политического абсурда, присущего периоду становления современной российской демократии. Она завершила свое существование, фактически, в 1998 году, поскольку, в большинстве своем, политическое поле стабилизировалось, что является признаком взросления институтов и системы.

Стоит отметить, что в 2024 году Партия любителей пива вернулась. Константин Калачев стал политологом, ведя деятельность и по сей день. Дмитрий Шестаков поддержал сооснователя и тоже присоединился к новой Партии. Минюст РФ отказал Партии любителей пива в регистрации в ноябре 2024. Константин отметил, что не оставит попыток регистрации. Сейчас же Партия действует скорее, как кружок по интересам, а не партийная организация — проводят встречи с распитием определенного напитка в отведенных для этого местах, ведут соцсети и создают региональные отделения, что занимаются тем же самым на местных уровнях.

Литература:

1. Пиво объединяет! Выбирайте «Партию любителей пива»: [наклейка] / Избирательное объединение «Партия любителей пива». — [М.], [1995]. — 1 л.; фонд: НП, шифр: НП4–24, инв.№: 001069636 // <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/15095-pivo-obedinyayet-vybirayte-partiyu-lyubiteley-piva> (дата обращения: 01.08.2025)
2. Партия любителей пива. Это серьезно!: [листовка] / Избирательное объединение «Партия любителей пива». — [М.], [1995]. — 1 л.; фонд: НП, шифр: НП4–24, инв.№: 001069638 // <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/15096-partiya-lyubiteley-piva-eto-serieзно> (дата обращения: 01.08.2025)

3. Партия любителей пива. Только свежие решения: [листовка] / Избирательное объединение «Партия любителей пива». — [М.], [1995]. — 1 л.; фонд: НП, шифр: НП4–24, инв.№: 001069642 // <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15097-partiya-lyubiteley-piva-tolko-svezhie-resheniya> (дата обращения: 02.08.2025)
4. Последний шанс: [листовка] / Избирательное объединение «Партия любителей пива». — [М.], [1995]. — 1 л.; фонд: НП, шифр: НП4–24, инв.№: 001069643 // <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15104-posledniy-shans> (дата обращения: 02.08.2025)
5. Партия любителей пива. Голосуя за нас, вы голосуете за себя!: [календарь настольный на 1996 год] / Избирательное объединение «Партия любителей пива». — [М.], [1995]. — 1 л. (слож. вдвое); фонд: НП, шифр: НП4–24, инв.№: 001069644 // <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15105-partiya-lyubiteley-piva-golosuya-za-nas-vy-golosуете-za-sebya> (дата обращения: 02.08.2025)
6. Политико-питейно-закусочная декларация Партии любителей пива: [листовка] / Избирательное объединение «Партия любителей пива». — [М.], [1995]. — 1 л. (с об.); фонд: НП, шифр: НП4–24, инв.№: 001069645 // <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15106-politiko-piteyno-zakusochnaya-deklaratsiya-partii-lyubiteley-piva> (дата обращения: 03.08.2025)
7. Пива любитель! Крепи единство. Долой нищету, безработицу, свинство!: [плакат] / Избирательное объединение «Партия любителей пива». — [М.], [1995]. — 1 л.; фонд: НП, шифр: НП4–24, инв.№: 001069641 // <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15111-piva-lyubitel-krepi-edinstvo-doloy-nischetu-bezrabotitsu-svinstvo> (дата обращения: 03.08.2025)
8. Политико-питейно-закусочная декларация Партии любителей пива (в редакции 1994) // [https://web.archive.org/web/20161114130114/https://wiki/Партия_любителей_пива_\(Россия\)](https://web.archive.org/web/20161114130114/https://wiki/Партия_любителей_пива_(Россия)) (дата обращения: 04.08.2025)
9. Программа Партии любителей пива // [https://web.archive.org/web/20161114130114/https://wiki/Партия_любителей_пива_\(Россия\)](https://web.archive.org/web/20161114130114/https://wiki/Партия_любителей_пива_(Россия)) (дата обращения: 04.08.2025)
10. Декларация любителей выборов // [https://web.archive.org/web/20161114130114/https://wiki/Партия_любителей_пива_\(Россия\)](https://web.archive.org/web/20161114130114/https://wiki/Партия_любителей_пива_(Россия)) (дата обращения: 04.08.2025)
11. Устав Партии любителей пива // [https://web.archive.org/web/20161114130114/https://wiki/Партия_любителей_пива_\(Россия\)](https://web.archive.org/web/20161114130114/https://wiki/Партия_любителей_пива_(Россия)) (дата обращения: 04.08.2025)
12. Калачев К. Э. — «Интервью об истории Партии любителей пива» / беседовал Рыжков А. Д. // 21.11.2024
13. Вечерняя Москва: ежедневный деловой выпуск: Выпуски за 1994 год. 1994, № 75 Первый выпуск, 22 апреля. — Москва, 1994.
14. Вечерняя Москва: ежедневный деловой выпуск: Выпуски за 1994 год. 1994, № 157 Второй выпуск, 22 августа. — Москва, 1994.
15. Вечерняя Москва: газета: ежедневный деловой выпуск: Выпуски за 1995 год. 1995, № 6 Второй выпуск, 13 января. — Москва, 1995.
16. Вечерняя Москва: газета: ежедневный деловой выпуск: Выпуски за 1995 год. 1995, № 58 Второй выпуск, 31 марта. — Москва, 1995.
17. Вечерняя Москва: газета: ежедневный деловой выпуск: Выпуски за 1995 год. 1995, № 139 Первый выпуск, 1 августа. — Москва, 1995.
18. А. И. Зевелев, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаев и др. Политические партии России: история и современность. — Москва: изд. «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 631 с.
19. З. М. Зотова. Политические партии России. Организация и деятельность. — Москва: изд. «Российский центр обучения избирательным технологиям», 2001. — 123 с.
20. Д. А. Левчик. Политический «хэппенинг» // Социологические исследования, 1996, № 8, с.51–56
21. О. Г. Наумов. Либеральные партии в России в 1990е гг. — Оренбург, изд. «Южный Урал», 2007. — 265 с.
22. В. В. Согрин. Либерализм в России: перипетии и перспективы // Общество и реформы, 1997. — 11 с.
23. В. В. Согрин. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. — Москва, изд. «Весь Мир», 2001. — 272 с.
24. Е. Л. Сысолятина, В. Ю. Фоминых. Политическая культура России: исторические и современные особенности // Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». — Екатеринбург: УрФУ, 2019. — 9 с.
25. В. В. Федоров. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2010. — 13 с.

Жизненный путь ученого-медика, участника Великой Отечественной войны

Якубжанов Роман Олегович, студент;

Тарасова Валерия Валерьевна, студент

Научный руководитель: Нимгирова Алена Сергеевна, старший преподаватель

Астраханский государственный медицинский университет

В статье авторы исследуют жизненный путь доктора медицинских наук, заслуженного профессора Астраханской государственной медицинской академии Чиркина Юрия Дисановича, участника Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Чиркин Юрий Дисанович, доктор медицинских наук, профессор АГМА.

Проходит время, и оно стремительно бежит вперед. Больше восьмидесяти лет прошло с того знаменательного момента, когда долгожданное затишье посетила израненная войной страна. Однако с каждым годом война уходит глубже в прошлое, и всё отчетливее вырисовывается масштабность героических поступков советских людей. В течение всей продолжительной и жестокой войны наши соотечественники мужественно бились на передовой, преданно работали вдали от нее, терпеливо переживали тяготы и несли потери, жертвуя всем ради будущей Победы [3]. Одним из участников ВОВ был будущий сотрудник Астраханского медицинского университета Чиркин Юрий Дисанович.

Чиркин Ю. А. родился в 1925 году в городе Астрахань, в семье людей, посвятивших себя службе. По окончании в 1942 году средней школы № 50, отмеченной похвальной грамотой, он поступил на должность помощника токаря в ремонтную мастерскую АКРС № 5, поскольку трудоустройство в военные годы гарантировало получение специального довольствия. В августе того же 1942 года Юрия Дисановича призвали в армию для возведения оборонительных сооружений — противотанковых рвов — вблизи села Джакуевка Енотаевского района [1].

Получив подготовку на специальных курсах радиотелеграфистов, в январе 1943 года его призвали в Красную Армию и направили служить под Сталинградом, где ему пришлось пройти обязательный карантинный период.

Далее последовала служба в окрестностях города Зимовник, в Заполярье. Изначально он выполнял роль разведчика артиллерийской батареи, а впоследствии стал разведчиком 4-го дивизиона 1082-го стрелкового полка. Главная задача такого разведчика заключалась в предотвращении приближения вражеского летательного аппарата к важному объекту, даже находясь на большом удалении. Требовалось выявлять тип воздушного судна, траекторию его движения и скорость, а также отличать собственные и дружественные самолёты от вражеских — по внешнему виду и звучанию двигателя.

Рядовым в составе армии Чиркин Ю. Д. прослужил целых семь лет. На протяжении военных действий он выполнял обязанности разведчика-артиллериста.

Повозвращении из армии в 1950 году, будучи ветераном боевых действий и отличником школы, Чиркин Ю. Д. был принят в Астраханский государственный медицинский

институт имени Луначарского без вступительных испытаний. Имея образцовую успеваемость, он получал персональную стипендию, демонстрируя исключительно высокие результаты в обучении. В студенческие годы активно принимал участие в общественной жизни института и научных исследованиях, являясь председателем совета СНО АГМИ, а также был членом студенческого научного кружка при кафедре микробиологии под руководством профессора Б. И. Курочкина.

Параллельно он работал в вирусологической лаборатории Астраханской областной станции санитарно-эпидемиологического надзора. В 1959 году Чиркину Ю. Д. предложили должность ассистента кафедры микробиологии АГМИ.

В тот же год он прошёл курс повышения квалификации в Центральном институте усовершенствования врачей в Москве на кафедре вирусологии под руководством академика З. В. Ермольевой. Именно здесь состоялась защита кандидатской диссертации Чиркина Ю. Д., на которой присутствовали академик З. В. Ермольева и заслуженный деятель науки РСФСР, профессор П. Н. Кошкин, предоставившие молодому исследователю важные рекомендации. В 1961 году Чиркин Ю. Д. блестяще защитил свою кандидатскую работу, а уже в 1963 году получил учёное звание доцента.

В 1967 году Чиркин Ю. Д. занял должность заведующего кафедры микробиологии с вирусологией и иммунологией. Его научно-исследовательская деятельность была сосредоточена на моделировании газовой инфекции в лабораторных условиях. В указанный период времени (с 1961 по 1973 год) в Астрахани и области было выявлено 38 эпизодов газовой анаэробной инфекции.

В 1976 году Чиркин Ю. Д. успешно защитил докторскую диссертацию, посвященную теме «Пути рациональной химиопрофилактики экспериментальной газовой инфекции, вызванной различными ассоциациями анаэробов», после чего был удостоен учёного звания профессора.

Значительное количество исследований, осуществлявшихся на кафедре микробиологии под управлением профессора Чиркина Ю. Д., реализовывались в сотрудничестве с практикующими медиками, благодаря чему удавалось решать трудные задачи в диагностике и лечении болезней. Эта работа отличалась разнообразием: совместно с патологоанатомами анализировалась проницаемость капил-

ляров мышц при развитии экспериментальной газовой инфекции, реализованы хозяйственные договоры по изучению антимикробных качеств ила озер и другие проекты.

Помимо работы в сфере медицины и преподавательской деятельности, профессор Чиркин Ю. Д. проявлял высокую активность в общественной жизни. С 1977 по 1988 год он исполнял обязанности декана педиатрического факультета. На протяжении многих лет (с 1973 по 1998 год) Чиркин Ю. Д. возглавлял Астраханское отделение Всероссийского научного общества врачей-бактериологов, эпидемиологов, вирусологов и паразитологов.

Он был членом редакционного совета всесоюзного журнала «Антибиотики», экспертом при оценке научных работ сотрудников АГМИ, и регулярно выступал в роли оппонента при защите диссертаций в Куйбышевском и Киевском научно-исследовательских институтах.

Профессор Чиркин Ю. Д. активно участвовал в процесс вакцинации жителей Астраханской области против болезни полиомиелита.

Также Чиркин Ю. Д. был удостоен государственных наград, включая медали «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и орден «Отличник высшей школы». Решением ученого совета ВУЗа имени профессора Чиркина Ю. Д. в 1995 году было внесено в книгу почета «В честь 75-летия АГМИ» и ему было присвоено почетное звание «Заслуженного профессора АГМА» [2].

Под руководством профессора Чиркина Ю. Д. были защищены 3 кандидатских диссертаций, он также был научным консультантом 2 докторских диссертаций. За свою научную трудовую деятельность профессор Чиркин Ю. Д. опубликовал более ста научных работ.

Литература:

1. Башкина О. А. Жизнь замечательных людей / О. А. Башкина, Т. А. Левина, Н. В. Тимофеева. — 9. — Астрахань: ИП Теплый А. Д., 2020. — 163 с.
2. Доктора наук, профессора Астраханского государственного медицинского университета / В. М. Мирошников, Л. Ф. Попова, Ю. С. Войнова, Л. И. Чепурко. — 2. — Астрахань: Астраханский государственный медицинский университет, 2018. — 448 с.
3. Симоненко В. Б. Медицинская наука на службе фронту (к 75-летию победы в Великой Отечественной войне) / Симоненко В. Б., Кнопов М. Ш., Тарануха В. К. — Клиническая медицина. — 2020. — 98 (3) — С. 236–240.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (599) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 10.12.2025. Дата выхода в свет: 17.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.